

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «ИНСТИТУТ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО
ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

СМИРНОВА ЯНА АЛЕКСАНДРОВНА

**ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫМИ ПРАВАМИ
УЧАСТНИКАМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ**

Диссертация на соискание
ученой степени кандидата юридических наук

Специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры гражданского
права юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

Ломакин Дмитрий Владимирович

Москва – 2019

СОДЕРЖАНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ	3
§ 1. Историческое развитие запрета злоупотребления правом	16
§ 2. Теоретический анализ запрета злоупотребления правом	41
ГЛАВА II. КОРПОРАТИВНЫЕ ПРАВА УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ	79
§ 1. Общая характеристика корпоративных прав	79
§ 2. Право участия (членства). Классификация корпоративных прав.....	93
§ 3. Имущественные корпоративные права	103
§ 4. Неимущественные корпоративные права	112
§ 5. Фидуциарные обязанности участников хозяйственных обществ.....	125
ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫМИ ПРАВАМИ УЧАСТНИКАМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ	151
§ 1. Общая характеристика злоупотреблений корпоративными правами.....	151
§ 2. Виды злоупотребления правом в зависимости от субъекта	162
§ 3. Виды злоупотребления правом в зависимости от осуществляемых корпоративных прав.....	172
§ 4. Особенности применения санкции за злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ	210
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	214
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	219
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	221

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Развитие гражданского законодательства на современном этапе истории проходит по пути предоставления субъектам гражданских правоотношений большей свободы в установлении, осуществлении и защите своих прав и интересов. При этом одним из основополагающих принципов частного права (в противовес праву публичному) был и остается принцип равенства субъектов. Обеспечение равенства, необходимого для сохранения стабильности оборота, в условиях многополярности интересов всех вовлеченных субъектов возможно только в случае признания общих стандартов поведения.

В результате свершившейся в последние несколько лет реформы гражданского законодательства, вызванной стремительным развитием гражданских правоотношений, в качестве одного из основных начал и принципов гражданского законодательства впервые был закреплён принцип добросовестности. При этом данный принцип стал естественным противовесом абсолютной свободы правоосуществления и призван был регулировать баланс между равными правами и свободами каждого индивида и общими надличностными интересами общества в целом, под которыми понимается, прежде всего, стремление к стабильности гражданского оборота и предсказуемости поведения каждого его участника. Ещё одним результатом реформы гражданского законодательства стало признание особого характера корпоративных правоотношений и выделение таковых в отдельную разновидность гражданских правоотношений.

Если общество признает наличие общих интересов наряду с интересами отдельных индивидов, то правовая система такого общества признает возможность установления общих стандартов осуществления субъективного права конкретным субъектом, а также ограничений такого осуществления, определяя действия с выходом за пределы осуществления права как злоупотребление правом. В настоящее время основным пределом осуществления права признан принцип добросовестного правоосуществления.

Следовательно, заведомо недобросовестное осуществление права является злоупотреблением таким правом и запрещено законом.

Признание впервые на законодательном уровне особой роли принципа добросовестности, а также особого характера корпоративных правоотношений, безусловно, делает изучение отдельных аспектов и особенностей применения принципа добросовестности к порядку осуществления корпоративных прав крайне актуальным. Кроме того, корпоративные правоотношения всегда характеризуются существованием различных правовых интересов в рамках единого субъекта права. Неминуемость столкновения интересов при осуществлении корпоративных прав различными субъектами корпоративных правоотношений обуславливает необходимость применения общеправовых средств регулирования и, в первую очередь, запрета злоупотребления правом.

Законодатель не предусмотрел никаких объективных критериев для квалификации деяний в качестве злоупотребления правом, оставив решение данного вопроса на усмотрение суда. Анализ применимой судебной практики свидетельствует о существенном увеличении случаев обращения судов к общей норме о запрете злоупотребления правом, в том числе, в сфере корпоративных правоотношений. Но единый подход, объективные критерии и ясность в практическом применении отсутствуют. Зачастую судья руководствуется собственным субъективным мнением и ошибочно квалифицирует деяние как злоупотребление корпоративным правом.

В связи с вышеизложенным возникает необходимость в теоретическом исследовании правовой природы злоупотребления правом, определении его места среди других правовых институтов для регулирования корпоративных прав, а также выработке практических путей совершенствования практики применения запрета злоупотребления правом, что подтверждает актуальность настоящего исследования.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе

осуществления участниками хозяйственных обществ принадлежащих им корпоративных прав. Предметом диссертационного исследования являются нормы гражданского законодательства, специального законодательства о хозяйственных обществах и иных правовых актов Российской Федерации, прямо или косвенно регулирующих отдельные вопросы осуществления корпоративных прав участниками хозяйственных обществ, а также научные работы по исследуемой тематике, применяемая судебная практика в отношении злоупотреблений корпоративными правами.

Степень разработанности темы. Исследованию общих вопросов проблемы злоупотребления правом посвящены работы следующих дореволюционных ученых (Доманжо В., Оршанского И.Г., Покровского И.А., Новицкого И.Б., Петражицкого Л.И. и др.), советских цивилистов (Агаркова М.М., Бару М.И., Братуся С.Н., Грибанова В.П., Малеиной М.Н., Рясенцева В.А., Экимова А.И. и др.) и современных российских исследователей (Адамовича Г., Белова В.А., Витрянского В.В., Волкова А.В., Емельянова В.И., Ерошенко А.А., Зайцевой С.Г., Малиновского А.А., Поротиковой О.А., Радченко С.Д., Скловского К.И., Толстого Ю.К., Яценко Т.С. и др.).

Корпоративные правоотношения являлись предметом изучения следующих дореволюционных цивилистов: Вольф В.Ю., Каминка А.И., Писемский П.А., Руднев П.А., Тарановский Ф.В., Тарасов И.Т., Трубецкой Е.Н., Шершеневич Г.Ф., Эннекцерус Л. и др., советских ученых: Венгеров А.Б., Красавчиков О.А., Кулагин М.И., Тархов В.А., и др., а также современных российских ученых: Белов В.А., Гутников О.В., Долинская В.В., Козлова Н.В., Кузнецов А.А., Ломакин Д.В., Могилевский С.Д., Сеницын С.А., Степанов Д.И., Суханов Е.А., Шиткина И.С. и др.

Изучению зарубежного опыта применения запрета злоупотребления правом в сфере корпоративных правоотношений посвящены труды следующих зарубежных цивилистов, в числе которых Бертельс Ж.-Л., Дюги Л., Планиоль М., Сорель А., Анабтави И. (Anabtawi I.), Стоут Л. (Stout L.), Джулио

Куето-Руа (Julio Cueto-Rua), Эйзенберг М.А. (Eisenberg M.A.), Ф. Лоран (Laurent F.), Женкути Д. (Szentkuti D.) и др.

Несмотря на большое количество исследований в области злоупотребления правом и корпоративных отношений, особенности применения запрета злоупотребления правом к осуществлению корпоративных прав не получили до настоящего времени подробного теоретического анализа и изучения. Многие аспекты исследуемой проблематики остаются неразработанными и вызывают значительные сложности в правоприменительной практике. В числе таких проблем можно выделить отсутствие понимания границ и сферы применения запрета злоупотребления правом к корпоративным правоотношениям, а также порядка применения санкций за злоупотребление корпоративным правом. В связи с этим настоящая работа является изложением авторского подхода к исследованию осуществления корпоративных прав участниками хозяйственных обществ с точки зрения квалификации в качестве злоупотребления правом.

Цели и задачи исследования. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы, анализируя различные практические примеры злоупотребления правом участниками хозяйственных обществ, определить особенности применения общего запрета злоупотребления правом к осуществлению корпоративных прав участниками хозяйственных обществ, установить границы его применения, выработать рекомендации для построения наиболее адекватной системы осуществления корпоративных прав участниками хозяйственных обществ при сохранении правил о добросовестном поведении всех участников гражданского оборота, а также выявить и проанализировать наиболее вероятные формы злоупотреблений корпоративными правами участниками хозяйственных обществ.

В диссертации поставлены следующие исследовательские задачи:

- (1) изучить природу возникновения правового института запрета злоупотребления правом с целью обоснования необходимости

применения запрета злоупотребления правом к корпоративным правоотношениям;

- (2) проанализировать общие критерии пределов осуществления субъективного права с целью выявления пределов, применимых для осуществления корпоративных прав участниками хозяйственных обществ;
- (3) определить корпоративные права участников хозяйственных обществ, их содержание и порядок осуществления с целью очертить сферу применения запрета злоупотребления правом к порядку их осуществления;
- (4) выявить особенности применения общего принципа запрета злоупотребления правом к регулированию корпоративных правоотношений на примере осуществления корпоративных прав участниками хозяйственных обществ;
- (5) проанализировать различные виды злоупотреблений корпоративными правами участниками хозяйственных обществ, дать их классификацию, выявить особенности и характерные признаки;
- (6) исследовать порядок применения санкций в случае совершения участником хозяйственного общества злоупотребления своим правом, дать практические рекомендации по изменению действующего законодательства с целью исправления практики применения санкций за злоупотребление правом в сфере корпоративных правоотношений.

Методология и методы исследования. Настоящее исследование подготовлено с использованием общенаучных и специальных методов познания. В частности, для исследования института злоупотребления правом использована общенаучная методология системного анализа, для изучения корпоративных прав участников хозяйственного общества использован формально-логический метод. Методология структурного функционализма позволила изучить соотношение исследуемого института с иными сходными правовыми институтами (например, фидуциарными обязанностями

участников хозяйственных обществ) и провести анализ с привлечением экономической действительности (используются некоторые методы экономического анализа права). При изучении и анализе теоретических исследований отечественных и зарубежных авторов, а также материалов судебной практики использованы сравнительный метод и метод обобщения. Из числа специальных методов исследования были использованы следующие: формально-юридический (для изучения юридической техники и определения исследуемых категорий), сравнительно-правовой (для исследования правовых категорий в статике) и сравнительно-исторический (для исследования динамики развития правового института злоупотребления правом).

Научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы. В рамках подготовленной работы впервые при изучении проблемы злоупотребления правом проанализирован социологический аспект существования запрета злоупотребления правом в различных правовых системах с учетом исторических особенностей развития различных обществ. В результате сделан вывод относительно признания правовой системой запрета злоупотребления правом в зависимости от возможности существования общих надличностных интересов и целей общества наряду с интересами и целями отдельных субъектов. Такое исследование было необходимо для целей анализа злоупотреблений корпоративными правами, поскольку взаимоотношения внутри хозяйственного общества строятся по модели признания существования самостоятельного интереса общества наряду с интересами отдельных участников такого общества.

Теоретическая значимость работы заключается в выявлении сущности и правовой природы злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ в качестве корпоративного правонарушения. Также в работе предложена классификация злоупотреблений корпоративными правами по нескольким критериям, исследованы особенности применения санкции за злоупотребление корпоративными правами. Кроме того, в настоящей работе анализ злоупотребления корпоративными правами был

проведен в сравнении с иными ограничениями осуществления корпоративных прав, в частности, с фидуциарными обязанностями участников хозяйственных обществ.

В настоящей работе проведено комплексное исследование особенностей злоупотреблений участниками хозяйственных обществ принадлежащими им корпоративными правами. Исследования, подготовленные ранее, преимущественно акцентируют внимание на особенностях применения запрета злоупотребления правом к порядку осуществления отдельных прав и нередко носят описательный характер.

По результатам проведенного исследования выработаны практические рекомендации для правильного применения нормы о запрете злоупотребления правом к осуществлению корпоративных прав; выявлены практические ошибки, допускаемые судами при квалификации деяния участника хозяйственного общества в качестве злоупотребления правом и применении санкций за злоупотребление корпоративными правами (в частности, ошибочным признано применение судом запрета злоупотребления правом в случае отсутствия у лица по объективным обстоятельствам соответствующего корпоративного права, или дополнительных последствий, не предусмотренных законом, например признание корпоративного решения недействительным за злоупотребление правом, допущенное при принятии такого решения).

Основные научные положения, выносимые на защиту. Автором сформулированы и выносятся на защиту следующие основные научные положения:

- (1) Запрет злоупотребления правом предопределен возможностью признания и существования общих (надличностных) целей и интересов, определяющих пределы индивидуального правоосуществления, наряду с признанием интересов и целей за отдельными субъектами. Аналогичным образом построены отношения внутри хозяйственного общества: самостоятельный интерес общества в целом признается

наряду с существованием интересов отдельных участников такого общества. Пределы осуществления субъективного права могут определяться по-разному: назначение (функция) права, интерес, нравственные критерии и проч.

- (2) В настоящее время в российском праве добросовестность является единственным общим пределом осуществления субъективного гражданского права, направленным на обеспечение стабильности гражданского оборота и предсказуемости поведения его участников. При применении презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений в целях защиты прав участников гражданского оборота оценка добросовестности конкретных действий судом должна производиться на основе критериев, носящих объективный характер. Для корпоративных правоотношений такими объективными критериями могут быть наличие или отсутствие корпоративного конфликта в хозяйственном обществе, объем корпоративных прав, принадлежащих участнику, цель осуществления корпоративных прав участником, причинение ущерба имущественным интересам других участников, самого общества и/или третьих лиц.
- (3) Общий запрет злоупотребления правом применяется в равной степени к осуществлению любых корпоративных прав участниками хозяйственных обществ (по правилам соотношения общих и специальных частноправовых норм), включая и право на участие в управлении.

Для квалификации действий участников хозяйственных обществ в качестве злоупотребления правом юридическое значение приобретает цель осуществления корпоративного права. Основными целями злоупотреблений корпоративными правами могут быть создание затруднений для деятельности (дестабилизация деятельности) общества, нарушение прав других участников или общества в целом (включая перераспределение корпоративного контроля в обществе,

корпоративный шантаж, недружественный захват), причинение вреда третьему лицу (директору, управляющему, контрагенту). Доказано, что используемые на практике понятия «*гринмейл*», «*корпоративный шантаж*», «*активизм миноритариев (или участников)*» не имеют самостоятельного юридического значения, соответствующие действия являются примерами злоупотреблений корпоративными правами участниками (как правило, миноритарными) хозяйственного общества.

- (4) Коммерческий характер деятельности хозяйственного общества предопределяет основную цель всех его участников, заключающуюся в получении прибыли на принадлежащие им доли (акции) в уставном капитале хозяйственного общества. Злоупотребление корпоративными правами со стороны участника возникает тогда, когда указанная цель достигается им не за счет роста прибыли общества и/или стоимости всех акций (долей) общества, но за счет получения необоснованных преимуществ или выгод перед другими участниками общества в ущерб их интересам и интересам общества в целом. При этом данный вывод одинаково применим как для злоупотребления имущественными, так и неимущественными правами участника хозяйственного общества.
- (5) Злоупотребление корпоративным правом участником хозяйственного общества имеет природу особого корпоративного правонарушения. Противоправный характер злоупотребления, совершаемого участником хозяйственного общества, проявляется в нарушении им интересов (имущественной сферы) других участников общества, самого общества или третьих лиц (контрагентов, кредиторов или членов органа управления общества). При этом интересом хозяйственного общества, как отдельного и самостоятельного субъекта права, является вмененный интерес, предусмотренный законом или судебной практикой, основанный на цели деятельности общества (извлечение прибыли и максимальная капитализация вложений всех участников), либо отождествленный с интересами тех или иных участников общества,

требующих правовой защиты. Корпоративный характер такого правонарушения основан на том, что его совершение возможно только в результате осуществления участником хозяйственного общества принадлежащего ему корпоративного права; фактические действия, совершаемые участниками хозяйственных обществ вне связи с осуществлением корпоративных прав (физический недопуск на общее собрание, замена бюллетеней, подделка подписей, проведение параллельных собраний и проч.), не могут быть квалифицированы как злоупотребления правом.

- (6) Проанализирована категория фидуциарных обязанностей участников хозяйственных обществ с привлечением законодательства и судебной практики зарубежных правопорядков (Англии, США, Германии).

В российском корпоративном праве фидуциарные обязанности являются проявлением общего принципа, обязывающего всех участников гражданских правоотношений действовать добросовестно, и в связи с этим имеют природу общей нормы и принципа корпоративного права, носят императивный характер и не могут быть изменены внутренними документами хозяйственного общества. Они возникают у любого участника хозяйственного общества перед обществом (а не его участниками) независимо от размера принадлежащей ему доли в уставном капитале. Нарушение указанных обязанностей влечет ответственность в форме возмещения убытков в пользу общества, а не отдельных его участников, либо является основанием для исключения участника из непубличного общества.

- (7) Фидуциарные обязанности участников хозяйственного общества наряду с запретом злоупотребления правом являются ограничением недобросовестного поведения участников хозяйственных обществ. При этом сферы их применения не пересекаются: недобросовестное бездействие со стороны участника хозяйственного общества может быть исключено в результате применения положений о фидуциарных

обязанностях, в то время как для пресечения недобросовестного осуществления корпоративного права необходимо использовать именно запрет злоупотребления правом.

- (8) Проведена классификация злоупотреблений корпоративными правами по двум основным критериям: (а) в зависимости от субъекта; (б) в зависимости от вида осуществляемых корпоративных прав.

По субъекту различаются злоупотребления миноритарных и мажоритарных участников хозяйственного общества. Миноритарные участники допускают злоупотребления своими правами в основном с целью понуждения других лиц к выкупу принадлежащих им акций (долей) по завышенной цене посредством причинения вреда обществу и опосредованно через общество другим его участникам (в основном - мажоритарным). Злоупотребления мажоритарных участников направлены по общему правилу на вытеснение миноритариев из общества с целью получения полного контроля над обществом, при этом отсутствует намерение причинить вред обществу, поскольку в этом случае убытки понесет сам мажоритарий, как владелец крупного пакета акций (долей) общества.

По виду корпоративных прав выделены: (а) злоупотребление правом на участие в управлении обществом; (б) злоупотребление правом на получение информации о деятельности общества; (в) злоупотребление правом в связи с исключением участника непубличного общества; (г) злоупотребление правом на обращение в суд (в рамках которого проанализированы злоупотребления правом на обжалование корпоративных решений, на оспаривание сделок, правом требования возмещения убытков, причиненных обществу); (д) злоупотребление правом требовать ликвидации хозяйственного общества; и (е) злоупотребление правом при отчуждении участниками принадлежащих им акций (долей) хозяйственного общества. Только последняя категория включает злоупотребления имущественными

правами, например, злоупотребление преимущественным правом при продаже третьему лицу доли в обществе с ограниченной ответственностью. Злоупотребления иными имущественными правами не выявлены. Установлено, что участники хозяйственных обществ допускают, в основном, злоупотребления неимущественными правами, с помощью которых участник добивается для себя получения иных выгод и преимуществ, имеющих для него вполне имущественные последствия.

- (9) Основная санкция за злоупотребление правом в виде отказа в защите права не является исключительной, суды вправе применять иные последствия, предусмотренные законом. Учитывая имущественный интерес участников и самого общества, как коммерческой организации, направленный на извлечение прибыли, злоупотребления корпоративными правами зачастую причиняют имущественный вред другим участникам, обществу и/или третьим лицам, и в этом случае являются основаниями для предъявления такими лицами требований о возмещении им убытков. Практика применения судами иных последствий злоупотреблений корпоративными правами (например, исключение участника из непубличного общества, признание недействительным корпоративного решения либо отказ в применении срока исковой давности) в отсутствие специальных указаний закона, разрешающих их применение, не является правильной. В целях исправления данной ситуации рекомендуется дополнить соответствующие положения специальных законов о хозяйственных обществах прямой отсылкой к норме о запрете злоупотребления правом, нарушение которой, среди прочих, будет признано основанием для применения дополнительных последствий.

Апробация результатов. Диссертация подготовлена и обсуждена в отделе гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

(ИЗиСП), в том числе на заседании секции «Частное право» Ученого совета ИЗиСП 23 октября 2019 года. Отдельные тезисы настоящего исследования были апробированы путем обсуждения на различных круглых столах и научно-практических конференциях, проводимых ИЗиСП (на ежегодной конференции аспирантов и молодых ученых ИЗиСП «Интерес в правовой сфере: национальное и международное измерение» 19 апреля 2017 года, на ежегодной конференции аспирантов и молодых ученых ИЗиСП «Закон и ведомственное нормотворчество» 24 апреля 2019 года), а также Московским Государственным Университетом им М.В. Ломоносова (на панельной дискуссии «Правовое регулирование инвестиций и инноваций» в рамках Научно-практической конференции «Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития» 4 июня 2019 года).

Основные результаты настоящего исследования были опубликованы в журнале «Корпоративный юрист» № 8 за 2009, а также журнале «Законодательство» (№ 3, № 5 за 2017 год, № 2 и № 4 за 2018 год), включенном в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. Отдельные выводы, полученные в настоящем исследовании, использовались автором в практической деятельности корпоративного юриста.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, основной части (три главы, включающие одиннадцать параграфов), заключения, библиографического списка.

ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

§ 1. Историческое развитие запрета злоупотребления правом

На современном этапе человеческое общество представляет собой союз свободных независимых людей, обладающих самостоятельными целями, интересами и задачами. Но так было не всегда. Степень индивидуальной свободы, предоставляемая отдельному субъекту общества, и соотношение такой свободы с общими целями, интересами других субъектов и/или всего общества в целом на каждом этапе исторического развития определялись по-разному.

В юридическом аспекте соотношение индивидуальной свободы с целями и интересами общества в целом проявляется, среди прочего, в рамках развития понятия злоупотребления правом. Исследование социологического аспекта существования запрета злоупотребления правом в исторической ретроспективе необходимо для целей анализа злоупотреблений корпоративными правами, поскольку модель взаимоотношений внутри хозяйственного общества строится по модели взаимоотношений внутри человеческого общества. Выводы, сделанные в результате такого исследования, позволяют обосновать необходимость применения общего запрета злоупотребления субъективным правом к корпоративным правоотношениям.

Признание запрета злоупотребления правом той или иной правовой системой обусловлено, в первую очередь, взглядами соответствующего общества на пределы индивидуальной свободы и ее соотношение с надличностными интересами. По этому критерию можно выделить две основные концепции общества.

1. Индивидуалистическая концепция общества и ее влияние на признание запрета злоупотребления правом

Первая концепция общества признает абсолютную индивидуальность каждого субъекта, независимого и свободного по своей сути. Его права, свободы, цели, интересы и задачи наделяются высшей абсолютной ценностью,

равной по своей значимости правам, свободам, целям, интересам и задачам другого субъекта. Для реализации целей, интересов и задач субъекта правовое государство предоставляет субъективное право, которое является сферой его личной свободы. Следовательно, возможности индивида ничем не могут быть ограничены, кроме как личной свободой другого индивида: «право вытянуть свою руку заканчивается на носу твоего соседа»¹. При этом общество воспринимается как совокупность отдельных индивидов, а интересы общества как совокупность интересов каждого индивида.

Данный подход к пониманию общества был детально разработан в теории социального либерализма, основанной на принципе признания незыблемости прав и индивидуальных свобод человека в противовес злоупотреблениям государственной и общественной власти².

Как отмечал Л. Дюги, «человек по природе – свободный, независимый, изолированный носитель индивидуальных прав, неотчуждаемых, неотъемлемых прав, называемых естественными, нерасторжимо связанными с личностью, как таковой. Общества образовались посредством добровольного и сознательного сближения индивидов, соединившихся с целью обеспечить защиту своих индивидуальных, естественных прав. Несомненно, вследствие этого соединения права каждого из членов подверглись некоторым ограничениям, но лишь в мере, необходимой для обеспечения свободного осуществления прав всеми»³.

Наглядным примером является сравнение такого общества с закрытым помещением, в котором летают воздушные шары, заполненные расширяющимся газом. Каждый воздушный шар расширяется до тех пор, пока он не встретится с поверхностью другого шара, в этом случае он перестает увеличиваться и адаптируется к внешним границам. Цель права в таком

¹ Автор этого очень образного выражения, к сожалению, не известен. См. подробнее URL: <https://quoteinvestigator.com/2011/10/15/liberty-fist-nose/> (дата обращения: 13.08.2019).

² Основными последователями классической теории социального либерализма являются *Дж. С. Милль*, *Ж.Ж. Руссо*, *А. Смит*, *Р. Вольф* и др.

³ *Дюги Л.* Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона. Пер. с фр. Сиверс М.М. Под ред. Гойхбарга А.Г. М., 1919 С. 16.

обществе сводится к охране и защите личного периметра каждого шара, а то, что происходит внутри оболочки шара, не касается никого, кроме самого шара⁴.

Принятый в таком обществе принцип невмешательства в частную сферу правоосуществления, а также признание абсолютного характера любого субъективного права делают невозможным существование запрета злоупотребления правом в правовой системе такого общества.

История предлагает нам несколько примеров проявления индивидуалистического подхода к пониманию общества в правовых системах. Наиболее ярко он проявляется в правовой системе общего права, отрицающей любые ограничения осуществления субъективного права, поэтому именно с общего права мы начнем детальное рассмотрение далее. Также индивидуалистическая концепция общества нашла свое отражение в праве римской империи, французском праве XIX века и праве дореволюционной России. Указанные правовые системы основывались на абсолютном характере субъективного права, признании его высшей ценностью, и по сему отрицали возможность установления каких-либо пределов его осуществления. Законодательство этих правовых систем не предусматривало общего запрета злоупотребления правом. Однако, правоприменительная практика, отталкиваясь от необходимости ограничения субъективного права для целей спокойного сосуществования всех индивидов в обществе, создавала свое толкование безграничных субъективных прав, выявляя в конкретных примерах невозможность того или иного правоосуществления (в частности, с целью причинения вреда другому лицу, либо с иными безнравственными мотивами). Как правило, такие примеры в большинстве случаев относились к «соседским» правоотношениям двух или нескольких собственников, чьи права на уровне закона признавались равными и абсолютными. Вслед за

⁴ Пример был приведен в книге Р. Вольфа, Б. Мура и Г. Маркузе «Критика чистой терпимости» (*Wolff R.P., Moore Jr. B., Marcuse H. A Critique of Pure Tolerance*), 1965. Цит. по *Herman Sh. Classical Social Theories and the Doctrine of 'Abuse of Right'*, 37 *La. L. Rev.* (1977), С. 751 URL: <http://digitalcommons.law.lsu.edu/lalrev/vol37/iss3/6> (дата обращения 11.06.2019).

судебной практикой, юридическая доктрина также развивала учение о необходимости введения пределов осуществления субъективного права, но попытки изменения законодательства оставались безуспешными по причинам, в частности, нечеткости предлагаемых формулировок ограничений прав, а также возрастания роли усмотрения суда при определении пределов осуществления прав.

1.1 Запрет злоупотребления правом в общем праве

Запрет злоупотребления правом не нашел своего признания в общем праве. Основная причина заключается в том, что субъективное право понимается как нечто абсолютное, не имеющее никаких ограничений. Оно призвано удовлетворить интересы своего правообладателя. Любые действия, совершенные управомоченным лицом в объективных рамках, установленных законом и составляющие содержание субъективного права, признаются дозволенными и подлежат судебной защите.

Классическим примером нежелания судей устанавливать какие-либо ограничения для осуществления субъективного права (на примере права собственности) является дело *The Mayor, Aldermen and Burgesses of the Borough of Bradford v. Edward Pickles*, рассмотренное Палатой Лордов в 1895 году. Основной вывод этого судебного дела следующий: право собственности остается таким же независимо от мотива его осуществления управомоченным лицом: будь то добросовестное улучшение земли, или умышленное причинение вреда соседу, или побуждение соседа выкупить принадлежащую ему землю. Ни при каких обстоятельствах действия по осуществлению права собственности, являющиеся законными при надлежащем мотиве их совершения, не могут быть признаны незаконными по той причине, что они совершены с мотивом ненадлежащим или даже злонамеренным⁵. Аналогичный вывод был сделан судьей Виллс (*Justice Wills*) при рассмотрении дела *Allen v. Flood* (1898 год) в отношении осуществления

⁵ Cueto-Rua J. Abuse of Rights, 35 La. L. Rev. (1975), С. 968. URL: <http://digitalcommons.law.lsu.edu/lalrev/vol35/iss5/3> (дата обращения 11.06.2019).

права, предоставленного договором: «Можно без преувеличения сказать, что некоторые из самых жестоких поступков, рассматриваемые судьей, являются просто осуществлением права, предоставленного договором»⁶.

Указанный подход не раз критиковался юридической доктриной. Интересно мнение Н.С. Gutteridge, который сказал, что «английское право, не сомневаясь, поставило печать своего одобрения на теории расширительного понимания субъективных прав, которая может быть названа не иначе, как освящение идеи безграничного эгоизма»⁷.

Запрет злоупотребления правом как способ ограничения осуществления права не был принят юристами общего права, по мнению которых, он вносит неопределенность в применение заранее установленных норм при рассмотрении судами конкретных дел. В некотором смысле этот запрет «открывает дверь для применения опасных принципов, по которым право собственности или договорное право могут быть ограничены *ex post facto*, игнорируя всем известные правила игры»⁸, что, безусловно, противоречит общему праву в целом, основанному на *stare decisis* (обязательной силе прецедентов) как «самой эффективной гарантии, которую государство может дать своим гражданам против непостоянства, предвзятого мнения и субъективных предпочтений судьи и присяжных»⁹.

Таким образом, общее право не признает запрет злоупотребления правом в качестве общей нормы. В его отсутствие, предлагаются другие правовые институты, регулирующие подобные действия, в частности, предлагается использовать положения английского деликтного права (*tort law*), например, правила в отношении злонамеренных действий (*nuisance*), злонамеренного судебного преследования (*malicious prosecution*) и прав добросовестного толкования (*rights of fair comment*)¹⁰. Но применение

⁶ Cueto-Rua J. Указ. соч. С. 967.

⁷ H.C. Gutteridge Abuse of Rights. 5 Cambridge Law Journal. 1933. Цит. по Cueto-Rua J. Указ. соч. С. 968.

⁸ Cueto-Rua J. Указ. соч. С. 969.

⁹ Там же. С. 969.

¹⁰ Cueto-Rua J. Указ. соч. С. 970.

указанных правовых институтов налагает ряд ограничений на сферу использования запрета злоупотребления правом: в частности, сфера корпоративных правоотношений напрямую исключена из действия запрета злоупотребления правом – таким образом, участники юридических лиц не могут быть ограничены в осуществлении своих прав.

1.2 Запрет злоупотребления правом в римском праве

По мнению римских юристов, осуществление субъективного права состоит «в совершении лицом определенных действий, служащих для удовлетворения его положительных интересов, защищаемых правом, и в противодействии нарушения этих прав»¹¹. В пределах принадлежащего ему права любое управомоченное лицо имеет практически ничем не ограниченную возможность такое право осуществлять: «никто не считается поступающим злоумышленно, если он пользуется принадлежащим ему правом»¹².

Древний принцип свободного пользования своим правом «*que jure suo utitur neminem laedit*», - то есть тот, кто пользуется своим правом, никогда не причиняет вреда»¹³ понимался французским исследователем М. Планиолем следующим образом: «если я имею право на исполнение известного действия, то нет вины с моей стороны, если я его исполню: и если я имею право воздержаться от него, тот нет вины с моей стороны, если я его не исполнил»¹⁴. Применение данного принципа на практике при разрешении конкретных казусов приводило к тому, что единственным назначением субъективного права являлось удовлетворение потребностей правообладателя. Никакого иного назначения субъективного права римские юристы не признавали.

¹¹ Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Римское частное право. М. Юриспруденция, 2001. С. 49.

¹² В оригинале: «*Nullus videtur dolo facere, qui iure suo utitur*» (50.17.55). Цит. по Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Указ соч. С. 50.

¹³ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. Статут, 2000. С. 26; См. также Доманжо В. Ответственность за вред, причиненный путем злоупотребления правом // Ученые записки Казанского Императорского университета, Кн. V. Казань, 1913. С. 1.

¹⁴ М. Планиоль Курс французского гражданского права. Часть первая. Теория об обязательствах. Перевод с французского В.Ю. Гартман. Выпуск второй. Издание типографии С. Пансаго. Петроков, 1911. С. 294.

Подобное понимание субъективного права во многом объясняет отсутствие общего запрета злоупотребления правом в римском праве¹⁵.

Категоричность сделанных выводов настораживает: неужели римские юристы, ценившие правопорядок и правовую стабильность, обошли стороной вопрос о причинении вреда управомоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему права, и таким образом узаконили его? Полная свобода осуществления права, абсолютная вседозволенность управомоченного лица способны привести не только к нарушению прав отдельных субъектов гражданского оборота, но и к дестабилизации всей жизни общества и государства в целом - *summum ius – summa injuria*, что означает: доведенное до конца право есть высшая несправедливость¹⁶. Недопущение такой дестабилизации - одна из основных задач любого государственного строя, любой правовой системы. Понимая это, римские юристы признавали необходимость установления в виде исключений отдельных ограничений свободы правоосуществления, не отменяющих действие общего принципа абсолютной свободы.

Ограничения были установлены, прежде всего, для осуществления права собственности, тяготеющего к своей полноте и неограниченности. Большинство ограничений устанавливались «как в интересах общего блага, так и в интересах мирного соседского сожительства»¹⁷. Одним из ограничений осуществления права собственности являлся запрет осуществления такого права с исключительной целью причинить вред другому лицу (шикана¹⁸). Исключительность неправомерной цели на практике доказать трудно, поскольку редко осуществление права имеет только одну единственную цель – причинить вред третьему лицу либо досадить ему. Римские юристы

¹⁵ Подробнее см. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права, М. Статут, 1998. С. 113. *Экимов А.И.* Интересы и право в социалистическом обществе. С-Пб. Изд-во Ленинградского университета, 1984. С. 90. *Агарков М.М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР, отделение экономики и права, 1946. № 6. С. 425.

¹⁶ *Волков А.В.* Возникновение проблемы злоупотребления правом в древнеримской цивилистике // История государства и права, 2010. № 4. С. 43-47.

¹⁷ *Покровский И.А.* История римского права. С-Пб. Летний сад, 1999. С. 327.

¹⁸ Слово «шикана» происходит от немецкого слова «*schikane*», которое переводится как «кляуза, каверза, придирка» (см. Большой немецко-русский словарь. М. Русский язык, 2000. С. 733).

выделяли следующие примеры шиканы: так в соответствии с Законами Юстиниана собственникам городских участков в Константинополе было запрещено возводить высокие стены в том случае, если делали они это лишь затем, чтобы лишить других домохозяев морского вида¹⁹. Другой пример был приведен Цельсом: «Не следует оказывать снисхождение злобе, например, если ты захочешь счистить гипсовые украшения со стен или картины, ничего от этого не получая, но лишь досаждая мне»²⁰, в этом случае речь идет о продавце дома, который с целью досадить будущему собственнику счищал со стен картины и украшения²¹.

У романистов нет единого мнения по поводу того, был ли запрет шиканы общим принципом или нет. Одни ученые утверждали, что римское право не рассматривало запрет шиканы в качестве общего принципа. Шикана являлась исключением из общего принципа вседозволенности осуществления права, поэтому запрещалась только в некоторых отдельных ее проявлениях²². Другие исследователи римского права считали, что запрет шиканы являлся общим принципом, действовавшим наравне с принципом абсолютной свободы правоосуществления²³. Согласно третьей точке зрения римское право признавало запрет шиканы в качестве общего принципа, однако такой запрет распространялся только на сферу действия вещных правоотношений²⁴. Существовало также и четвертое мнение И.Б. Новицкого, который отрицал существование шиканы в римском праве²⁵. Ограничением общего принципа абсолютного правоосуществления он называл не шикану, а указание закона на

19 Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып. 3. Кн. 4. Обязательственное право. С-Пб. Тип. Эрлих Ю.Н., 1899. С. 173.

20 Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М. Зерцало, 1997. С. 275.

21 Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории становления и общая характеристика. М. Госюриздат, 1956. С. 14.

22 См. например, Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. С-Пб. Тип. Стасюлевича М.М., 1911. С. 405; Грибанов В.П. Указ. соч. С. 17; Покровский И.А. Указ. соч. С. 91.

23 См., например, Барон Ю. Указ. соч. С. 173.

24 См., например, Доманжо В. Указ. соч. С. 4.

25 Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Указ. соч. С. 50.

необходимость осуществлять некоторые частные права осмотрительно (*civiliter uto*), чтобы не вредить другому праву²⁶.

Следует указать ещё на одно исключение из принципа вседозволенности правоосуществления. Такое ограничение связано с неосуществлением права, которое затрагивало интересы других лиц²⁷. В соответствии с *Senatusconsultum Pegasianum* претор мог принудить наследника к принятию наследства, если наследник обязан был передать наследство другому лицу, но сам от принятия наследства уклонялся²⁸. Такой пример имел характер отдельного запрета, действие которого не распространялось на другие правоотношения.

Каких-либо примеров ограничений осуществления корпоративных прав в римском праве найти не удалось, поскольку в то время теория юридических лиц еще только начинала формироваться.

Таким образом, никакой целостной теории злоупотребления правом в римском праве разработано не было: понятие злоупотребления правом и общий запрет злоупотребления правом отсутствовали. Был закреплен общий принцип, который предоставлял управомоченному лицу максимально широкие границы осуществления субъективных прав. Однако римские юристы впервые поставили вопрос, хотя и недостаточно четко, о возможности и законности осуществления права, которое не приносило управомоченному лицу никакой выгоды. В связи с этим из общего принципа существовали разрозненные исключения, в соответствии с которыми запрещались либо ограничивались отдельные случаи недобросовестного пользования правом. Такой подход римского права оказал огромное влияние на формирование

²⁶ Например, предельным сервитутом следует пользоваться осторожно, по возможности не нанося вред собственнику участка (Д.8.1.9) // Памятники римского права, Указ. соч. С. 302. О таком осуществлении некоторых прав (с условием соблюдения чужих интересов) упоминает также В.М. Хвостов (*Хвостов В.М.* Система римского права, М. Спарк, 1996. С. 85) и Г. Дернбург (*Дернбург Г.* Пандекты, Т. 1. Общая часть. М. Унив. тип., 1906. С. 105-106), но они выделяют это исключение наряду с шиканой.

²⁷ В данном случае неосуществление права рассматривается как отдельный самостоятельный вид осуществления права, поскольку управомоченное лицо в рамках принадлежащего ему права может выбирать любой способ своего обращения с таким правом, в т.ч. выбирать, осуществлять ли ему такое право либо нет.

²⁸ *Хвостов В.М.* Указ. соч. С. 89.

понятия пределов осуществления правом в западноевропейском законодательстве и правовой доктрине.

1.3 Запрет злоупотребления правом: опыт Франции XIX века

Декларация прав и свобод человека и гражданина 1789 года, принятая по результатам Великой Французской революции, провозгласила возможность установления пределов естественных прав каждого человека²⁹. При этом крупнейший гражданско-правовой законодательный акт Франции начала XIX века – Французский Гражданский Кодекс 1804 года (далее – «ФГК») – этот вопрос не регламентировал. Но, как верно отмечает О.А. Поротикова, это не означало отсутствие в законодательстве границ надлежащего осуществления гражданских прав³⁰.

Как и в римском праве (во многом в результате его рецепции) ограничения осуществления права, в первую очередь, вводились в сфере действия права собственности, которое изначально воспринималось как абсолютное, ничем не ограниченное право (ст. 544 ФГК)³¹. Во французской юридической доктрине эта норма воспринималась неоднозначно. Так, М. Планиоль оценивал эту норму как «неправильную». Он полагал, что право собственности является ограниченным правом, «которое предоставлено отдельному человеку лишь в виду экономической пользы для общества, и всякое действие, которое не соответствует естественному пользованию землею, если оно причиняет вред другому лицу, должно быть преследовано; намерение лица, совершившего это действие, как и при несчастных случаях,

²⁹ Декларация прав и свобод человека и гражданина 1789 года провозглашает следующее: «4. Свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другому: таким образом осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же самыми правами. Эти пределы могут быть установлены лишь Законом. 5. Закон имеет право запрещать только вредные для общества действия. Что не запрещено Законом, тому нельзя препятствовать, и никого нельзя принуждать делать того, чего Закон не предписывает». Цит. по Тексты важнейших основных законов иностранных государств. Ч. I. *Пер. Ф.Ф. Кокошкина*, Издание М. и С. Сабашниковых. М, 1905, С. 28.

³⁰ *Поротикова О.А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М. Волтерс Клувер, 2007. С. 113.

³¹ Ст. 544 ФГК предусматривала, что: «Собственность есть право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом, с тем, чтобы пользование не являлось таким, которое запрещено законами или регламентами». Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011) // СПС Консультант Плюс.

безразлично»³². Альбер Сорель, наоборот, в своей работе, посвященной исследованию значения ФГК, отмечал, что собственность есть «синоним свободы» - свободы имущества, труда, личности, наследственного преемства от предков; у собственника «нет ни перед кем никаких обязанностей ... только перед государством» (имеются в виду обязанности по уплате публичных налогов)³³.

В практике французских судов можно найти следующие примеры

- (1) дело *Doerr*, рассмотренное судом г. Кольмар в 1855 году, относительно расположения дымовых труб на крыше дома с единственной целью заградить солнечный свет для дома соседа, в котором суд пришел к выводу, что «... согласно одному из принципов права право собственности является в некотором роде правом абсолютным, позволяющим владельцу этого права злоупотреблять им; однако осуществление этого права, как и осуществление любого другого права, должно быть ограничено удовлетворением серьезного и законного интереса...»³⁴;
- (2) дело о соседских скважинах и уменьшении запасов воды соседа в результате работы мощного насоса, рассмотренное судом г. Лиона в 1866 году, в котором суд пришел к выводу, что права собственника ограничены его обязанностями позволить своему соседу осуществлять аналогичные правомочия собственника. Таким образом, полномочия злоупотреблять своим правом не могут оправдать действие, осуществляемое исключительно с намерением причинить вред и препятствующее соседствующему собственнику осуществлять свое право собственности»³⁵. В обоснование своей позиции суд сделал ссылку на ст. 1382 ФГК (в настоящее время ст. 1240 ФГК), предусматривающую

³² Планиоль М. Указ. соч. С. 300.

³³ Сорель А. Историко-культурное значение французского гражданского кодекса // Журнал Министерства Юстиции. СПб. Сенатская Тип., 1905. С. 173.

³⁴ *Cueto-Rua J.* Указ. соч. С. 965.

³⁵ *Cueto-Rua J.* Указ. соч. С. 966; *Steiner E.* French Law. A Comparative Approach. Oxford. Oxford University Press. 2010. С. 391.

общую ответственность за деликты: «Любое действие человека, причиняющее другому вред, обязывает лицо, виновное в его причинении, этот вред возместить»³⁶;

- (3) дело *Coquerel v. Clément-Bayard*³⁷, рассмотренное Кассационным Судом Франции судом г. Кольмар в 1915 году, относительно размещения высоких деревянных конструкций с металлическими наконечниками наверху с исключительной целью навредить полетам дирижаблей, принадлежащих соседу. В этом деле суд также признал действия ответчика злоупотреблением правом, и на основании ст. 1382 ФГК (действующая ст. 1240 ФГК) принудил ответчика возместить убытки истцу в полном объеме и произвести демонтаж своих деревянных конструкций.

Таким образом, французское законодательство XIX века не знает общей нормы, запрещающей злоупотребление правом, но такой запрет был выработан судебной практикой, в которой ограничения злоупотреблений субъективным правом по сравнению с римским правом проводились более последовательно. В отсутствие общего запрета злоупотребления правом суды были вынуждены использовать нормы деликтной ответственности. Как и в римском праве, отправной точкой развития теории злоупотребления правом во французском праве стали «соседские» отношения равных собственников.

1.4 Запрет злоупотребления правом в законодательстве дореволюционной России

Законодательство дореволюционной России не предусматривало общего запрета злоупотребления правом. В цивилистической науке того времени господствовало мнение, что лицо, осуществляющее свое право, не может нести ответственность за вред, причиняемый таким осуществлением³⁸. При этом, например, Ф. В. Тарановский, несмотря на признание им

³⁶ Французский гражданский кодекс (Code civil français (1804) // Legifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721> (дата обращения: 11.06.2019).

³⁷ Steiner E. Указ. соч. С. 391; Herman Sh. Указ. соч. С. 751-752.

³⁸ Яценко Т.С. Категория шиканы в гражданском праве: история и современность. М. Статут, 2003. С. 35.

необходимости осуществления субъективных прав «нравственно-добросовестно в соответствии с общественной целью объективного права», полагал, что правопорядок не может установить общего «принудительного требования такой добросовестности и формально обусловить ею допустимость осуществления субъективного права» из-за опасений упразднения индивидуальной свободы³⁹. Но такое положение находило и своих оппонентов, в частности, И.Г. Оршанский отмечал следующее: «Общественный интерес слишком часто приносится у нас в жертву кумиру личного произвола, сохранившему свой культ со времен «русской правды»: *яко ся рядил, на том да стоит*. Неуравновешиваемый идеей общественного интереса и его представителями – судом и законом, принцип личного произвола служит не столько творческим, сколько разрушительным элементом в праве»⁴⁰.

В. Доманжо отмечал, что, несмотря на более или менее устойчивый принципиальный взгляд, исходивший из того, что в законе «нет правила, чтобы лицо, действовавшее по праву, законом ему предоставленному, могло подвергаться за деяние свое какой бы то ни было ответственности», в практике 70-х годов XIX века встречаются несколько случаев, когда при нарушении так называемых «соседских прав» Сенат допускал возмещение вреда по мотивам «превышения законного права»⁴¹.

Попытки законодательного закрепления общего принципа запрета злоупотребления правом предпринимались, например, при разработке проекта Гражданского Уложения в конце XIX века. «Первая комиссия по составлению проекта Гражданского Уложения, - как отмечал И.А. Покровский, - коснувшись этого вопроса при обсуждении обязательств, пришла к заключению отрицательному»⁴². Почему? «Так как случаи подобного рода, -

³⁹ Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Тип. К. Маттисена. Юрьев, 1917. С. 278.

⁴⁰ Оршанский И.Г. О значении и пределах свободы воли в праве // Журнал Гражданского и Уголовного Права. СПб., 1873. Книга 5 (Сентябрь). С. 23.

⁴¹ Доманжо В. Вопрос об ответственности за вред, причиненный при осуществлении права, в проекте нашего Гражданского уложения // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Шершеневича Г.Ф. М. Статут, 2005. С. 426-427.

⁴² Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М. Статут, 1998. С. 115.

сказано в объяснениях к ст. 1066, - едва ли часто встречаются, а с другой стороны, установление такой ответственности стесняло бы лиц в осуществлении своих прав ввиду сопряженного с ним нарушения чужих имущественных интересов и колебало бы твердость приобретенных прав»⁴³. Следовательно, российский законодатель стремился поддержать незыблемость субъективного права. Хотя позднее в ходе дискуссии при обсуждении проекта эта позиция изменилась, во многом по причине обращения законодателя к практике зарубежных правовых порядков, в частности, к опыту Германии. В результате в проект была включена статья, предусматривающая ответственность лица за причинение вреда при осуществлении своего права, если такое право осуществлялось единственно с намерением причинить вред другому. И таких попыток было несколько, но по различным причинам они не смогли изменить законодательство.

Впервые принцип ограничения пределов осуществления гражданских прав получил свое четкое выражение в одном из решений Сената 1902 года: «Никто не свободен пользоваться своим правом так, чтобы лишить другого возможности пользоваться его правом. Положить точно определенную грань между свободой пользоваться своим правом и обязанностью уважать права соседа – теоретически нельзя, грань эта в каждом спорном случае должна быть определена судом»⁴⁴. Сложившуюся ситуацию В.П. Грибанов оценивал как «запаздывание» российского законодательства по сравнению с зарубежным, причины которого были определены тем, что «Россия сильно отставала от западных стран в капиталистическом развитии, следовательно, буржуазия не завоевала политической власти, поэтому и буржуазная идеология не имела такого бурного развития как на Западе»⁴⁵.

Таким образом, общий запрет злоупотребления правом был выработан российской практикой в начале XX века, в законодательстве он отсутствовал.

⁴³ Покровский И.А. Указ. соч. С. 115.

⁴⁴ Цит. по Покровский И.А. Указ. соч. С. 115.

⁴⁵ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 38.

Попытки пересмотра гражданского законодательства были предприняты, но революционные события начала XX века не позволили им осуществиться.

Мы рассмотрели примеры правовых систем, не признававших возможность установления пределов осуществления субъективного права в качестве общего принципа. Основные причины отсутствия запрета злоупотребления правом на уровне закона были следующими: во-первых, введение общего запрета злоупотребления правом означало бы упразднение индивидуальной свободы правоосуществления; во-вторых, невозможность определить на уровне закона четкие критерии злоупотребления правом; в-третьих, применение оценки действий на предмет квалификации их в качестве злоупотребления правом должно было производиться после совершения определенных действий (*post-factum*), что, безусловно, снижало определенность права. Первые попытки ограничения осуществления субъективного права устанавливались на практике в отношении осуществления права собственности, как наиболее абсолютного и ничем не ограниченного права. Суды для этих целей использовали иные правовые инструменты, предусмотренные законодательством, в основном запрет деликтных правонарушений. Примеры ограничений осуществления корпоративных прав также отсутствовали, во многом по причине неразработанности общей теории корпоративных правоотношений.

2. Целевая концепция общества и ее влияние на признание запрета злоупотребления правом

Вторая концепция понимания общества признает равные права и свободы за каждым индивидом, не отрицает их высшую ценность, и при этом наделяет общество в целом какой-либо целью или устанавливает общие надличностные интересы (например, достижение общего блага, желанного и необходимого для каждого индивида, по отношению к которому все индивидуальные права и свободы приобретают дополнительное, прикладное значение). Цели, задачи и интересы каждого индивида в юридическом смысле реализуются посредством осуществления им субъективного права. Но, в

отличие от индивидуалистического подхода, осуществление права должно служить достижению общей цели, и в этом смысле само субъективное право приобретает социальную функцию⁴⁶ и становится ограниченным в рамках своего осуществления общей целью. Следовательно, возможность существования пределов осуществления права и запрет злоупотребления правом признаются. При этом пределы осуществления права во многом определяются общей целью, а злоупотреблением правом, соответственно, является осуществление права, такой цели не соответствующее.

Рассмотрим подробнее примеры влияния целевой концепции общества на понимание субъективного права в целом и порядок его осуществления в западноевропейском праве XVIII и XIX веков, в советском праве и современном российском праве.

2.1 Запрет злоупотребления правом в западноевропейском праве XVIII и XIX веков

В западноевропейском гражданском законодательстве XVIII и XIX веков понятие злоупотребления правом получило серьезное развитие: на этом этапе впервые был сформулирован и законодательно закреплён общий запрет злоупотребления правом⁴⁷. Причину появления такого запрета в буржуазном законодательстве можно объяснить тем, что на этом этапе исторического развития для урегулирования общественных отношений существующих казуальных норм было уже недостаточно, и возникла необходимость в создании новых правовых норм, обладающих общим действием и распространяющихся на все сферы общественных отношений.

⁴⁶ В юридической доктрине теорию социальной функций субъективного права глубоко поддерживал Л. Дюги, отрицательно относившийся к индивидуалистической концепции общества, называя ее искусственной и признавая ее неизбежное исчезновение. Его взгляды см. подробнее: *Дюги Л.* Указ. соч. С. 18, 20.

⁴⁷ Первые попытки введения запрета злоупотребления правом могут быть найдены в п. 88 Ордананса de Villers, принятого в 1539 году королем Франциском I, по которому запрещалось злоупотребление правом на предъявление иска под страхом продажи с торгов имущества в наказание за дерзость (См. подробнее *Грибанов В.П.* Указ. соч. С. 29), а также в Прусском Земском Уложении 1794 года, запрещавшем злоупотребление правом в ситуации, когда лицо «из многих способов правоосуществления ... умышленно, с намерением причинить вред ближнему, выбрало способ для последнего вредный». (См. подробнее *Покровский И.А.* Указ соч. С. 113, *Доманжо В.* Указ. соч. С. 5).

Принятое в 1896 году Германское Гражданское Уложение (далее - «ГГУ») предусматривало общую норму, запрещающую злоупотребление правом (§ 226 ГГУ) следующим образом: «Осуществление права недопустимо, если оно может иметь своею исключительной целью причинение вреда другому»⁴⁸. Этот принцип рассматривался как общий, он распространялся на имущественные и неимущественные, частные и публичные права⁴⁹. В юридической доктрине введение такого общего принципа оценивалось положительно⁵⁰.

В соответствии с § 226 ГГУ запрещается не всякое осуществление права во вред другим (нередко без вреда третьим лицам при осуществлении права обойтись вообще нельзя), а лишь такое, которое не имеет никакой другой цели (следовательно, и интереса для управомоченного лица), кроме как причинить вред другому лицу. Все иные формы злоупотребления правом согласно данному параграфу под запретом не находились. Такое ограничение, как отмечали профессора И.Б. Новицкий и Д.М. Генкин, не имеет никакого практического значения, «ввиду того, что при самых каверзных способах осуществления права все-таки можно установить по общему правилу какой-то интерес управомоченного лица, вследствие чего признать причинение вреда другому единственной целью осуществления права оказывается невозможным»⁵¹. Поэтому из этой нормы необходимы исключения, иначе она бы совсем не действовала. О таком исключении говорит Л. Эннекцерус: данное правило распространяется и на такие случаи, когда наряду с целью причинить вред другому существует и другая цель, «но она противоречит праву или безнравственна, ибо невозможно допустить ссылки на такие цели»⁵².

⁴⁸ Цит. по Покровский И.А. Указ. соч. С. 115.

⁴⁹ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 29.

⁵⁰ Так Л. Эннекцерус отмечал, что по общему правилу «осуществление права должно быть дозволено и тогда, когда им нарушаются чужие интересы», но при этом уместно установить границу такого «осуществления права во вред», что и делает § 226 ГГУ. (Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1. полутом 2. М. Иностранная литература, 1950. С. 435-436). М. Планиоль следующим образом оценивал эту норму: «Правило это, которое на первый взгляд по своей нравственной тенденции кажется удовлетворительным, по всей вероятности, при его применении вызовет много трудностей, если оно не останется мертвой буквою». (Планиоль М. Указ. соч. С. 301).

⁵¹ Эннекцерус Л. Указ. соч. С. 434.

⁵² Эннекцерус Л. Указ. соч. С. 437.

Решение вопроса о характере этих целей полностью зависит от усмотрения суда, что расширяет сферу возможного применения § 226 ГГУ.

В дополнение к общему запрету шиканы ГГУ также содержит § 826, согласно которому: «Тот, кто действиями, грешащими против добрых нравов, умышленно причиняет вред другому лицу, обязан возместить последнему причиненный вред»⁵³. Граница осуществления права определена не четко, с использованием критериев доброй совести и добрых нравов, что приводит, к двум основным последствиям: во-первых, значительно расширяются рамки судебного усмотрения, а во-вторых, осуществление права ставится в зависимость от норм нравственности, справедливости и морали. По мнению В.П. Грибанова, эта норма направлена на «пренебрежительное отношение к закону, как моменту формальному, на возведение в абсолют принципа буржуазной «справедливости»»⁵⁴. Данная норма имела большое практическое значение и применялась судами наравне с § 226 ГГУ, а иногда и использовалась в качестве общего принципа, распространявшегося в том числе и на договорные отношения.

Впоследствии сходные правила появились в гражданских кодексах других западноевропейских государств. Так Швейцарское Уложение 1907 года (ст. 2) предусматривает: «Всякий при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей должен поступать по доброй совести. Очевидное злоупотребление правом недопустимо»⁵⁵. Разница между соответствующими положениями ГГУ и Швейцарского Уложения, предусматривающими запрет злоупотребления правом, очевидна. Если § 226 ГГУ запрещает злоупотребление правом с единственной целью причинить вред другому лицу, то ст. 2 Швейцарского Уложения признает недопустимым всякое осуществление, противное началам «доброй совести». Следовательно, швейцарское понятие злоупотребления правом намного шире германского, а это означает, что субъективное судебское усмотрение при

⁵³ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 29.

⁵⁴ Там же. С. 34-35.

⁵⁵ Швейцарское Гражданское Уложение 10.12.1907. Пер. *Варшавского К.М.*, Пг., Тип. Двигатель, 1915. С. 5.

решении дел по Швейцарскому Уложению играет большую роль, придавая самой норме характер «каучуковой».

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что западноевропейское законодательство XVIII и XIX веков признавало возможность ограничений осуществления субъективного права в целях достижения стабильности, общего баланса и равенства интересов различных субъектов общества. Как верно отметил И.Б. Новицкий, «здесь сказывается роль социального начала в гражданском праве, приводящего к отрешению от чистого индивидуализма»⁵⁶. В качестве ограничения осуществления права вводился запрет его злоупотребления. Основной формой злоупотребления признавалась шикана. Наряду с шиканой, пределами осуществления права признавались «добрая совесть» и «добрые нравы». Определения ограничений «доброй совести» и «добрых нравов» законодатель не предусматривал, расширяя тем самым возможности судейского усмотрения при их применении.

2.2 Запрет злоупотребления правом в советском праве

Новая советская власть стремилась создать новую прочную систему правовых норм, которая бы стала твердой опорой для построения и развития социализма. Основными задачами такой системы должны были стать становление и укрепление социалистических прав и свобод граждан, при этом она должна основываться на единстве и гармонии индивидуальных, коллективных и общественных интересов, отрицая таким образом индивидуалистический характер права. Поэтому социалистическое право не могло оставить без внимания вопросы, связанные с порядком осуществления субъективных прав и их пределами.

Впервые запрет злоупотребления правом в качестве общего принципа появился в законодательстве 20-х годов XX века в виде ст. 1 Гражданского Кодекса 1922 года (далее – «ГК 1922 года»): «Гражданские права охраняются

⁵⁶ Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник Гражданского права. Петроград, 1916. № 6 (Октябрь). С. 65.

законом за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением»⁵⁷. Закрепление этой нормы в ГК 1922 года имело большое значение. По справедливому замечанию М.М. Агаркова, «ст. 1 рассматривалась как командная высота, как правило, которое определяет собой характер советского гражданского права»⁵⁸. ГК 1922 года разрабатывался и был введен в действие в период проведения новой экономической политики (далее – «НЭП»). Этот факт дает основание полагать, что данная статья разрабатывалась лишь с одной практической целью – запретить «злоупотребление НЭПом со стороны частнокапиталистических элементов»⁵⁹. После завершения НЭПа случаи применения ст. 1 ГК 1922 года резко сократились.

Однако, в Основых гражданском законодательстве СССР и союзных республик 1961 года (далее – «Основы 1961 года») подобная статья появилась вновь: «Гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма. При осуществлении прав и исполнении обязанностей граждане и организации должны соблюдать законы, уважать правила социалистического общежития и моральные принципы общества, строящего коммунизм» (ст. 5 Основ 1961 года)⁶⁰. Аналогичное положение было также включено в новый Гражданский Кодекс РСФСР 1964 года⁶¹ (далее – «ГК 1964 года») (ст. 5).

Очевидно, что ст. 5 Основ 1961 года и ст. 5 ГК 1964 года закрепляют тот же самый принцип, что и ст. 1 ГК 1922 года, хотя формулировки различаются. Различия, на первый взгляд, незначительны, но в действительности они весьма существенны. Их подмечал В.А. Рясенцев: ст. 1 ГК 1922 года «имеет в виду только имущественные права, так как неимущественным правам социально-

⁵⁷ Гражданский Кодекс РСФСР 1922 года, утвержденный Постановлением ВЦИК от 11.11.1922 // СПС Консультант Плюс.

⁵⁸ Агарков М.М. Указ. соч. С. 425.

⁵⁹ Братусь С.Н. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. 1967. № 3. С. 79.

⁶⁰ Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, утверждённые Законом СССР от 08.12.1961 // СПС Консультант Плюс.

⁶¹ Гражданский Кодекс РСФСР 1964 года, утвержденный ВС РСФСР 11.06.1964 // СПС Консультант Плюс.

хозяйственное назначение не свойственно», а первая часть ст. 5 Основ 1961 года «касается всех гражданских прав, в том числе и неимущественных, хотя вопрос о защите имущественных прав на практике будет возникать, несомненно, чаще, чем прав неимущественных»⁶². Анализируя положения ст. 1 ГК 1922 года, ст. 5 Основ 1961 года и ст. 5 ГК 1964 года, можно заметить, что советский законодатель вместо термина «злоупотребление правом» использовал термин «осуществление права в противоречии с его назначением». В общем виде запрет злоупотребления правом устанавливался также в ст. 39 Конституции СССР 1977 года, согласно которой использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан⁶³.

Таким образом, советское право (вслед за принятой целевой социалистической концепцией общества) признавало в качестве основного предела осуществления права его назначение, запрещая любые формы осуществления, ему не соответствующие.

2.3 Злоупотребление правом в современном российском праве

Советское законодательство определяло «социально - хозяйственное назначение права» в качестве основного предела, ограничивающего возможности управомоченного субъекта. В условиях современной действительности от этого предела не осталось и следа. Причина - изменение глобального подхода к определению роли права в жизни общества и регулированию общественных отношений. Развитие гражданского законодательства на современном этапе проходит по пути предоставления субъектам гражданских правоотношений большей свободы в установлении, осуществлении и защите своих прав и интересов. При этом одним из основополагающих принципов частного права (в противовес праву публичному) был и остается принцип равенства всех субъектов. Обеспечение

⁶² *Рясенцев В.А.* Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // Советская юстиция, 1962. № 9. С. 7.

⁶³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (ред. от 14.03.1990) // СПС Консультант Плюс.

равенства, необходимого для сохранения стабильности оборота, в условиях многополярности интересов всех вовлеченных субъектов возможно только в случае понимания и признания общих стандартов поведения, одинаковых для всех.

Реформа гражданского законодательства 2013-2014 гг. включала в себя, среди прочего, реформирование его основных начал: так принцип добросовестности участников гражданских правоотношений был возведен в статус одного из основных начал гражданского законодательства.

Впервые необходимость придания принципу добросовестности более весомого значения и распространения его действия на все стадии гражданского правоотношения была предусмотрена в проекте (далее - «Проект Концепции») ⁶⁴ Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - «ГК РФ») ⁶⁵, который впоследствии трансформировался в одну из составных частей Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 (далее - «Концепция») ⁶⁶. В п. 1.3 Проекта Концепции указанная необходимость получила обоснование.

С 1 марта 2013 года вступили в силу поправки в часть первую ГК РФ (далее - «Изменения 2013 года») ⁶⁷, призванные реализовать те цели и задачи, которые были поименованы в Проекте Концепции и самой Концепции. Согласно Изменениям 2013 года ст. 1 ГК РФ, посвященная основным началам гражданского законодательства, предусматривает, среди прочего, что участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при

⁶⁴ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник ВАС РФ, 2009. № 4. С. 6.

⁶⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, вторая, третья и четвертая) // СПС Консультант Плюс.

⁶⁶ Концепция развития гражданского законодательства РФ, одобренная решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // СПС Консультант Плюс.

⁶⁷ Федеральный закон № 302-ФЗ от 30.12.2012 «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

исполнении гражданских обязанностей (п. 3 ст. 1 ГК РФ), а также, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ). П. 5 ст. 10 ГК РФ содержит общее правило о том, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное. Согласно предыдущей редакции ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений (и разумность их действий) предполагалась только в случаях, когда закон ставил защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно; действующая же редакция такого ограничения не содержит.

В современной юридической литературе⁶⁸ и судебной практике⁶⁹ особый характер принципа добросовестности признавался задолго до Изменений 2013 года. Таким образом, с внесением Изменений 2013 года распространенная в юридической науке точка зрения на добросовестность получила надлежащее законодательное закрепление.

Благодаря введению в гражданское законодательство принципа добросовестности в качестве одного из наиболее общих и важных принципов гражданского права, участники гражданского оборота получили дополнительные критерии по оценке поведения другой стороны и возможностей применения связанных правовых последствий. Оценка действий стороны на предмет их добросовестности, безусловно, позволяет максимально справедливо оценить последствия допущенного нарушения и учесть интересы всех вовлеченных участников.

⁶⁸ См., например, *Гаджиев Г.А.* Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // *Государство и право*, 2002. № 7. С. 54-63; *Чукреев А.А.* Добросовестность в системе принципов гражданского права // *Журнал российского права*, 2002. № 11. С. 103; *Емельянов В.И.* Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М. Лекс - Книга, 2002. С. 55.

⁶⁹ См., например, Постановление Конституционного Суда РФ (далее - «КС РФ») от 27.11.2008 № 11-П; Определение КС РФ от 16.12.2010 № 1580-О-О; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ (далее - «ВАС РФ») РФ от 06.03.2012 № 13567/11 по делу № А71-10080/2010-Г33 и др. // СПС Консультант Плюс.

Более того, признание добросовестности принципом общего действия, на наш взгляд, является незаменимым для достижения общей цели в виде стабилизации гражданского оборота, поскольку придает правовое значение критериям разумного поведения, ожидаемого от любого его участника⁷⁰. При этом данные критерии должны носить объективный характер (и не зависеть от личностных установок конкретного лица) с тем, чтобы оценка поведения субъекта права основывалась на общепризнанных началах и нормах поведения. В этом проявляется объективный характер добросовестности как общего принципа⁷¹. Однако гражданское законодательство использует понятие добросовестности и в субъективном смысле путем указания на знание или незнание стороны определенных фактов, с которыми закон связывает конкретные юридические последствия⁷² (что имеет значение, в частности, для вещных правоотношений, см. ст. 222 ГК РФ, ст. 302 ГК РФ).

Действующее гражданское законодательство руководствуется принципами беспрепятственного осуществления права (ст. 1 ГК РФ) по усмотрению управомоченного лица (ст. 9 ГК РФ). Однако в уточнение указанных принципов ст. 10 ГК РФ предусматривает запрет на: (1) осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана); (2) действия в обход закона с противоправной целью; и (3) иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Формулировка ст. 10 ГК РФ предполагает, что первые два предела являются разновидностями заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав или, иными словами, формами злоупотребления правом.

⁷⁰ Подробнее см. п. 4.1 § 2 главы I (*Критерии недобросовестного поведения*).

⁷¹ Объективный характер принципа добросовестности широко поддерживается в юридической литературе (см. *Емельянов В.И.* Указ. соч. С. 116; *Пискунов Я.* Хочется, чтобы юристы больше уважали тех, для кого в первую очередь создан Гражданский кодекс, - граждан. Интервью с Н.Ю. Рассказовой // *Закон*, 2015. № 9. С. 6 – 17 // СПС Консультант Плюс; *Волков А.В.* Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. М. Волтерс Клувер, 2009. С. 188).

⁷² Как верно определил Л.И. Петражицкий, добросовестность в субъективном смысле представляет собой явление этически безразличное, бесцветное, это всего лишь незнание (извинительное заблуждение) относительно определенных фактов. // *Петражицкий Л.И.* Права добросовестного приобретателя на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. М. Статут. 2002. С. 195, 196, 199 и др.

Следовательно, согласно действующему гражданскому законодательству добросовестность является единственным общим пределом осуществления гражданского права, а любое злоупотребление правом представляет собой недобросовестное поведение. Однако добросовестность ни в коем случае нельзя сводить только к злоупотреблению правом: иными словами, не всякое недобросовестное поведение является злоупотреблением правом. Ст. 10 ГК РФ уточняет, что только заведомо недобросовестное поведение (виновное)⁷³ может быть квалифицировано как злоупотребление правом.

Несмотря на то, что предыдущая редакция ст. 10 ГК РФ однозначно не предусматривала, что злоупотребление правом представляет собой недобросовестное поведение, такая позиция поддерживалась в судебной практике задолго до внесения Изменений 2013 года. Как правило, при вынесении решения суд делал вывод, что рассматриваемые действия являются примером недобросовестного поведения, и на этом основании - злоупотреблением правом⁷⁴.

Завершая исследование исторического аспекта развития запрета злоупотребления правом, необходимо сделать следующий вывод: отношение той или иной правовой системы к понятию злоупотребления правом, его содержанию, формам существования и последствиям зависит во многом от принятого в этой правовой системе взгляда на пределы индивидуальной свободы и ее соотношение с надличностными интересами. Концепция злоупотребления правом прошла путь от полного своего отрицания до применения различных критериев оценки злоупотребительных действий, начиная от запрета действий, совершаемых с исключительным намерением причинить вред другому лицу (классическая шикана) до несоответствия

⁷³ По формам вины при злоупотреблении правом см. подробнее пункт 3 § 2 ниже.

⁷⁴ См., например, п. 9 Информационного письма ВАС РФ № 127 от 25.11.2008 «Обзор практики применения арбитражными судами ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее - «Информационное письмо № 127») // СПС Консультант Плюс; Определение ВАС РФ от 02.03.2009 № 1607/09 по делу № А31-2840/2008-17; Определение ВАС РФ от 07.04.2011 № ВАС-17500/10 по делу № А41-19368/08; Постановление Федерального Арбитражного Суда (далее - «ФАС») Волго-Вятского округа от 29.06.2005 № А43-30803/2004-2-1004; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.10.2009 по делу № А45-2039/2009 и др. // СПС Консультант Плюс.

совершаемых действий общей социальной функции права. В настоящее время в российском праве добросовестность является единственным общим пределом осуществления субъективного гражданского права. Понятие добросовестности, ее содержание и применимые критерии будут рассмотрены далее.

§ 2. Теоретический анализ запрета злоупотребления правом

Впервые термин «злоупотребление правом» (*abuse de droit*) был использован в XIX веке бельгийским юристом Ф. Лораном (F. Laurent) для обозначения ситуаций, связанных с недобросовестным осуществлением прав управомоченным лицом⁷⁵. Но как было показано выше, внимание юристов, судей и законодателей к таким действиям проявилось гораздо раньше. Подобно тому, как понятие злоупотребления правом развивалось исторически, наполняясь различным содержанием в зависимости от превалирующих взглядов на общество в целом, статус и роль индивида в нем, аналогично развивались и теоретические взгляды на понятие злоупотребления правом.

1. Понятие злоупотребления правом

1.1 Содержание и осуществление субъективного права

Любое субъективное право характеризуется, во-первых, содержанием субъективного права, и, во-вторых, его осуществлением, при этом содержание права представляет статическое состояние права, а осуществление его динамику. Содержанием субъективного права является мера возможного поведения, некая объективная возможность, выражающаяся в общем типе поведения. Лицо, обладающее субъективным правом, всегда имеет выбор: прежде всего, действовать или нет, а затем - каким именно образом действовать⁷⁶.

⁷⁵ Laurent F. Principes de droit civil. Bruxelles: Bruylant-Christophe. Paris: A. Durand et Pedone-Lauriel. 1869-1878. Tome 6. § 101. С. 134-135.

⁷⁶ Двойную свободу в составе субъективного права отмечал еще дореволюционный юрист, Е.Н. Трубецкой: «право предполагает свободу в двояком смысле: во-первых, как способность нашей воли сознательно избирать то или другое поведение (свобода внутренняя) и, во-вторых, как возможность действовать

В юридической литературе, как верно отмечал В.А. Тархов, встречаются два основных определения понятия осуществления права: (1) иногда осуществление права отождествляют с его защитой, но это мнение не представляется верным в силу явных различий этих двух понятий; (2) большинство же авторов⁷⁷ под осуществлением понимают реализацию права путем его использования самим управомоченным лицом⁷⁸. Таким образом, осуществление права представляет собой реализацию возможностей, предложенных в содержании субъективных прав, совершение конкретных действий, направленных на то, чтобы возможность стала действительностью, т.к. «между юридическими нормами и практическим эффектом, к которому стремится законодатель, существует не непосредственная, а косвенная связь, в качестве одного из опосредующих звеньев которой, выступает поведение людей»⁷⁹.

Если содержание определяет общий тип поведения, то осуществление представляет собой конкретный тип поведения. По мнению В.П. Грибанова, соотношение между содержанием субъективного права и его осуществлением представляется как соотношение:

- (1) возможности и действительности;
- (2) объективного и субъективного (поскольку содержание субъективного права всегда предопределено законом путем прямого предписания или установления санкций, в то время как процесс осуществления субъективного права имеет волевой характер, и поэтому всегда зависит от воли управомоченного лица); и
- (3) общего и конкретного (поскольку закон, определяя содержание субъективного права, использует абстрактные, общие формулировки вследствие невозможности учесть в них конкретные особенности того

вовне, преследовать и осуществлять какие-либо цели в мире внешнем (свобода внешняя)». См. подробнее *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права. Т-во Типографии А.И. Мамонтова. М., 1917. С. 6.

⁷⁷ К ним относятся, в том числе Агарков М.М., Грибанов В.П., Тархов В.А.

⁷⁸ *Тархов В.А.* Осуществление гражданских прав // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического развития. Саратов, 1962. С. 113.

⁷⁹ *Иоффе О.С.* Юридические нормы и человеческие поступки, в сб.: Актуальные вопросы советского гражданского права. М. Юридическая литература, 1964. С. 23.

или иного случая, осуществление же, напротив, есть определенный вид реальных действий управомоченного лица, определяющийся особенностями конкретного случая)⁸⁰.

Субъективное право не может быть абсолютным, ничем не ограниченным. Поэтому, принимая во внимание наличие двух элементов в конструкции субъективного права, законодатель определяет границы его содержания, а также пределы его осуществления. Необходимо рассмотреть, как соотносятся пределы осуществления субъективного права и границы его содержания. По этому критерию В.П. Грибанов выделяет три возможные модели поведения управомоченного лица:

- (1) действия управомоченного лица выходят за границы содержания субъективного права, при этом «лицо действует уже не как носитель данного права ... независимо от того, использует ли в данном случае лицо дозволенные или недозволенные конкретные формы поведения»⁸¹, т.е. независимо от того, находится ли лицо в пределах осуществления права, установленных законом (см. схему 1)⁸²;

(схема 1)

- (2) действия лица полностью совпадают с общим типом поведения, предписанным законом, т.е. совпадают с границами содержания. Данные действия находятся одновременно и в пределах осуществления права, и в границах содержания права (см. схему 2);

⁸⁰ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 44-45.

⁸¹ Там же. С. 46.

⁸² Продолжая данную мысль, можно прийти к выводу, что пределы осуществления права могут быть шире границ его содержания, что невозможно, поскольку за границами содержания нет права и нет пределов его осуществления.

(схема 2)

(3) действия лица находятся в границах принадлежащих ему субъективных прав, в рамках тех возможностей, которые составляют содержание данного права, но в то же время выходят за пределы осуществления субъективных прав (см. схему 3). Именно в данной ситуации, по мнению В.П. Грибанова, речь может идти о злоупотреблении правом.

схема злоупотребления правом
(схема 3)

В.П. Грибанов исходил из буквального толкования термина «злоупотребление правом» и неоднократно подчеркивал, что действия, называемые злоупотреблением, обязательно должны находиться в границах содержания, иначе будет отсутствовать само «употребление права»⁸³. Позиция В.П. Грибанова относительно понятия злоупотребления правом

⁸³ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 46.

поддерживалась и разделялась многими исследователями⁸⁴, и в настоящее время продолжает оставаться основной теоретической концепцией понимания злоупотребления правом.

Таким образом, злоупотребление правом возникает в результате неизбежных расхождений между границами содержания субъективного права и пределами его осуществления. Установление этих двух элементов каждого субъективного права чрезвычайно важно для определения того, имело ли место злоупотребление правом или нет. При этом злоупотреблением правом признаются действия, выходящие за пределы осуществления субъективного права, но остающиеся в границах его содержания.

1.2 Злоупотребление правом – действие противоправное

Оценка противоправности действий, квалифицируемых в качестве злоупотребления правом, порождает наиболее острые разногласия среди исследователей злоупотребления правом. Причина заключена во внутреннем противоречии самой конструкции злоупотребления правом. Как отмечал М. Планиоль, «формула “злоупотребления правом” есть не что иное, как противоречие, так как в том случае, если я пользуюсь моим правом, действие мое *дозволено*, а если оно *недозволено*, то потому именно, что я перехожу границы моего права и действую без права, “*injuria*”»⁸⁵.

Следуя логике противоречивости понятия злоупотребления правом, можно заключить, что, допуская злоупотребление правом, управомоченное лицо нарушает положение закона, устанавливающее пределы осуществления права, но данное действие остается абсолютно законным с точки зрения законодательных границ содержания этого права. Следовательно, одно и то же действие может быть одновременно и правомерным, и противоправным. В.П. Грибанов отмечал, что «ни о каком «сплаве» (соединении правомерного и противоправного поведения) в этом случае нет и речи, так как понятия

⁸⁴ Позицию В.П. Грибанова поддерживали, в частности, Янев Янко (См. подробнее: *Янев Янко Г.* Правила социалистического общежития. М. Прогресс, 1980. С. 210), В.В. Лазарев (См. подробнее: *Лазарев В.В.* Общая теория прав и государства. М. Юрист, 1994. С. 323), *Емельянов В.И.* (См. подробнее: *Емельянов В.И.* Указ. соч. С. 34-35).

⁸⁵ *Планиоль. М.* Указ. соч. С. 295.

дозволенное и недозволенное относятся к разным явлениям: первое к содержанию субъективных прав, а второе к его осуществлению»⁸⁶. Однако границы содержания и пределы осуществления представляют собой взаимосвязанные понятия, относящиеся к одному и тому же субъективному праву, и отделять их друг от друга даже для целей установления правомерности или противоправности реализации субъективного права нецелесообразно. Объем субъективных прав определяется не только границами, установленными управомочивающими нормами, но и совокупностью норм, содержащих предписания относительно порядка осуществления права, которые также ограничивают субъективные права. Если закон наряду с границами содержания устанавливает пределы осуществления права, то в этом случае границы содержания сводятся к пределам его осуществления, и наоборот, иначе имело бы место ограничение субъективного права⁸⁷. На практике любые действия субъекта необходимо всегда оценивать на соответствие как минимум двум статьям закона (одна из которых определяет содержание конкретного субъективного права, а другая – порядок его осуществления, например, ст. 10 ГК РФ)⁸⁸, и если рассматриваемые действия не соответствуют только одной статье закона, нельзя говорить о правомерности такого поведения: оно сразу же выходит за рамки законного, является правонарушением.

Внутреннее противоречие понятия злоупотребления правом приводило некоторых ученых к выводу о том, что злоупотребление правом является «соединением взаимоисключающих понятий, которое лишено смысла»⁸⁹,

⁸⁶ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 56.

⁸⁷ В юридической литературе об этом также писали Н.С. Малеин, А.А. Ерошенко, В.И. Емельянов. Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. М. Юридическая литература, 1981. С. 68; Ерошенко А.А. Осуществление субъективных гражданских прав в противоречии с их назначением // Правоведение, 1972. № 4. С. 48; Емельянов В.И. Указ. соч. С. 40-41.

⁸⁸ Употребление термина «статья» не случайно, поскольку статья, в отличие от нормы права, представляет собой лишь отдельное положение закона и отражает организационное деление нормативно-правового акта, в то время как норма права представляет собой отдельное правило поведения, которое, в свою очередь, может состоять из нескольких статей.

⁸⁹ Агарков М.М. Указ. соч. С. 426.

«злоупотребление правом невозможно»⁹⁰, формула злоупотребления правом «является игрой слов», поскольку «когда есть право, оно кончается там, где начинается злоупотребление»⁹¹. При этом одни ученые полагали, что «всякое злоупотребление (*acte abusive*) уже потому, что оно недозволено, не есть осуществление права, и что злоупотребление правом не представляет собой юридической категории, отличной от недозволенного действия»⁹². Другие же обосновывали, что действия, называемые злоупотреблением права, существенно отличаются от понятия противоправного действия, поскольку злоупотребление правом всегда «внешне опирается на субъективное право» и формально не противоречит объективному праву⁹³.

Злоупотребление правом, действительно, с одной стороны, представляет собой действия, выходящее за пределы осуществления (и соответственно, за границы содержания) права, но внешне опирающееся на право, поскольку является употреблением права. И, несмотря на все выказывания в юридической литературе против использования термина злоупотребления правом, он устойчиво закрепился в практике, прежде всего, стран континентального права, к которым можно отнести и Россию. Основная причина – этот термин точно характеризует обозначаемые им действия, и этот термин можно использовать, если не забывать о его условности⁹⁴.

Признавая злоупотребление правом действием противоправным, в целях исследования особенностей его противоправности, следует рассмотреть его соотношение с понятием деликта. Все гражданские правонарушения в юридической науке традиционно делятся на договорные правонарушения и деликты (внедоговорные правонарушения). Деликтные правонарушения порождают деликтные обязательства или, как они иначе именуются, обязательства из причинения вреда. Они характеризуются в юридической

⁹⁰ Ерошенко А.А. Указ. соч. С. 48. Отрицательно к понятию злоупотребления правом относится и М.Н. Малеина. См. подробнее: Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление и защита. М. МЗПресс, 2001. С. 36.

⁹¹ Дюги Л. Указ. соч. С. 108.

⁹² Планиоль. М. Указ. соч. С. 295.

⁹³ Бару М.И. О ст. 1 Гражданского Кодекса // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 117-118.

⁹⁴ Агарков М.М. Указ. соч. С. 429, 434; Cueto-Riva J. Указ. соч. С. 976.

науке как «охранительные правоотношения, призванные обеспечить защиту имущественных прав и интересов граждан и организаций от всяких посягательств на них, а в случае их нарушения и причинения вреда – восстановить имущественную сферу потерпевшего в том состоянии, в каком она находилась до правонарушения»⁹⁵. При этом деликтные правонарушения посягают на абсолютные права (жизнь, здоровье, вещные права), в отличие от договорных, которые являются нарушением относительных прав по договору⁹⁶.

В российском праве принята концепция генерального деликта (ст. 1064 ГК РФ)⁹⁷, классическое понимание которого закреплено в ст. 1240 ФГК (ранее ст. 1382 ФГК) следующим образом: «действие человека, причиняющее другому вред, обязывает того, по вине которого он произошел, к возмещению вреда»⁹⁸.

Злоупотребление правом и деликтное правонарушение, безусловно, имеют много общего в своей природе. Они являются действиями противоправными, направлены на причинение вреда.

⁹⁵ Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Учебное пособие. Л. ЛГУ, 1983. С. 9.

⁹⁶ В юридической литературе в последнее время появились исследования, изучающие и обосновывающие случаи применения деликтной ответственности к нарушениям, возникающим в относительных правоотношениях, в частности, деликтной ответственности любого лица (интервента) за нарушение чужого обязательственного права. См. подробнее: *Синицын С.А.* Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах. Дисс. на соискание ученой степени д.ю.н. М., 2017. С. 505. *Гутников О.В.* Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами. Дисс. на соискание ученой степени д.ю.н. М., 2018. С. 365-368.

⁹⁷ Наряду с концепцией генерального деликта (Франция, Россия, Нидерланды) существуют также концепция сингулярных деликтов (Англия, США), признающая лишь отдельные виды правонарушений с конкретными фактическими составами, при отсутствии общего принципа гражданского правонарушения, при этом некоторые юрисдикции могут быть отнесены к системам смешанного деликтного права (Германия). См. подробнее: *Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве. Учебное пособие.* отв. ред. *Егорова М.А.* М. Юстицинформ, 2017.

⁹⁸ Французский гражданский кодекс (Code civil français (1804) // Legifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721> (дата обращения: 11.06.2019).

Но между ними есть и существенные отличия. Основными⁹⁹ среди них являются следующие:

- (1) злоупотребление правом возможно только при осуществлении субъективного права, в то время как деликт – это всегда действия за рамками права, его нарушение;
- (2) для признания конкретных действий актом злоупотребления правом не требуется формального признака – факта наличия убытков, вызванных таким злоупотреблением, в то время как деликтное правоотношение не может возникнуть в отсутствии факта причинения вреда¹⁰⁰; и
- (3) по общему правилу генерального деликта отсутствие вины лица, причинившего вред, должно доказывать само это лицо (п. 2 ст. 1064 ГК РФ); п. 5. ст. 10 ГК РФ предусматривает презумпцию добросовестности действий, следовательно, бремя доказывания злоупотребления правом лежит на лице, пострадавшем от недобросовестных действий.

Разберем каждое различие подробно. Первое различие основано на двоякой природе злоупотребления правом. Ссылаясь на отсутствие «формальной незаконности»¹⁰¹ и формальной же «противоправности»¹⁰² как основных юридических атрибутов правонарушения, учеными делается вывод о невозможности отнесения злоупотребления правом к деликтам. Согласно проанализированной ранее оценке двоякой природы злоупотребления правом использование субъективного права для целей злоупотребления не делает

⁹⁹ В юридической литературе также встречаются и иные аргументы для обоснования различий между злоупотреблением правом и правонарушением. В частности, например, А.В. Волков (вслед за В.А. Рясенцевым, считавшего злоупотребление правом исключительно «намеренным» поведением) понимает под злоупотреблением правом действия, совершенные исключительно с умыслом, в то время как для деликта возможны и иные формы вины (умысел, неосторожность, небрежность, легкомыслие и т.д.). См. *Волков А.В.* Теория концепции «злоупотребление гражданскими правами». Волгоград. Станица-2, 2007. С. 226; *Рясенцев В.А.* Указ. соч. С. 8-9. Такая точка зрения на виды вины при злоупотреблении правом может быть оспорена (см. подробнее ниже пункт 3 настоящего параграфа). Более того, вопрос о вине как обязательном условии гражданской ответственности за правонарушение также остаётся дискуссионным. По указанным причинам аргумент относительно вины при деликте и злоупотреблении правом отдельно не рассматривается.

¹⁰⁰ *Савицкий П.В.* Запрет злоупотребления правом как особая юридическая конструкция гражданского права. С. 487. URL: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2004/26.pdf> (дата обращения: 17.06.2019).

¹⁰¹ *Скловский К.И.* Повседневная цивилистика. М. Статут, 2017. 288 с. // СПС Консультант Плюс.

¹⁰² *Шабуров А.С.* Теория государства и права. Учебник. Под ред. *Корельского В.М.* и *Перевалова В.Д.* М., 1998. С. 414.

такое действие правомерным и не исключает состава правонарушения в нем, поскольку действия по злоупотреблению правом остаются нарушением нормы права, устанавливающей пределы осуществления правом.

Второе различие заключается в том, что причинение убытков не всегда является обязательным последствием злоупотребления правом. Действительно, последствия в виде возмещения убытков согласно п. 4 ст. 10 ГК РФ возможны только, в случае если было нарушено право другого лица. Следовательно, если субъективное право другого лица нарушено не было, убытки не возникли и возмещению не подлежат. Но «противоправность поведения не обязательно должна быть связана с нарушением конкретного субъективного права: она может быть связана с нарушением норм права в объективном смысле»¹⁰³. Данное утверждение О.В. Гутникова полностью поддерживает ранее высказанное мнение М.М. Агаркова, который считал, что вред может причиняться и таким действием, которое нарушает не субъективное право, а норму объективного права, которая направлена на охрану законного интереса потерпевшего¹⁰⁴. Злоупотребление правом представляет собой действия, совершенные с нарушением пределов осуществления права, которые предусмотрены нормами права. Как будет обосновано далее, в настоящее время единственным общим пределом осуществления права является добросовестность в ее объективном понимании, а именно как обоснованные ожидания разумного поведения всех участников гражданского оборота. Следовательно, любые действия, не соответствующие подобным ожиданиям, даже если они не приводят к нарушению прав каких-либо конкретных лиц, возникновению у них убытков или ущерба, бесконечно вредны для общей стабильности гражданского оборота, для законного интереса общества в

¹⁰³ Гутников О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами. Дисс. на соискание ученой степени д.ю.н. М., 2018, С. 374.

¹⁰⁴ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. Цит. по Гутников О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами. Дисс. на соискание ученой степени д.ю.н. М., 2018, С. 374.

целом. По этой причине злоупотребление правом является действием, безусловно, вредоносным, как и любое противоправное поведение.

И наконец, третье различие основано на распределении бремени доказывания вины. При деликте отсутствие вины должно доказать лицо, допустившее нарушение, в то время как для злоупотребления действует презумпция добросовестности. На практике такое противоречие было решено в пользу презумпции добросовестности. Согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7¹⁰⁵ правила о деликтной ответственности (главы 59 ГК РФ) в отношении ответственности за недобросовестное поведение при проведении переговоров применяются с определенными исключениями, в частности, норма о бремени доказывания вины не применяется в силу действия презумпции добросовестности. Полагаем, что подобный подход можно распространить и на иные случаи злоупотребления правом по ст. 10 ГК РФ.

Проанализированные выше отличия не позволяют поставить знак строгого равенства между злоупотреблением правом и деликтом. Несмотря на это, большинство исследователей понятия злоупотребления правом едины во мнении, что действия, признаваемые злоупотреблением правом, по тем или иным основаниям, являются действиями противоправными, т.е. праву не соответствующими. Логическим выводом из сказанного будет являться признание злоупотребления правом отдельной категорией противоправного поведения (наряду с деликтом), особым (неделиктным) видом правонарушения, не охватываемым понятием общего гражданского деликта¹⁰⁶. Представляется, что данная позиция разделяется также законодателем, распространившим прямым указанием в ст. 10 ГК РФ возможность взыскания убытков за злоупотребление правом. Судебная

¹⁰⁵ Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС Консультант Плюс.

¹⁰⁶ В юридической науке есть пример использования особой категории неделиктных правонарушений для квалификации недействительных сделок по причине сочетания признаков юридической сделки, как действия правомерного, и правонарушения (все верно и для злоупотребления правом). См. подробнее Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960, С. 5, 11 – 13.

практика также идет по пути признания злоупотребления правом гражданским правонарушением¹⁰⁷. Таким образом, понимание злоупотребления правом как особого вида правонарушения здесь и далее в настоящем исследовании будет принято как основное.

2. Пределы осуществления субъективного права

Границы содержания субъективного права определяются перечнем возможностей, предоставляемых управомоченному лицу таким субъективным правом. Пределы осуществления права, в отличие от границ его содержания, являются ограничениями, установленными в отношении самого процесса осуществления права (по принципу соотношения «что» и «как»). Гражданское законодательство определяет пределы осуществления прав по-разному. К ним могут быть отнесены следующие ограничения:

- (1) субъектные границы определяются рамками гражданской дееспособности, также для осуществления прав своими действиями необходимо обладать соответствующим объемом дееспособности;
- (2) временные границы – это определенные сроки осуществления гражданских прав, установленные законом;
- (3) способ и форма осуществления права (например, нотариальное удостоверение договора ренты); и
- (4) характер и пределы средств принудительного осуществления или защиты (например, пределы необходимой обороны или пределы использования мер оперативного воздействия)¹⁰⁸.

Но нарушение не всякого предела осуществления права является злоупотреблением таким правом. По справедливому замечанию В.П. Грибанова, «злоупотребление правом имеет место лишь тогда, когда данное субъективное право используется “во зло”», при этом ключ к пониманию «использования права «во зло» следует искать в характере самого поведения управомоченного лица по осуществлению права. Красноречиво и

¹⁰⁷ Определение ВС РФ от 20.07.2015 № 303-ЭС15-8878 по делу № А51-12747/2014// СПС Консультант Плюс.

¹⁰⁸ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 48-49.

наглядно определял пределы осуществления права, нарушение которых ведет к злоупотреблению, Л. Дюги, в целом отрицавший возможность злоупотребления правом. Со ссылкой на французских юристов Рипера и Феррона он писал, что если все же признать возможность существования злоупотребления правом, то: «злоупотребление начинается тогда, когда индивид *ненормальным*, чрезмерным развитием своей деятельности, своей свободы или своей собственности препятствует *нормальному* развитию свободы или собственности другого. В конце концов, злоупотребление правом - это ненормальное использование этого права»¹⁰⁹.

Юридическая доктрина и судебная практика выделяла несколько вариантов пределов осуществления права, нарушение которых должно признаваться злоупотреблением правом.

2.1 Назначение, функция права как предел его осуществления

Предел осуществления права в виде его назначения имел большое значение для тех правовых систем, которые, следуя принятой целевой концепции общества, поддерживали идею целевого осуществления права. К таким правовым порядкам, безусловно, относится и советское право (см. ст. 1 ГК 1922 года, ст. 5 Основ 1961 года и ГК 1964 года). Советские юристы активно поддерживали использование именно такого предела осуществления субъективного права в качестве единственного, превышение которого приводит к злоупотреблению. В.А. Рясенцев даже высказывал предложение заменить термин «злоупотребление правом» на «осуществление права в противоречии с его назначением», использованный в ст. 5 Основ 1961 года¹¹⁰.

С.Н. Братусь признавал социальное назначение субъективного права обязательным компонентом самого права (наряду с его содержанием)¹¹¹. При этом под назначением права в советской цивилистической литературе понималась цель, ради достижения которой субъективное право

¹⁰⁹ Дюги Л. Указ. соч. С. 109.

¹¹⁰ Рясенцев В.А. Указ. соч. С. 8-9.

¹¹¹ Братусь С.Н. Указ. соч. С. 81.

предоставлялось участникам гражданских правоотношений¹¹². Позднее эту позицию поддержал А.А. Малиновский¹¹³.

Необходимо отметить, что идея о наделении субъективных прав определенной «социальной функцией» была впервые высказана французским юристом начала XX века, Луисом Жоссераном, являющимся ярким сторонником теории злоупотребления правом и основным оппонентом М. Планиоля. Он полагал, что законодатель наделил индивида субъективными правами с целью достижения общей социальной цели. По его мнению, субъективные права являются относительными по своему содержанию, не абсолютными. Государство должно защищать право, только если его осуществление соответствует его социальной функции, любое осуществление права не в соответствии с его социальной функцией должно признаваться злоупотреблением¹¹⁴.

Говоря о назначении права как пределе его осуществления, следует рассмотреть концепцию «целевого права-обязанности»¹¹⁵. В силу того, что закон объективно не может предусмотреть все возможные жизненные ситуации, нельзя заранее предписать управомоченному лицу действовать (или не действовать) тем или иным образом. Поэтому возникает необходимость в «предоставлении права в сочетании с установлением обязанности использовать его в определенных целях»¹¹⁶, и цель осуществления права будет определять его назначение. Цель может определяться указанием на результат, к которому следует стремиться, или указанием на лицо, в чьих интересах следует действовать. В этом случае злоупотреблением правом будут лишь те действия, которые нарушают предписание осуществлять право с определенной целью и/или в интересах другого лица. В.П. Грибанов также

¹¹² См., например, *Рясенцев В.А.* Указ. соч. С. 8-9, *Грибанов В.П.* Указ. соч. С. 48-49.

¹¹³ *Малиновский А.А.* Злоупотребление правом как юридическая категория // *Черные дыры в российском законодательстве*, 2005. № 4. С. 92.

¹¹⁴ Подробнее о взглядах Л. Жоссерана см. *Cueto-Rua J.* Указ. соч. С. 996; *Herman Sh.* Указ. соч. С. 754; *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права. Под. общ. ред. В.И. Даниленко. Пер. с фр. М. Издательский дом NOTA VENE, 2000. С. 443-444.

¹¹⁵ Термин использован Емельяновым В.И. (см. *Емельянов В.И.* Указ. соч. С. 49).

¹¹⁶ *Емельянов В.И.* Указ. соч. С. 49, 51-52.

отмечал, что злоупотребление правом представляет собою поведение, связанное с нарушением обязанности использовать принадлежащее ему право надлежащим образом (по советскому праву – в соответствии с его назначением), и обязанность эта носит общий характер¹¹⁷.

Таким образом, назначение (или, вариативно - функция, цель) права является одним из вариантов определения пределов осуществления права, превышение которых приводит к злоупотреблению правом. В настоящее время в законодательстве Российской Федерации отсутствует общее требование осуществления права в соответствии с его назначением. Аналогично в корпоративных правоотношениях такого ограничения не предусмотрено. По общему правилу участники хозяйственного общества вправе осуществлять свои права без необходимости соблюдения какого-либо назначения таких прав. И даже основная цель деятельности хозяйственного общества в виде получения прибыли не определяет назначение осуществления корпоративных прав участниками такого общества.

2.2 Интерес управомоченного лица как предел осуществления права

В соответствии с п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Данное положение закона дало некоторым ученым основание полагать, что «природа злоупотребления субъективным гражданским правом состоит в осуществлении принадлежащего управомоченному лицу права при отсутствии у данного лица интереса в его осуществлении»¹¹⁸. Аналогичную позицию (но с некоторыми изменениями) высказывает и В.Л. Вольфсон: «Злоупотребление правом есть не что иное, как такое его осуществление, которое не направлено на реализацию заложенного в этом праве интереса», т.е. когда подлинный интерес (индивидуальный интерес каждого субъекта при осуществлении права) не соответствует вмененному интересу (объективно существующему интересу любого

¹¹⁷ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 55.

¹¹⁸ Радченко С.Д. Понятие и сущность злоупотребления субъективным гражданским правом // Журнал российского права, 2005. № 11. С. 153.

разумного субъекта, предписываемому позитивным законодательством)¹¹⁹. Такая позиция основывается на утверждении Р. Иеринга, согласно которому право является защищенным публичной властью интересом; без интереса субъективное право не существует¹²⁰.

Что следует понимать под интересом? Категория интереса исследуется разными науками: философией, социологией, психологией, экономикой, юриспруденцией и т.д. Объективные условия жизни влияют на сознание людей, представляют собой «факторы сознательного побуждения их воли»¹²¹ или потребности, которые, проходя через сознание людей, принимают какую-либо форму сознательного побуждения, определяющего целенаправленность их действий. Другими словами, потребность и составляет содержание интереса.

Как соотносятся интерес и субъективное гражданское право? И входит ли интерес в содержание субъективного гражданского права? Мнения исследователей по этим вопросам разделились: есть две противоположные точки зрения. Одни считают, что интерес входит в содержание субъективного права, являясь его неотъемлемым элементом (Ю.К. Толстой)¹²². Другие же, напротив, считают, что интерес не может входить в содержание субъективного права (В.П. Грибанов)¹²³.

Как было сказано выше, потребность составляет содержание интереса, которая выражается в форме сознательного побуждения. По словам С.Н. Братуся, интерес возникает независимо от субъективного права до его возникновения, являясь его предпосылкой¹²⁴. Учитывая, что содержанием субъективного права является мера возможного поведения, интерес является предпосылкой не содержания (оно записано в законе), а осуществления права,

¹¹⁹ Вольфсон В.Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. М. Проспект, 2014. С. 11, 12, 16, 134-135.

¹²⁰ Иеринг Р. Интерес и право. Пер. А. Борзенко. Яр. Тип. Правительствующего Сената, 1880. С. 83.

¹²¹ Термин использован Грибановым В.П. (см. Грибанов В.П. Указ. соч. С. 230).

¹²² Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л. Изд-во ЛГУ, 1959. С. 43-46.

¹²³ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 242.

¹²⁴ Братусь С.Н. Указ. соч. С. 24.

которое представляет собой волевое действие по реализации возможностей, заложенных в содержании. Удовлетворение интереса является целью осуществления субъективного права. Ни предпосылка, ни цель не могут стать содержанием субъективного права, следовательно, интерес не входит в содержание субъективного гражданского права.

Российское право, включая корпоративное право, не содержит предписания осуществлять субъективное право в соответствии с интересом управомоченного лица. На практике процесс осуществления корпоративных прав участниками хозяйственных обществ не оценивается с точки зрения реализации интереса, заложенного законодателем в таких правах. Интерес участника хозяйственного общества при осуществлении корпоративного права приобретает правовое значение в случае оценки, надлежащим ли образом такое право было осуществлено. При установлении неправомерного интереса действия участника признаются противоправными и могут быть квалифицированы в качестве злоупотребления правом.

2.3 Нравственные критерии как предел осуществления права

Определение нравственных критериев в качестве предела осуществления права, значимого для квалификации злоупотреблений, основывается на буквальном толковании понятия злоупотребления правом. Наиболее очевидно следующее толкование: «употребление права во зло» либо «злое употребление права». В этом случае злоупотреблением правом является нарушение не любых пределов осуществления права, а лишь такое нарушение, которое нарушает права и свободы других лиц, причиняет зло интересам других лиц, общества и государства.

Наиболее показательным примером использования нравственных критериев в качестве предела осуществления права для целей запрета злоупотреблений является использование понятий «доброй совести» и «добрых нравов». Данный пример был реализован в западноевропейском законодательстве XVIII и XIX веков, действующем и по сей день. Понятия «доброй совести» и «добрых нравов» используются в их объективном

понимании, являются внешним «мерилом»¹²⁵. Однозначного понимания содержания таких объективных понятий юридическая доктрина не выработала. Единственное, в чем сходились все ученые, что принцип доброй совести является «известной сдержкой эгоизма в юридических отношениях»¹²⁶, или иными словами – пределом осуществления субъективного права. Неопределенность, «каучуковость» данных понятий служила основанием для появления сомнений в возможности эффективного применения запрета злоупотребления правом на практике.

Современные ученые приводят следующие примеры использования нравственных критериев в качестве пределов осуществления права. По мнению Н.С. Малеина, «во зло» означает «в противоречие интересам другого субъекта или общества»¹²⁷. Аналогична точка зрения А.Б. Венгерова: «во зло – в ограничение прав и свобод других», оно появляется там и тогда, где и когда нарушается мера разумного социального поведения, нарушается баланс своих и чужих прав»¹²⁸. В.П. Грибанов писал, что «злоупотребление правом представляет собой зло уже потому, что в данном случае право используется управомоченным лицом в ущерб интересам общества и отдельных его членов»¹²⁹. С.Г. Зайцева, основываясь на том, что право есть внешняя свобода человека, определяемая общим законом, полагает, что злоупотреблением правом является такое «осуществление лицом принадлежащего ему праву, в результате которого страдает свобода других лиц, другого субъекта или общества»¹³⁰.

На этической интерпретации злоупотребления права основывается и другой современный исследователь этой проблемы, А.В. Волков. По его мнению, злоупотребление возникает, если эгоистически настроенный субъект

¹²⁵ Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права. Прив.-доц. И.Б. Новицкий // Вестник Гражданского права. Петроград, 1916. № 6 (Октябрь). С. 64.

¹²⁶ Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 64.

¹²⁷ Малеин Н.С. Указ. соч. С. 63.

¹²⁸ Венгеров А.Б. Теория государства и права. М. Новый Юрист, 1998. С. 510.

¹²⁹ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 62.

¹³⁰ Зайцева С.Г. Злоупотребление правом. К вопросу о пределах осуществления права // Юрист, 2002, № 7. С. 17.

пренебрегает смыслом и назначением права, которые образуют внутренние пределы права, определяемые, в том числе критериями разумности и добросовестности, для достижения своей незаконной скрытой цели с использованием юридического формализма гражданского права, как-то пробелы, оговорки, недостатки, узость, противоречия правовых норм и договорных условий. Подобная ситуация характеризуется недобросовестностью, нечестностью, лицемерностью управомоченного лица¹³¹.

Современное значение добросовестности, используемое в российском праве, будет рассмотрено далее. Общее значение добросовестности является применимым и к корпоративным правоотношениям.

3. Формы злоупотребления правом по ст. 10 ГК РФ

Действующая редакция ст. 10 ГК РФ предусматривает следующие формы злоупотребления правом: (1) осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу; (2) действия в обход закона с противоправной целью; и (3) иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Действия, совершаемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана), первыми были запрещены со стороны законодателя и правоприменителя. Необходимость запрета таких действий подчеркивали еще римские юристы. Наиболее мощное развитие запрет шиканы получил в западноевропейском законодательстве XVIII и XIX веках. Это объясняется значительной степенью общественного вреда, который причиняют данные действия. Субъективное право призвано удовлетворить потребности своего управомоченного лица, принести ему пользу, а если эти потребности и польза направлены исключительно против и во вред другого лица, то в данном случае мы имеем дело с обыкновением правонарушением, которое, несомненно, должно пресекаться правом.

¹³¹ Волков А.В. Теория концепции «злоупотребление гражданскими правами». Волгоград. Станица-2, 2007. С. 222.

Значительная общественная опасность шиканы, как правило, не позволяла юристам отрицать необходимость законодательного запрета таких деяний. Так, например, М.М. Агарков, сохраняя отрицательное отношение к проблеме злоупотребления правом, тем не менее признавал необходимость запрещение шиканы¹³². Аналогичное мнение высказывал И.А. Покровский¹³³. Однако в юридической литературе можно встретить и противоположную точку зрения. М. Планиоль относительно допустимости шиканы считал следующее: «люди проводят свою жизнь в причинении вреда друг другу; жизнь общества представляет собой общую и постоянную борьбу»; «каждый человек, каждый народ, который приобретает известное превосходство в какой-либо отрасли своей деятельности, вытесняет оттуда других, устраняет своих конкурентов, вредит им, и *вправе вредить им*. Таков закон природы...»¹³⁴.

Долгое время шикана оставалась единственной запрещенной формой злоупотребления правом, но развитие теоретических взглядов на субъективное право и порядок его осуществления позволило сформулировать и иные формы злоупотребления правом.

Изменения 2013 года признали действия, совершенные в обход закона с противоправной целью, отдельной, новой формой злоупотребления правом. Термин «обход закона» имеет долгое историческое развитие: впервые этот термин был употреблён еще древнеримскими юристами (Ульпианом, Павлом), которые под обходом закона понимали действия по подмену субъекта права (например, совершение каким-либо лицом действий, прямо ему запрещенных, через подставное лицо) или предмета сделки (например, действия, совершаемые в нарушение запрета отдавать займы деньги и направленные на передачу займы иных вещей (зерна, вина, масла))¹³⁵. Более общий принцип

¹³² Агарков М.М. Указ. соч. С. 430.

¹³³ Покровский И.А. Указ. соч. С. 118.

¹³⁴ М. Планиоль Указ. соч. С. 296.

¹³⁵ Дигесты Юстиниана. Пер. с лат. Т. VII. Полутом 2. М. Статут, 2005. С. 415; Дигесты Юстиниана. Пер. с лат. Т. IV. М. Статут, 2004. С. 293.

был сформулирован юристом Павлом: «поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл»¹³⁶.

В последующем понятие обхода закона в материальном праве развивалось и наполнялось различными юридическими смыслами, главным из которых стало сопоставление обхода закона с притворными сделками, признававшимися недействительными¹³⁷. На законодательном уровне признание недействительной сделки, совершенной в обход закона, впервые нашло отражение в ст. 30 ГК 1922 года¹³⁸, при этом в ГК 1964 года подобная норма уже отсутствовала.

Законодатель вернулся к понятию «обхода закона» только на этапе обсуждения Изменений 2013 года. В рамках первых обсуждений проектов Изменений 2013 года обход закона использовался (как и в ГК 1922 года) в привязке к недействительным сделкам, и только на последнем этапе обсуждения он трансформировался в отдельную форму злоупотребления правом. При этом согласно формулировке ст. 10 ГК РФ злоупотреблением признается только лишь обход закона с противоправной целью. Из этого можно сделать вывод, что возможен обход закона и без противоправной цели, т.е. с целью правомерной и дозволенной, который злоупотреблением являться не будет. Но предположить действия, совершенные в обход закона с целью правомерной и не являющиеся правонарушением, означает признать правомерность противозаконного поведения, что выходит за рамки юридической науки. Данный аргумент демонстрирует необходимость изменения текста ст. 10 ГК РФ в части, по меньшей мере, исключения

¹³⁶ Дигесты Юстиниана. Пер. с лат. Т. IV. М. Статут, 2004. С. 113.

¹³⁷ Такой позиции, в частности, придерживались Д.И. Мейер, К.И. Скловский (см. *Мейер Д.И.* О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях // *Избранные произведения по гражданскому праву.* М. Центр ЮрИнфоР, 2003. С. 146), *Скловский К.И.* Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. М. Статут, 2004 // *Комментарий к ст. 217 ГК РФ // СПС Консультант Плюс*). Противоположной позиции придерживался (а именно отделил обход закона от притворных сделок) И.Б. Новицкий (см. *Новицкий И.Б.* Курс советского гражданского права. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 87).

¹³⁸ Необходимо отметить, что составители ГК 1922 года признавали несовершенство формулировок кодекса, возникшее в силу прямого заимствования институтов западного права без учета советской специфики. См. подробнее *Энциклопедия государства и права. II. Стучка* (отв. ред.). М. Изд-во Коммунистической Академии, 1925-1926. Т. 2. С. 714, 717.

необходимости преследования субъектом, совершающим обход закона, противоправной цели.

В современной российской науке термин «обход закона» является дискуссионным, единое понимание относительно его понятия и содержания отсутствует¹³⁹. Но исследователи этого понятия сходны во мнении, что российским законодательством (начиная с ГК 1922 года) термин «обход закона» был заимствован из немецкой судебной практики, которая понимает под обходом закона «ситуацию, когда действия адресата нормы отклоняются от прямо запрещенных данным законом действий в целях достижения результата, на предотвращение которого данная норма направлена»¹⁴⁰. Признав, что термин «обход закона» используется в российском праве с тем же толкованием, можно сделать вывод, что действия, совершенные в обход закона, являются действиями, прямо не запрещенными законом, т.е. действиями правомерными, укладывающимися в границы содержания права, но совершенные с целью достижения иного результата, отличного от результата, предусмотренного применимой нормой закона, иными словами – действиями, выходящими за пределы осуществления права. В результате мы видим, что действия, совершенные в обход закона, являются ни чем иным, как злоупотреблением правом. Поэтому добавление в ст. 10 ГК РФ обхода закона в качестве одной из форм злоупотребления представляется повторением уже сказанного, и может быть без каких-либо последствий удалено.

Отсутствие единого признанного понимания содержания термина «обход закона» как в российской доктрине, так и в судебной практике свидетельствует о безграничной растянутости данного термина. Законодатель,

¹³⁹ См. например, *Муранов А.И.* Проблема «обхода закона» в материальном и коллизионном праве. М. 1999. С. 65; *Суворов Е.Д.* Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. М. ИД В. Ема, 2008. С. 102 – 103; *Егоров А.В.* Обход закона: использование дозволенной правом формы ради запрещенной правом цели // Вестник международного коммерческого арбитража № 2. 2011. С. 170-190.

¹⁴⁰ *Базедов Ю., Курцински-Сингер Е.* Заключение Института зарубежного и международного частного права имени Макса Планка от 02.02.2011 (MAX-PLANK-INSTITUT FUR AUSLANDISCHES UND INTERNATIONALES PRIVATRECHT. Prof. Dr. Dr.h.c. Jurgen Basedow, Dr. Eugenia Kurzynsky-Singer Gutachten (Den Gegenstand der Begutachtung bildet der Vjrschlag zur Anderung des Art. 10 des russischen Zivilgesetsbuchs (ZGB RF). Hamburg, den 02.02.2011. S. 1 – 2) // Вестник гражданского права. 2011. № 2. С. 271-285.

используя термин «обход закона» в ст. 10 ГК РФ, во-первых, дает еще больше свободы судам в толковании и применении данной категории, а, во-вторых, еще больше усложняет возможности практического применения запрета злоупотребления правом. Получается, что законодатель, нарушая все логические законы, определяет одно неизвестное через другое. Никакой пользы для практики в целом, а также для развития применения запрета злоупотребления правом данное положение не приносит.

В связи с исследованием понятия обхода закона в современном российском праве интересным представляется Заключение Института зарубежного и международного частного права имени Макса Планка, подготовленное профессором Ю. Базедовым и доктором права Е. Курцински-Сингер, содержащее комментарии новой редакции ст. 10 ГК РФ. На основе детального анализа основ регулирования института «обхода закона» в германском праве со ссылкой на общеевропейские тенденции авторы высказывают свои соображения относительно возможных последствий введения явного запрета на обход закона в ГК РФ. Основной вывод, к которому приходят исследователи, заключается в том, что введение в российский ГК РФ обхода закона как формы злоупотребления правом представляется малоцелесообразным, во многом по причинам текущего состояния развития российской судебной системы, а также отсутствия в российском правопорядке сформированной оценочной шкалы основополагающих конституционных ценностей, относящихся, прежде всего, к защите основных прав. «Реализация запрета на обход закона чрезмерно расширила бы сферу применения запрещающих законов, что обусловило бы возврат к принципу «запрещено все, что явно не разрешено»¹⁴¹.

Принимая во внимание все указанные выше аргументы, представляется необходимым реформировать ГК РФ путем исключения обхода закона с противоправной целью из форм злоупотребления правом.

¹⁴¹ Базедов Ю., Курцински-Сингер Е. Указ. соч. С. 271-285.

Третья форма злоупотребления правом, указанная в ст. 10 ГК РФ, представляет собой иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Данная формулировка предполагает, что заведомо недобросовестное осуществление права является понятием более широким, чем шикана и действия в обход закона с противоправной целью, и включает в себя первые две формы злоупотребления правом. Из этого можно сделать вывод, что в современном российском праве добросовестность является единственным общим пределом осуществления гражданского права, а любое злоупотребление правом представляет собой заведомо недобросовестное поведение.

Заведомо недобросовестное поведение может быть рассмотрено как поведение умышленное, исключающее возможность квалификации в качестве злоупотребления правом действий, совершенных по неосторожности, в особенности по грубой неосторожности. Но, на наш взгляд, с такой позицией можно и не согласиться. Умысел признается тогда, когда лицо предвидело противоправный характер своего поведения и наступление отрицательных последствий, но желает или сознательно допускает и не предотвращает их наступление. Неосторожность имеет место тогда, когда лицо хотя и не предвидело неблагоприятных последствий своего поведения, но могло и должно было их предвидеть и предотвратить¹⁴². В этом отношении термин «заведомо» может покрывать как фактическое желание или сознательное допущение управомоченным лицом недобросовестности в своих действиях, так и фактическую возможность и обязанность такого лица это сделать (формула «могло и должно было»), следующую из конкретных объективных

¹⁴² Основы права. Учебник под ред. Лазарева В.В. М., Юрист, 2002. С. 256.

обстоятельств¹⁴³. В этом случае недобросовестные действия, совершенные по неосторожности, могут быть квалифицированы как злоупотребление правом, что, на наш взгляд, является верным подходом. В поддержку такой позиции хотелось бы привести судебное дело, рассмотренное ВАС РФ, в рамках которого действия истца при заключении сделки купли-продажи принадлежащей ему доли в хозяйственном обществе, совершенные с грубой неосторожностью, были признаны злоупотреблением правом¹⁴⁴.

Далее мы разберем подробнее, что же представляет собой заведомо недобросовестное поведение.

4. Недобросовестное поведение в современном российском праве

4.1 Критерии недобросовестного поведения

Гражданское законодательство не содержит определения понятия добросовестности, не устанавливает критериев добросовестного поведения, оставляя это на усмотрение суда. В этом есть логика. Понятие добросовестности имеет оценочное значение, толкование (а самое главное – фактическое наполнение) которой зависит от множества объективных и субъективных факторов. Предусмотреть все такие факторы на законодательном уровне не представляется возможным. Ведущая роль в установлении и оценке конкретных критериев добросовестного поведения

¹⁴³ Следует признать, что данный подход не всецело поддерживается юридической доктриной и судебной практикой (см., например, *Шерстобитов А.Е.* Злоупотребление правом (доктрина и практика) // Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею Ема В.С. Отв. ред. *Суханов Е.А., Козлова Н.В.* М. Статут, 2011. С. 460-461; Постановления ФАС Московского округа от 25.03.2013 по делу № А40-59362/09-70-230Б, Арбитражного суда Центрального округа от 14.10.2014 по делу № А48-2339/2013 // СПС Консультант Плюс). Заведомо недобросовестное поведение признается исключительно умышленным поведением. Причины может быть две. Во-первых, прямо выраженная позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее - «ВС РФ») в Постановлении от 23.06.2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее - «Постановление № 25») по ст. 169 ГК РФ, согласно которой цель совершения сделки, заведомо противная основам правопорядка или нравственности, означает наличие умысла хотя бы у одной из сторон сделки. Вторая причина состоит в том, что действующая редакция ст. 10 ГК РФ пришла на смену формулировке, согласно которой под злоупотреблением правом понимались действия, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. И доктринально именно иные формы злоупотребления включали в себя действия по неосторожности. В таком изменении многие исследователи усмотрели намерение законодателя ограничить злоупотребления правом только умышленными действиями. На наш взгляд, данное ограничение не вполне оправданно сужает сферу применения ст. 10 ГК РФ. Если практика не пойдет по пути расширительного толкования, то необходимо внести изменения в ст. 10 ГК РФ, исключив ссылку на «заведомость» недобросовестного поведения.

¹⁴⁴ Определение ВАС РФ № ВАС-10345/12 по делу № А35-843/2011 от 08.08.2012 // СПС Консультант Плюс.

была отдана судьей, что отмечено КС РФ в Определении № 1580-О-О от 16.12.2010¹⁴⁵.

Некоторые разъяснения относительно критериев добросовестного поведения можно найти в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее - «ВС РФ») от 23.06.2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее - «Постановление № 25»)¹⁴⁶, согласно которому «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации». Таким образом, добросовестное поведение – это стандартное поведение обычного, усредненного участника гражданского правоотношения, осуществляемое с учетом прав и законных интересов других участников гражданского оборота¹⁴⁷.

Дальнейшее толкование данного положения может привести к весьма неутешительным выводам: злоупотребление правом возникает во всяком случае, если участник гражданского правоотношения осуществляет принадлежащее ему субъективное право, при этом: (а) способ осуществления отличается от некоего стандартного поведения, либо (б) осуществление права имеет какие-либо нестандартные цели осуществления, и (в) осуществление права происходит без учета прав и законных интересов других лиц, при этом такие права и законные интересы других участников могут быть даже и не нарушены. П. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации 1993 года (далее –

¹⁴⁵ Определение КС РФ № 1580-О-О от 16.12.2010 // СПС Консультант Плюс.

¹⁴⁶ Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.15 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» // СПС Консультант Плюс.

¹⁴⁷ Изменение дословной формулировки разъяснений ВС РФ является сознательным. Необходимость расширения «прав и законных интересов другой стороны, содействующего ей, в т.ч. в получении необходимой информации» до «прав и законных интересов любых других лиц» объясняется неоправданным сужением круга лиц, чьи права могут быть затронуты при осуществлении любого субъективного права, допущенным в Постановлении № 25. На этот недостаток также указывал В.В. Витрянский (см. подробнее *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М. Статут, 2016. С. 61).

«Конституция РФ 1993 года») предусматривает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц¹⁴⁸. Как мы видим, предел осуществления, указанный в Конституции РФ 1993 года, намного уже предела, предусмотренного в ст. 10 ГК РФ с учетом разъяснений ВС РФ в Постановлении № 25. Принимать решение о том, обязательно ли при злоупотреблении правом обосновывать нарушения прав и интересов других лиц, будет суд при рассмотрении каждого конкретного дела. На наш взгляд, следует придерживаться логики, изложенной в Конституции РФ 1993 года по причинам высшей юридической силы и прямого действия последней. Для квалификации злоупотребления правом необходимо обосновать не только отсутствие «учета прав и законных интересов других лиц», но и их нарушение. В противном случае любое действие, так или иначе затрагивающее права и интересы других лиц (что означает до 100% случаев осуществления субъективных прав)¹⁴⁹, может быть квалифицировано как злоупотребление правом, если оно в каком-либо виде отличается от «ожидаемого поведения».

Ценность самого субъективного права заключается в том, что оно служит интересам управомоченного лица. Субъекты вправе совершать действия, являющиеся содержанием субъективного права, или воздерживаться от их совершения. Никто не вправе препятствовать субъекту в осуществлении имеющихся у него гражданских прав или принуждать его к их реализации. Но при этом осуществление права и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Следовательно, одно субъективное право распространяется до той грани, после которой уже начинается другое субъективное право, начинаются интересы другого лица, всего общества или государства. Данная грань не может быть четко

¹⁴⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс.

¹⁴⁹ Например, голосование на общем собрании участников хозяйственного общества против принятия решения о выплате дивидендов участникам непосредственно затрагивает права и интересы других участников, но по общему правилу, их не нарушает.

определена законом, поэтому огромную роль в ее установлении в каждом конкретном случае играет усмотрение суда.

4.2 Презумпция добросовестности

В соответствии с п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются. Следовательно, любое лицо (включая контрагента в правоотношении, судью, рассматривающего дело) обязано предполагать добросовестность действий управомоченного лица (а значит, и отсутствие злоупотребления правом с его стороны) до тех пор, пока не доказано иное. Бремя доказывания налагается на лицо, опровергающее данную презумпцию. Данная позиция полностью подтверждается Определением ВС РФ от 01.09.2015 № 5-КГ15-92¹⁵⁰.

Однако в Постановлении № 25 ВС РФ пояснил следующее: «поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (ст. 56 ГПК РФ, ст. 65 АПК РФ)». Как справедливо отмечает В.А. Белов: «обращение к упомянутым статьям ГПК и АПК (о том, что каждая сторона обязана доказать обстоятельства, на которые она ссылается и т.д.) убеждает в том, что они посвящены другим вопросам. В пикну принципам состязательности процесса Верховный Суд предлагает нижестоящим судам занимать проактивную позицию в процессе, при необходимости изучая даже те вопросы, которые стороны хотели бы оставить за рамками процесса...»¹⁵¹. Это приводит к выводу, что данные разъяснения в Постановлении № 25 не

¹⁵⁰ Определение ВС РФ от 01.09.2015 № 5-КГ15-92 (Судебная коллегия по гражданским делам) // СПС Консультант Плюс.

¹⁵¹ Белов В.А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или ... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 55.

соответствуют принципу правовой презумпции добросовестности, закрепленной в ГК РФ.

Важность активной позиции суда при рассмотрении вопросов нравственности (включая и злоупотребление правом) была ранее уже отмечена Президиумом ВАС РФ (см. п. 8 Информационного письма № 127). При этом при наличии доказательств, свидетельствующих о недобросовестном поведении стороны по делу, эта сторона несет бремя доказывания добросовестности и разумности своих действий¹⁵².

В судебной практике также можно найти примеры фактических ситуаций, которые должны рассматриваться судом и сторонами в качестве примеров недобросовестного поведения и злоупотребления правом. В Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62¹⁵³ предусмотрены случаи, когда недобросовестность действий (бездействия) директора считается доказанной (например, действия директора в условиях конфликта интересов, сокрытие информации о совершенной сделке, либо совершение сделки без требуемого одобрения и т.д.). Аналогичная ситуация возникает в случае отклонения банка от стандарта поведения обычной кредитной организации в сходных обстоятельствах¹⁵⁴.

В случае наличия указанных обстоятельств презумпция добросовестности по сути не применяется (она как бы считается отмененной), а бремя доказывания добросовестности своих действий переносится на управомоченное лицо. Это, с одной стороны, облегчает задачу судьи, ограничивает судебское усмотрение, дает некоторую определенность правам и свободам участников гражданских правоотношений, но с другой стороны, может без вникания в суть рассматриваемых обстоятельств привести к

¹⁵² Обзор судебной практики ВС РФ № 2 (2015), утвержденный Президиумом ВС РФ 26.06.2015; Определение ВС РФ от 15.12.2014 по делу № 309-ЭС14-923, А07-12937/2012 (Судебная коллегия по экономическим спорам) // СПС Консультант Плюс.

¹⁵³ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 // СПС Консультант Плюс.

¹⁵⁴ Определение ВС РФ от 28.12.2015 № 308-ЭС15-1607 по делу № А63-4164/2014 (Судебная коллегия по экономическим спорам) // СПС Консультант Плюс.

неоправданному расширению сферы применения норм о запрете недобросовестного поведения и его последствий.

4.3 Судебное усмотрение

Решение вопроса о наличии или отсутствии в действиях управомоченного лица признаков злоупотребления правом в рамках конкретного дела отдается на рассмотрение суда. Некоторые ученые-цивилисты отрицательно оценивают данную тенденцию: так, по словам Н.С. Малеина, «закон и только закон определяет границы права»¹⁵⁵. Согласно же мнению С.Н. Братуся, «какова бы ни была степень конкретизации действий, входящих в содержание субъективного права, норма права не может исчерпывать всех возможных его проявлений»¹⁵⁶. Поэтому неизбежно возникает необходимость применения судебного усмотрения. Таким образом, с одной стороны, пределы правоосуществления могут быть точно определены в законе, с другой стороны, они могут быть точно определены лишь судом. По мнению М.М. Агаркова, «в первом случае – теория злоупотребления правом отрицается, а во втором – обосновывается», т.к. «если граница права определена законом, то проблема злоупотребления правом является мнимой», т.е. М.М. Агарков видит проблему злоупотребления правом в «тенденции допустить усмотрение суда и дать последнему для руководства более или менее неопределенный критерий для определения действий, которые не являются осуществлением права, хотя и соответствуют содержанию права, сформулированному в законе», поэтому «злоупотреблением правом можно условно назвать лишь те действия, которые остаются в пределах границы, установленной законом, но вышедшие за пределы той границы, которую суд сочтет по данному делу правильной»¹⁵⁷.

Суды, определяя так называемую вторую границу права, должны действовать в рамках закона (т.е. в рамках первой границы), поэтому первая граница выступает в качестве общей нормы, общего принципа, а вторая

¹⁵⁵ Малеин Н.С. Указ. соч. С. 69.

¹⁵⁶ Братусь С.Н. Указ. соч. С. 81.

¹⁵⁷ Агарков М.М. Указ. соч. С. 427.

граница – это толкование конкретным судом общей нормы, т.к. закон не может предусмотреть все возможные случаи поведения, подчас ограничиваясь лишь общим принципом. Однако действия, которые полностью соответствуют норме права, содержащейся в законе (независимо от того, является ли она общей или конкретной нормой) не могут представлять собой действия без права, вне его (как определял ранее М.М. Агарков злоупотребление правом). Кроме того, применение данного определения злоупотребления правом на практике привело бы к нарушению принципа законности, что стало бы чрезвычайно опасным для существования нормального гражданского правоотношения.

Отрицательно относился к судейскому усмотрению И.А. Покровский. Главное, по его мнению, удовлетворить «единственную и «неотъемлемую» потребность индивида иметь свое ясное и определенное место в жизни целого социального организма»¹⁵⁸. Для этого необходимо соблюдать определенность и прочность права. Поэтому допущение судейского усмотрения неминуемо ведет к судейскому произволу, поскольку если освободить судью от связанности законом, где найти критерий для разграничения «усмотрения» и «произвола»? «Свободное судейское усмотрение, - резюмировал И.А. Покровский, - иногда может оказаться полезным для тех или других частных интересов личности, но оно всегда бесконечно вредно для основного и общего интереса личности, интереса в определенности её правового положения вне зависимости от чьей бы то ни было милости или немилости»¹⁵⁹. «Если оно (судейское усмотрение) – благо», - продолжал И.А. Покровский, - «то зачем ограничивать его какими-то пределами «действительной необходимости», если же оно – зло, то есть нечто противоречащее самому понятию права, то как можно реализовать его хотя бы в самых тесных пределах»¹⁶⁰.

¹⁵⁸ Покровский И.А. Указ. соч. С. 106.

¹⁵⁹ Там же. С. 106.

¹⁶⁰ Покровский И.А. Указ. соч. С. 106.

Прямо противоположную точку зрения высказал А.Г. Гойбархг: «Закон дает и может дать только форму права, конкретное же его осуществление может быть чрезвычайно разнообразным»¹⁶¹. Объективно невозможно предусмотреть все возможные варианты поведения. Как же в этом случае сохранить прочность права? М.М. Агарков отвечает, что закон может дать точную формулировку границ субъективного права, а если нет, то закон дает общие правила, внутри которых находится некоторое многообразие возможных конкретных случаев, т.е. устанавливая общий принцип, законодатель тем самым дает суду норму, не требующую восполнения¹⁶². Но даже в таком случае судебское усмотрение будет играть значительную роль при решении вопроса о том, совершены ли конкретные действия в рамках общих границ или нет. Следовательно, исключить судебское усмотрение невозможно. Важно помнить, что основной принцип деятельности суда заключается в том, что при принятии решения он должен руководствоваться только законом, действовать в его рамках. Только в этом случае удастся предотвратить нарушение принципа законности. На наш взгляд, прав А.Т. Боннер, отмечая, что «при принятии решения по усмотрению орган государства или должностное лицо исходит, прежде всего, из общих указаний закона, из цели, которую преследует в данном случае законодатель, и конкретных обстоятельств дела»¹⁶³, т.е. решение определяется вовсе не субъективными моментами, а в основном объективными. Кроме того, любое судебное решение, в том числе и принятое на основании судебного усмотрения, должно быть тщательно мотивировано, и, в крайнем случае, оно может быть обжаловано в вышестоящую инстанцию. Только при соблюдении указанных условий возможно допустить судебное усмотрение.

5. Санкция за злоупотребление правом

В соответствии со ст. 10 ГК РФ основной санкцией за злоупотребление правом является отказ в защите принадлежащего субъекту права полностью

¹⁶¹ Цит. по Агаркову М.М. Указ. соч. С. 427.

¹⁶² Там же. С. 428.

¹⁶³ Боннер А.Т. Применение закона и судебное усмотрение // Советское государство и право, 1979. № 6. С. 36.

или частично. Отказ в защите права лицу, злоупотребившему правом, означает защиту нарушенных прав лица, в отношении которого допущено злоупотребление. Таким образом, непосредственной целью указанной санкции является не наказание лица, злоупотребившего правом, а защита прав потерпевшей стороны¹⁶⁴. Следовательно, для защиты нарушенных прав потерпевшего суд может не принять доводы лица, злоупотребившего правом, ссылающегося на соответствие своих действий по осуществлению принадлежащего ему права формальным требованиям законодательства¹⁶⁵. Поэтому норма ст. 10 ГК РФ может применяться как в отношении истца, так и в отношении ответчика¹⁶⁶.

Отказ в защите права допускается лишь в случаях, когда по материалам дела установлено, что действие лица является ничем иным как злоупотреблением правом. В мотивировочной части соответствующего решения должны быть указаны основания квалификации действий истца в качестве злоупотребления правом¹⁶⁷.

Следует отметить, что такая же санкция за злоупотребление правом была предусмотрена в ст. 1 ГК 1922 года, в ст. 5 Основ 1961 года и в ст. 5 ГК 1964 года. Советские ученые считали, что лишение гражданского права защиты имеет двойное значение. Так М.М. Агарков, а вслед за ним и В.П. Грибанов, отмечали, что лишение права защиты, во-первых, может означать, что данное право не будет больше охраняться, следовательно, управомоченное лицо лишается такого права вовсе, поскольку оно превращается в юридически незащищенное, а значит, прекращает вообще

¹⁶⁴ П. 5 Информационного письма № 127.

¹⁶⁵ Определение ВС РФ от 26.10.2015 № 304-ЭС15-5139 по делу № А27-18141/2013 // СПС Консультант Плюс.

¹⁶⁶ Позиция была выработана Президиумом ВАС РФ до внесения Изменений 2013 года (см. п. 5 Постановления № 127 // СПС Консультант Плюс), и впоследствии была подтверждена судебной практикой (см. Определение ВС РФ от 09.12.2014 по делу № 305-ЭС14-3435, А40-116560/2012 (Судебная коллегия по экономическим спорам); Постановление Президиума ВАС РФ от 21.05.2013 № 17388/12 по делу № А60-49183/2011// СПС Консультант Плюс).

¹⁶⁷ См. п. 5 Постановления Пленума ВС Российской Федерации и Пленума ВАС Российской Федерации от 01.07.1996 № 6/8; Определение ВС РФ от 05.03.2004 по делу № 36-В04-7; Определение ВС РФ от 06.12.2011 № 14-В11-11; Определение ВС РФ от 28.06.2016 № 18-КГ16-36 (Судебная коллегия по гражданским делам) // СПС Консультант Плюс.

быть правом¹⁶⁸. Данный вывод представляется весьма спорным, поскольку согласно общей теории гражданского права любое субъективное право является мерой дозволенного поведения субъекта гражданских правоотношений и представляет собой совокупность следующих правомочий:

- (1) правомочия требования, представляющего собой возможность требовать от обязанного субъекта исполнения возложенных на него обязанностей;
- (2) правомочия на собственные действия, означающего возможность самостоятельного совершения субъектом фактических и юридически значимых действий;
- (3) правомочия на защиту, выступающего в качестве возможности использования или требования использования государственно-принудительных мер в случаях нарушения субъективного права¹⁶⁹.

Очевидно, что право на защиту не исчерпывает всего содержания субъективного права, поэтому лишение управомоченного лица на основании решения суда права на защиту своего субъективного права делает такое право более уязвимым, тем не менее, не может автоматически привести к прекращению у него такого права.

Во-вторых, лишение права на защиту, по мнению М.М. Агаркова и В.П. Грибанова, может означать, что конкретное осуществление права рассматривается как злоупотребление правом, поэтому суд может вынести решение об отказе в конкретном способе защиты¹⁷⁰.

Таким образом, в рамках общей возможности отказа в защите права орган, рассматривающий спор, может выбрать любую форму отказа в защите права, которая соответствовала бы характеру каждого конкретного случая.

Особенностью этой санкции является её возможная необязательность: суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий

¹⁶⁸ Агарков М.М. Указ. соч. С. 432-433, а также Грибанов В.П. Указ. соч. С. 89.

¹⁶⁹ Гражданское право под ред. Суханова Е.А. Т. 1. М., Издательство БЕК. 1998. С. 92.

¹⁷⁰ Агарков М.М. Указ. соч. С. 432-433, а также Грибанов В.П. Указ. соч. С. 89.

поведения отказывает в защите права полностью или частично¹⁷¹. Такая формулировка, конечно, отличается от ранее действовавшей редакции ст. 10 ГК РФ, согласно которой суд мог отказать в защите права (а мог и не отказать), но полностью не исключает сомнений в ее необязательности. А что значит «не отказать в защите права? «Это значит, - правильно отмечает В.И. Емельянов, - защитить его, встав на сторону лица, злоупотребившего правом, то есть правонарушителя»¹⁷². Такое положение может привести к нарушению принципа законности, что нежелательно и опасно для общего правопорядка.

Дополнительно к отказу в защите права суд согласно п. 2 ст. 10 ГК РФ также может применить и иные меры, предусмотренные законом. По мнению В.В. Витрянского, «под иными мерами, предусмотренными законом, следует понимать только те способы воздействия на лицо, допустившее злоупотребление правом, которые установлены законом специально на случай шиканы, действий в обход закона с противоправной целью либо заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав, но ни в коем случае не весь арсенал способов защиты нарушенных гражданских прав»¹⁷³. Здесь ученый обращает наше внимание на очень важную практическую проблему, связанную, прежде всего с тем, что других прямых последствий злоупотребления правом (кроме отказа в защите права и возможности возмещения убытков) закон не предусматривает, а прямо закрепленная в ст. 10 ГК РФ возможность применения иных мер дает основания судам применять неограниченный перечень негативных последствий злоупотребления правом, несмотря на то, что закон напрямую и не связывает такие последствия со злоупотреблением правом. В частности, как будет рассмотрено далее, в практике корпоративных правоотношений, например, суды признают

¹⁷¹ П. 1 Постановления № 25; Определение ВС РФ от 19.07.2016 № 18-КГ16-61 (Судебная коллегия по гражданским делам); Определение ВС РФ от 21.06.2016 № 78-КГ16-24 (Судебная коллегия по гражданским делам); Определение ВС РФ от 19.04.2016 № 9-КГ16-3 (Судебная коллегия по гражданским делам) // СПС Консультант Плюс.

¹⁷² Емельянов В.И. Указ. соч. С. 32.

¹⁷³ Витрянский В.В. Указ. соч. С. 72.

корпоративные решения недействительными на основании допущенных при их принятии злоупотреблений. Данная практика является порочной и не может быть поддержана, поскольку явно выходит за рамки общего принципа гражданско-правовой ответственности, имеющей в качестве основной восстановительно-компенсационную задачу и выполняющей карательную функцию в исключительных случаях.

По этой же причине В.В. Витрянский оценивает как порочную судебную практику, согласно которой злоупотребление правом (в т.ч. и корпоративным правом участника при принятии решения об одобрении сделки общества) может являться основанием для признания сделки недействительной. Аргументом является положение ст. 168 ГК РФ, согласно которому сделка может быть признана недействительной, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки. «Статья 10 ГК РФ как раз и предусматривает такие иные последствия в виде отказа в защите соответствующего права», - пишет В.В. Витрянский¹⁷⁴.

Согласно п. 3 ст. 10 ГК РФ в случае злоупотребления правом в форме обхода закона с противоправной целью отказ в защите права применяется, поскольку иные последствия таких действий не установлены ГК РФ. В настоящее время сложившаяся судебная практика (п. 8. Постановления № 25) признает, что к сделке, совершенной в обход закона с противоправной целью, подлежат применению нормы гражданского законодательства, в обход которых она была совершена. В частности, такая сделка может быть признана недействительной на основании положений ст. 10 ГК РФ и пп. 1 или 2 ст. 168 ГК РФ. При наличии в законе специального основания недействительности такая сделка признается недействительной по этому основанию (например, по правилам ст. 170 ГК РФ)¹⁷⁵. Как было указано выше, В.В. Витрянский отрицательно оценивает такой подход по следующим причинам: во-первых,

¹⁷⁴ Витрянский В.В. Указ. соч. С. 73.

¹⁷⁵ Постановление № 25 // СПС Консультант Плюс.

происходит подмена понятий, а именно сделка, совершенная в результате злоупотребления правом в форме обхода закона с противоправной целью, превращается в притворную сделку; во-вторых, недействительная сделка является недействительной с момента ее совершения, следовательно, из такой сделки не может возникнуть субъективное право, которым можно злоупотребить¹⁷⁶.

Если же злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков по общим правилам ст. 15 ГК РФ и ст. 393 ГК РФ. Возмещение убытков в данном случае является дополнительной санкцией, которая может применяться наряду с отказом в защите права и/или иными мерами, предусмотренными законами. Никаких особенностей возмещения убытков в случае злоупотребления правом, на наш взгляд, обнаружить нельзя. В данном случае злоупотребление правом рассматривается как обычное правонарушение, являющееся общим основанием применения гражданско-правовой ответственности. Возмещение убытков носит в основном восстановительный характер и направлено на возмещение имущественного вреда, причиненного в результате злоупотребления правом.

Таким образом, проблема злоупотребления правом является дискуссионной. На наш взгляд, под злоупотреблением правом следует понимать действия, которые совершены за пределами осуществления права, вне границ его содержания (поэтому используемый термин содержит внутреннее противоречие). Это особый тип правонарушения, т.к. эти действия нарушают только пределы осуществления права, в остальном же они полностью соответствуют всем правовым предписаниям.

В настоящее время единственным общим пределом осуществления субъективного гражданского права является добросовестность в объективном ее понимании, как ожидаемое поведение любого участника гражданского

¹⁷⁶ Витрянский В.В. Указ. соч. С. 73-74.

оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, и в соответствии с общим конституционным запретом - не нарушающее их. Критерии добросовестности в законе отсутствуют, они подлежат установлению судом и вовлеченными сторонами в каждом конкретном случае. На наш взгляд, дать исчерпывающий или стремящийся к таковому перечень случаев недобросовестного поведения на законодательном уровне (а также на уровне высших судебных органов) невозможно, да и не следует к этому стремиться. Оценка добросовестности производится в каждом конкретном случае и должна принимать во внимание все объективные и субъективные обстоятельства спора. К сожалению, указанный подход неминуемо приведет к отсутствию прочности и стабильности права, однако, на наш взгляд, достижение данных целей должно осуществляться отнюдь не на законодательном уровне, а путем выработки общих высоких стандартов правоприменения. Именно данному пути, на наш взгляд, и соответствует в настоящее время логика развития российского частного права, ориентированного на добросовестного и разумного субъекта. Следовательно, внимание законодателя и правоприменителя к понятиям «добросовестности» и «злоупотреблению правом» в ближайшем будущем будет только возрастать.

ГЛАВА II. КОРПОРАТИВНЫЕ ПРАВА УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

§ 1. Общая характеристика корпоративных прав

Корпоративные права составляют наряду с корпоративными обязанностями содержание корпоративных правоотношений, которые по результатам свершившейся в 2014 году реформы гражданского законодательства были выделены в особую категорию правоотношений, отличную от вещных и обязательственных правоотношений. Несмотря на подтверждение законодателем самостоятельного характера корпоративных правоотношений, в юридической литературе до сих пор не утихают споры относительно их правовой природы.

Исторически существуют три основные точки зрения на природу корпоративных отношений: (1) корпоративные отношения являются разновидностью вещных правоотношений; (2) корпоративные отношения относятся к обязательственным правоотношениям; (3) корпоративные отношения представляют собой особый вид гражданско-правовых отношений, которые не могут быть отнесены только к обязательственным или вещным правоотношениям.

Дополнительно в юридической литературе также была высказана точка зрения, что «вступление лица в число участников общей совместной деятельности (в том числе и в форме корпорации) само по себе никаких гражданских правоотношений не порождает, но лишь наделяет такое лицо элементами специальной корпоративной правоспособности» (В.А. Белов)¹⁷⁷. Таким образом, корпоративные права возникают не в связи и на основании корпоративных правоотношений, а в силу корпоративной правоспособности, являющейся специальной по отношению к общей гражданской правоспособности. Данная точка зрения была подвергнута критике в

¹⁷⁷ Белов В.А. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики. М. Издательство Юрайт, 2015. С. 178-179.

юридической литературе и не воспринята законодателем¹⁷⁸. На текущий момент существование отдельных корпоративных правоотношений, содержанием которых являются корпоративные права и обязанности участников корпорации, признается и поддерживается как большинством ученых-цивилистов, так и законодателем. Но дискуссия относительно их правовой природы продолжается. Рассмотрим подробнее три ранее указанных основные точки зрения на природу корпоративных правоотношений.

Вещный характер корпоративных отношений обосновывался учеными-цивилистами, прежде всего, тем, что в оплату приобретаемой доли участник корпорации передает имущество, принадлежащее ему на вещном праве, обязан отвечать этой долей за компанию и имеет право на получение своей доли капитала согласно закону и уставу. П.А. Писемский полагал, что акционеры по сути являются «собственниками имущества компании», они пользуются всеми ее выгодами и несут весь ее риск, при этом «признание компании юридическим лицом не исключает право собственности акционеров, ибо компания не есть субъект чуждый акционерам, но лишь совокупность их, рассматриваемая как одно лицо»¹⁷⁹.

Обязательно-правовая природа корпоративных правоотношений до недавнего времени подтверждалась законодателем¹⁸⁰, а также находила своих сторонников в юридической литературе¹⁸¹. Обратим внимание, что одновременно с признанием законодателем самостоятельного статуса корпоративных правоотношений, в ГК РФ была введена общая норма,

¹⁷⁸ Ломакин Д.В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства. Вестник ВАС РФ. 2009. № 8. С. 8–12; Ломакин Д.В. Корпоративное право: «новые» способы нерешения старых проблем. Вестник ВАС РФ. 2009. № 11. С. 134–146; Шиткина И.С. Парадигма и парадоксы корпоративного права. Предпринимательское право. 2010. № 1. С. 4–12;

¹⁷⁹ Писемский П.А. Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М. Тип. Грачева и Ко., 1876, С. 59.

¹⁸⁰ П. 2 ст. 48 ГК РФ в редакции, действовавшей до 01.09.2014, предусматривал, что учредители (участники) имеют обязательственные права в отношении юридических лиц. Действующая редакция ст. 48 ГК РФ прямо называет соответствующие права корпоративными.

¹⁸¹ Гуссаковский П.Н. Вопросы акционерного права // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 10. С. 21-29; Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. Московское научное издательство, 1919. С. 137-138; Макарова О. А. Корпоративное право. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М. Издательство Юрайт, 2015. С. 13; Ломидзе О. Переход обязательственных прав участников юридических лиц. Российская юстиция, 1999. № 10. С. 17.

согласно которой к требованиям, возникшим из корпоративных отношений, применяются общие положения об обязательствах, поскольку иное не установлено законом или не вытекает из существа соответствующих отношений (ст. 307.1 ГК РФ). Это позволило некоторым ученым утверждать, что «обязательственно-правовая концепция корпоративных прав была отчасти восстановлена, а субъективные корпоративные права (права требования) в силу прямого указания закона по общему правилу стали подчиняться правовому режиму обязательств»¹⁸².

Схожесть корпоративных правоотношений с обязательственными проявляется также в их относительном характере¹⁸³: они возникают среди заранее известного круга лиц. Субъектами корпоративных правоотношений в хозяйственном обществе являются само общество и его участники. Осуществление корпоративных прав участником хозяйственного общества предполагает реализацию его интереса только через взаимодействие с органами управления обществом и другими участниками общества. Относительность корпоративных прав, безусловно, роднит их с правами обязательственными, но, как верно отмечает С.А. Сеницын, «относительность корпоративных прав приобретает самостоятельный смысл и значение в сравнении с относительностью обязательственных прав, что обусловлено в первую очередь принципиальными содержательными различиями в возникновении и осуществлении этих видов субъективных гражданских прав»¹⁸⁴.

¹⁸² Гутников О.В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права. // Журнал российского права, 2017. № 3. С. 55.

¹⁸³ Необходимо отметить, что в юридической литературе встречаются точки зрения, обосновывающие абсолютный характер корпоративных правоотношений и/или некоторых корпоративных прав. См. например, Лапач В. Доля в уставном капитале как имущество // ЭЖ-Юрист, 2005. № 28. С. 4; Ушницкий Р.Р. Гражданско-правовая форма корпоративного правоотношения. Автореф. дисс. канд-та юрид. наук. СПб, 2013. Однако, высказанные точки зрения не находят общей поддержки среди исследователей корпоративных правоотношений. См. подробнее Сеницын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах. Дисс. на соискание ученой степени д.ю.н. М., 2017. С. 377-383.

¹⁸⁴ Сеницын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах. Дисс. на соискание ученой степени д.ю.н. М., 2017. С. 358.

Невозможность отнести корпоративные отношения только к вещным или только к обязательственным¹⁸⁵ привела некоторых ученых-цивилистов к заключению о признании особой природы корпоративных отношений. Так, например, И.Т. Тарасов полагал следующее: «правовые отношения, вырабатываемые в акционерных компаниях, следует очень осторожно подводить под известные, старые юридические построения, имея всегда в виду, что новые формы соединения вызывают и новые юридические отношения»¹⁸⁶. Особая природа корпоративных отношений отмечалась также М.М. Агарковым: «отношения между акционером и акционерным обществом не могут быть отнесены к чисто обязательственным правоотношениям. Акционеру принадлежат прежде всего корпоративные права – права участия в общем собрании и т.д.»¹⁸⁷. По мнению А.И. Каминки, права акционеров «представляют своеобразные особенности сравнительно со структурой индивидуальных обязательственных прав, они носят специфическую корпоративную окраску, сущность которой заключается в элементе господства компании, как таковой, над отдельными ее участниками»¹⁸⁸.

Признание особенной природы корпоративных отношений породило в юридической доктрине несколько концепций, являющихся по сути производными, но неизменно подтверждающими особый характер корпоративных правоотношений как отдельного, самостоятельного вида гражданских правоотношений¹⁸⁹. Мы не станем анализировать достоинства и недостатки каждой из них, поскольку это выходит за рамки настоящей работы, и назовем только некоторые из них (наиболее распространенные)¹⁹⁰ для

¹⁸⁵ По справедливому замечанию Л.И. Петражицкого: «есть такие гражданские права, которые не относятся ни к вещным, ни к обязательствам». См. *Петражицкий Л. И.* Акционерная компания. С.-Петербург. Тип. Министерства финансов (В. Киришбаума), 1898. С. 54, сноска.

¹⁸⁶ *Тарасов И.Т.* Учение об акционерных компаниях. М. Статут, 2000. С. 411-412.

¹⁸⁷ *Агарков М.М.* Учение о ценных бумагах. М. Финансовое издательство НКФ СССР, 1927. С. 89-90.

¹⁸⁸ *Каминка А.И.* Очерки торгового права. Выпуск 1. Издание 2. С-Пб. Издание юридического книжного склада «Право», 1912, С. 353.

¹⁸⁹ В современной юридической доктрине идея о самостоятельном характере корпоративных правоотношений, не относящихся ни к вещным, ни к обязательственным правоотношениям, была наиболее полно изложена и аргументирована Д.В. Ломакиным в его монографии «Акционерное правоотношение» 1997 года (см. подробнее *Ломакин Д.В.* Акционерное правоотношение. М. Спарк, 1997).

¹⁹⁰ Дополнительно к рассмотренным ниже позициям также хотелось бы выделить: (1) позицию Н.В. Козловой, согласно которой корпоративными признаются любые правоотношения, сложившиеся

подтверждения тезиса об особом статусе корпоративных отношений, существующем в гражданском праве на данный момент.

Наиболее научно-обоснованной и широко распространенной на данный момент является позиция, согласно которой особенность корпоративных отношений заключается, прежде всего, в том, что они возникают, существуют только в связи с участием в корпоративной организации и управлением ею (точка зрения Д.В. Ломакина)¹⁹¹.

В соответствии с положениями действующего ГК РФ корпоративные права являются субъективными правами особого характера и приобретаются участниками в связи с участием в корпоративной организации (п. 2 ст. 65.1 ГК). Однако, по мнению О.В. Гутникова, сам факт возникновения корпоративных прав в связи с участием в корпорации не может использоваться как основание для подтверждения самостоятельной природы и особого

между корпорацией (юридическим лицом), с одной стороны, и ее (его) участниками – с другой, при этом к корпоративным отношениям также относятся право хозяйственного ведения и оперативного управления в унитарных предприятиях и учреждениях (см. *Козлова Н.В.* Понятие и сущность юридического лица: Очерки истории и теории. Учебное пособие. М., 2003. С. 245; *Козлова Н.В.* Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 126-135); (2) позицию П.В. Степанова: корпоративными, по его мнению, являются «...внутренние отношения, которые связаны с реализацией и защитой внутриорганизационными способами и средствами корпоративных прав и с исполнением корпоративных обязанностей» (*Степанов П.В.* Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права. Дисс. на соискание ученой степени к.ю.н. 1999. С. 9, 15); (3) позицию А.Б. Бабаева, который утверждал, что корпоративные правоотношения имеют секундарную природу, поскольку основным последствием осуществления управомоченным лицом принадлежащего ему корпоративного права является исключительно связанность другого лица (контрагента в этих отношениях) волеизъявлением управомоченного лица (а не корреспондирующая такому праву обязанность, как для случая обычного субъективного права) (см. подробнее *Бабаев А.Б.* Проблема корпоративных правоотношений. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. Под общ. Ред. Белова В.А. М., 2007. С. 818 и *Бабаев А.Б.* Проблема секундарных прав в российской цивилистике. Автореферат дисс. к.ю.н. М., 2006. С. 20); (4) позицию Т.В. Кашаниной, которая обосновывает смешанную правовую природу корпоративных правоотношений и полагает, что «у акционера есть корпоративное право – участвовать в управлении обществом. Он обладает также обязательственными правами: правом требовать выплаты объявленных дивидендов; правом на причитающуюся долю имущества, оставшуюся после ликвидации акционерного общества» (*Кашанина Т.В.* Корпоративное право (Право хозяйственных товариществ и обществ). Учебник для ВУЗов. М. НОРМА-ИНФРА-М, 1999. С. 419); (5) позицию О.В. Гутникова, согласно которой корпоративные отношения – это «разновидность отношений по управлению любыми юридическими лицами с множественностью лиц на стороне управомоченной стороны», это означает, что корпоративные отношения возникают при управлении как корпоративными, так и унитарными организациями (*Гутников О.В.* Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами. Дисс. на соискание ученой степени д.ю.н. М., 2018, С. 54, 57).

¹⁹¹ *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: Общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. Статут, 2008. С. 87; *Долинская В.В.* Акционерное право: основные положения и тенденции. Монография. М. Волтерс Клувер, 2006. С. 574; *Зурабян А.А.* Корпоративные правоотношения как вид гражданских правоотношений. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7-9;

характера таких прав. Он полагает, что участие лиц в корпорации по сути означает лишь констатацию множественности лиц на стороне управомоченного лица. В подтверждение он замечает, что множественность лиц в обязательственных (долевых или солидарных обязательствах) или вещных (право участия в общей собственности, долевой или совместной) правоотношениях не меняет их правовую природу, не превращает их в «какие-то новые корпоративные права»¹⁹². На наш взгляд, данный вывод представляется спорным. Множественность лиц на стороне управомоченного лица, действительно, не является характеристикой, призванной обосновать особый характер каких-либо правоотношений, но понятие членства не сводится исключительно к признанию множественности лиц (иначе, как обосновать возможность наличия членства даже в компаниях одного лица), а является фактом, наличие которого само по себе (только в силу самого своего существования и признания) порождает определенные права и обязанности управомоченного лица. Подробнее анализ соотношения «членства», «права участия» и «права управления» изложен в пункте 1 § 2 главы II.

Право участника хозяйственного общества, являясь субъективным правом, представляет собой, как уже упоминалось выше, меру дозволенного законом поведения (действия или бездействия) управомоченного лица. Вся совокупность корпоративных прав, принадлежащих участнику хозяйственного общества, в том числе объем таких прав или порядок их осуществления, определяется законом (ГК РФ, нормами специальных законов – Федерального закона «Об акционерных обществах» № 208-ФЗ от 26.12.1995 (далее - «ФЗАО»)¹⁹³ и Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» № 14-ФЗ от 08.02.1998 (далее - «ФЗОО»)¹⁹⁴, другим

¹⁹² Гутников О.В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права. // Журнал российского права, 2017. № 3. С. 56. Ученый последовательно отстаивает позицию распространения корпоративных отношений, в т.ч. и на унитарные юридические лица, где отсутствуют понятия «членства» и «участия». См. также Гутников О.В. Государственные организации как субъекты корпоративных отношений: о допустимости участия в корпоративных отношениях унитарных юридических лиц. // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 44-52.

¹⁹³ Федеральный закон «Об акционерных обществах» № 208-ФЗ от 26.12.1995 // СПС Консультант Плюс.

¹⁹⁴ Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» № 14-ФЗ от 08.02.1998 // СПС Консультант Плюс.

законами и подзаконными актами), учредительными документами, а также, как будет показано далее, положениями договоров, предметом регулирования которых являются корпоративные права (корпоративный договор, договор с дочерним обществом на управление, иной гражданско-правовой договор, например, опционный договор).

По общему правилу, в соответствии со ст. 65.2 ГК РФ участник корпорации (участник, член, акционер и т.п.) вправе:

- (1) участвовать в управлении делами корпорации;
- (2) получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией;
- (3) обжаловать решения органов корпорации, влекущие гражданско-правовые последствия;
- (4) требовать, действуя от имени корпорации, возмещения причиненных корпорации убытков;
- (5) оспаривать, действуя от имени корпорации, совершенные ею сделки, и требовать применения последствий их недействительности, а также применения последствий недействительности ничтожных сделок корпорации; а также
- (6) осуществлять иные права, предусмотренные законом или учредительным документом корпорации.

В соответствии со ст. 67 ГК РФ участник хозяйственного общества, помимо прав, предусмотренных в ст. 65.2 ГК РФ, также вправе:

- (1) принимать участие в распределении прибыли общества;
- (2) получать в случае ликвидации общества часть имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимость;
- (3) требовать исключения другого участника из общества (кроме публичных акционерных обществ) в судебном порядке с выплатой ему действительной стоимости его доли участия, если такой участник своими действиями (бездействием) причинил существенный вред обществу либо иным образом существенно затрудняет его деятельность

и достижение целей, ради которых оно создавалось, в том числе грубо нарушая свои обязанности, предусмотренные законом или учредительными документами общества. Отказ от этого права или его ограничение ничтожны¹⁹⁵; и

- (4) осуществлять иные права, предусмотренные законом или уставом общества.

Согласно ст. 2 Федерального закона № 39-ФЗ от 22.04.1996 «О рынке ценных бумаг» (далее - «ФЗРЦБ»)¹⁹⁶ для акционерных обществ именно акция является тем инструментом, который закрепляет права ее владельца, в частности, право на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества, остающегося после его ликвидации. Ст. 31 ФЗАО предусматривает, что каждая обыкновенная акция общества предоставляет акционеру - ее владельцу одинаковый объем прав, в частности, акционеры - владельцы обыкновенных акций общества могут участвовать в общем собрании акционеров с правом голоса по всем вопросам его компетенции, а также имеют право на получение дивидендов, а в случае ликвидации общества - право на получение части его имущества. Акционеры - владельцы привилегированных акций общества по общему правилу не имеют права голоса на общем собрании акционеров (ст. 32 ФЗАО), но закон предусматривает случаи, когда владельцы привилегированных акций приобретают право голоса по всем или некоторым вопросам компетенции общего собрания акционеров (в частности, при решении вопросов о реорганизации и ликвидации общества (п. 4 ст. 32 ФЗАО); о переходе общества из публичного в непубличное (п. 3 ст. 7.2 ФЗАО); об обращении

¹⁹⁵ Несмотря на включение общей нормы в ГК РФ, ФЗАО (в отличие от ФЗООО) совсем не содержит нормы о праве акционеров непубличного общества требовать исключения других акционеров. Тем не менее, на практике суды принимают к рассмотрению иски об исключении акционеров из непубличного акционерного общества на основании общей нормы ГК РФ (см. например, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 01.07.2015 № Ф06-24491/2015 по делу № А55-26417/2014, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.03.2017 № Ф08-811/2017 по делу № А32-31036/2015 // СПС Консультант Плюс).

¹⁹⁶ Федеральный закон № 39-ФЗ от 22.04.1996 «О рынке ценных бумаг» // СПС Консультант Плюс.

общества с заявлением в Банк России об освобождении его от обязанности осуществлять раскрытие или предоставление информации, предусмотренной законодательством РФ о ценных бумагах (п. 1 ст. 92.1 ФЗАО); об ограничении прав акционеров – владельцев привилегированных акций (п. 4 ст. 32 ФЗАО); об обращении с заявлением о листинге или делистинге привилегированных акций этого типа (п. 4 ст. 32 ФЗАО); по всем вопросам компетенции общего собрания акционеров, начиная с собрания, следующего за годовым, на котором независимо от причин не было принято решение о выплате дивидендов или было принято решение о неполной выплате дивидендов по привилегированным акциям этого типа (п. 5 ст. 32 ФЗАО); а также в случае если право голоса по определенным типам привилегированных акций предусмотрено уставом общества (п. 6 ст. 32 ФЗАО)).

С учетом указанных выше общих норм ГК РФ (ст. 65.2 и 67 ГК РФ) перечень предусмотренных ими прав акционеров нельзя считать закрытым. Иные права акционеров могут быть установлены законом или уставом общества. Так ГК РФ и ФЗАО предусматривают, среди прочего, следующие права акционера:

- (1) право акционера отчуждать принадлежащие ему акции без согласия других акционеров и общества, за исключением случаев, предусмотренных законом в отношении непубличных обществ (ст. 2 ФЗАО);
- (2) право давать обязательные для общества указания либо иным образом определять его действия (ст. 3 ФЗАО) – данное право может быть предусмотрено в договоре (например, корпоративном договоре (ст. 32.1 ФЗАО), договоре с дочерним обществом (ст. 6 ФЗАО) или договоре на предоставление опциона на приобретение акций (долей) общества¹⁹⁷, а также уставе общества (ст. 6 ФЗАО), или может существовать в форме фактической возможности (ст. 53.1 ГК РФ)¹⁹⁸;

¹⁹⁷ Постановление ФАС Центрального округа от 17.07.2013 по делу № А23-1803/12; Постановление ФАС Московского округа от 14.02.2013 по делу № А41-20269/12 // СПС Консультант Плюс.

¹⁹⁸ Об этом см. подробнее § 5 главы II.

- (3) преимущественное право приобретения акционерами непубличного общества акций, отчуждаемых по возмездным сделкам другими акционерами (пп. 7 п. 3 ст. 66.3 ГК РФ и п. 3 ст. 7 ФЗАО);
- (4) право акционера реорганизуемого общества, голосовавшего против принятия решения или не принимавшего участия в голосовании по вопросу о реорганизации общества, на получение акций общества, создаваемых путем реорганизации в форме разделения или выделения (п. 3.3 ст. 18 и п. 3.3 ст. 19 ФЗАО);
- (5) право акционеров публичного общества требовать выкупа обществом принадлежащих им акций (ст. 75 и 76 ФЗАО), если они голосовали против или не принимали участия в голосовании по некоторым вопросам, указанным в ФЗАО (в частности, по вопросам (а) о переходе общества из публичного в непубличное (п. 3 ст. 7.2 ФЗАО); (б) об обращении с заявлением о делистинге акций общества и (или) эмиссионных ценных бумаг общества, конвертируемых в его акции (пп. 19.2 п. 1 ст. 48 ФЗАО); (в) о реорганизации общества (п. 1 ст. 75 ФЗАО); (г) о согласии на совершение или о последующем одобрении крупной сделки, предметом которой является имущество, стоимостью более 50% балансовой стоимости активов общества, определенной по данным его бухгалтерской (финансовой) отчетности на последнюю отчетную дату (в том числе одновременно являющейся сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность) (п. 1 ст. 75 ФЗАО); (д) об ограничении прав, принадлежащих таким акционерам на основании устава общества (п. 1 ст. 75 ФЗАО);
- (6) право акционеров непубличного общества, являющихся владельцами тех привилегированных акций, по которым устав предусматривает дополнительные права (в частности, право голоса по всем или некоторым вопросам компетенции общего собрания акционеров, в том числе при возникновении или прекращении определенных обстоятельств, преимущественное право приобретения размещаемых

обществом акций определенных категорий (типов) или иные дополнительные права), требовать выкупа обществом принадлежащих им акций (ст. 75 и 76 ФЗАО), если они голосовали против или не принимали участие в голосовании по вопросам, предусмотренным уставом общества (п. 1.1 ст. 75 ФЗАО);

- (7) преимущественное право приобретения размещаемых посредством открытой подписки (или закрытой подписки, если акционер голосовал против или не принимал участие в голосовании) дополнительных акций и эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции (ст. 40 ФЗАО);
- (8) право на продажу обществу акций, решение о приобретении которых принято обществом (ст. 72 ФЗАО);
- (9) право акционера непубличного общества потребовать получения предварительного согласия на совершение сделки, в которой заинтересованы все владельцы голосующих акций общества, при отсутствии заинтересованности иных лиц, если такое право предусмотрено уставом непубличного общества (пп. 3 п. 2 ст. 81 ФЗАО);
- (10) право на продажу обществу акций, в отношении которых было получено добровольное и/или обязательное предложение (ст. 84.1 и ст. 84.2 ФЗАО);
- (11) право акционеров публичного общества требовать приобретения принадлежащих им акций лицом, которое стало владельцем более 95% общего количества акций публичного общества в порядке, предусмотренном законом (ст. 84.7 ФЗАО); и
- (12) право акционера публичного общества, являющегося владельцем более 95% общего количества акций, требовать выкупа у других акционеров этого общества принадлежащих им акций (ст. 84.8 ФЗАО).

Для общества с ограниченной ответственностью закрепление корпоративных прав за участником такого общества осуществляется на основании соответствующей записи в Едином государственном реестре

юридических лиц. В соответствии со ст. 8 ФЗООО участники общества с ограниченной ответственностью вправе:

- (1) участвовать в управлении делами общества;
- (2) получать информацию о деятельности общества и знакомиться с его бухгалтерскими книгами и иной документацией;
- (3) принимать участие в распределении прибыли;
- (4) продать или осуществить отчуждение иным образом (включая право залога) своей доли или части доли в уставном капитале общества одному или нескольким участникам данного общества либо другому лицу в порядке, предусмотренном законом или уставом общества;
- (5) выйти из общества независимо от согласия других его участников или общества путем отчуждения своей доли обществу, если такая возможность предусмотрена уставом общества, или потребовать приобретения обществом доли в случаях, предусмотренных законом;
- (6) получить в случае ликвидации общества часть имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимость; и
- (7) осуществлять иные права, предусмотренные законом.

К иным правам, предусмотренным законом, в частности, относятся следующие:

- (1) право давать обязательные для общества указания либо иным образом определять его действия (ст. 3 ФЗООО) – аналогично соответствующему праву акционеров, указанному выше;
- (2) право участника требовать в судебном порядке исключения из общества участника, который грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет (ст. 67 ГК РФ, ст. 10 ФЗООО¹⁹⁹);

¹⁹⁹ В настоящее время существует противоречие между общей нормой ГК РФ, предоставлявшей любому участнику непубличного общества право требовать исключения другого участника, и нормой ФЗООО, предусматривающей такое право только для участника(-ов) с долей владения не менее 10% от уставного капитала общества.

- (3) преимущественное право покупки доли или части доли в уставном капитале общества, продаваемой другим участником общества третьему лицу (п. 4 ст. 21 ФЗОО);
- (4) право участника(-ов) общества, доли которого(-ых) составляют не менее чем 1% уставного капитала общества, обратиться к обществу с требованием предоставить информацию, касающуюся сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, в случае, если сделка совершена в отсутствие согласия на ее совершение (п. 6 ст. 45 ФЗОО);
- и
- (5) право участника потребовать получения предварительного согласия на совершение сделки, в совершении которой заинтересованы все участники общества, при отсутствии заинтересованности других лиц, если такое право предусмотрено уставом общества (п. 7 ст. 45 ФЗОО).

Помимо указанных выше прав устав общества может предусматривать иные (дополнительные) права участника(-ов) общества. Дополнительные права носят личный характер и в случае отчуждения доли или части доли к приобретателю не переходят. Дополнительные права могут быть предусмотрены уставом при учреждении общества или предоставлены участнику(-ам) по единогласному решению общего собрания участников общества, прекращение либо изменение дополнительных прав всех участников общества также происходит только по единогласному решению общего собрания участников, в то время как прекращение или изменение дополнительных прав отдельного участника потребует согласия только 2/3 от общего числа голосов участников общества, включая самого такого участника. Отказ от дополнительных прав (как исключение из общей нормы ст. 9 ГК РФ) допускается законом и влечет прекращение таких прав по заявлению участника, которому такие права принадлежат.

Порядок осуществления прав участников хозяйственных обществ может быть предусмотрен не только законом и/или уставом общества, но и договором. Согласно ст. 67.2 ГК РФ, ст. 32.1 ФЗАО и п. 3 ст. 8 ФЗОО

участники (все или некоторые из них) вправе заключить корпоративный договор об осуществлении своих корпоративных прав²⁰⁰, в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли (акции) в уставном капитале общества по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств, а также осуществлять согласованно иные действия, связанные с управлением обществом либо с созданием, деятельностью, реорганизацией и ликвидацией общества. Положения о порядке осуществления корпоративных прав могут быть включены и в иные договоры, заключаемые в отношении долей (акций). Например, особые условия осуществления права голосования на общем собрании участников общества могут быть предусмотрены договором залога акций (долей) или опционным договором на период действия данных договоров.

Таким образом, мы придерживаемся мнения, что корпоративные права участников хозяйственных обществ являются одним из элементов содержания корпоративных правоотношений, имеют особую юридическую природу, отличную от вещных и/или обязательственных прав, представляют собой меру дозволенного поведения участников хозяйственных обществ, объем и содержание которой определяется законом, уставом соответствующего

²⁰⁰ Несмотря на то, что соответствующие положения ГК и специальных законов, относящиеся к договорам в сфере корпоративных прав, говорят исключительно о порядке осуществления уже существующих корпоративных прав, нередко условия подобных договоров содержат положения, на основании которых у участников хозяйственных обществ, возникают новые корпоративные права. Примерами таких положений, достаточно распространенными на практике, являются (1) права миноритариев, владеющих долей участия в хозяйственном обществе, не представляющей права контроля (например, 49%), осуществлять права голоса при принятии решении на общих собраниях наравне с контролирующим участником (с долей владения, например, 51%), либо (2) права приобретателя акций по опционному договору получать дивиденды, выплачиваемые по акциям, являющимся предметом опционного договора, до момента приобретения им акций (т.н. оформленное экономическое участие в обществе).

общества и договорами, заключенными в отношении порядка осуществления корпоративных прав.

§ 2. Право участия (членства). Классификация корпоративных прав.

1. Соотношение права участия и членства

В соответствии со ст. 2 ГК РФ корпоративными являются (1) отношения, связанные с участием в корпоративных организациях; и (2) отношения по управлению такими организациями. Безусловно, что данные отношения составляют саму суть, основное содержание корпоративных правоотношений.

В ст. 65.1. ГК РФ упоминается также право членства, на основании которого определяется принадлежность того или иного юридического лица к корпорациям. При этом в указанном положении ГК РФ право членства приравнивается к праву участия в корпорации, поскольку данные понятия употребляются один за другим через скобки.

Необходимо отметить, что критерий членства исторически служил цели отделения корпораций от иных юридических лиц, таковыми не являющимися. Термин «*корпорация*» происходит от латинского выражения «*corpus habere*», обозначающего права юридической личности, которые стали признаваться за частными союзами в Римской империи лишь частично в императорский период (начиная с 160-х годов н.э.)²⁰¹. На протяжении долгого времени термин «*корпорация*» использовался как синоним юридического лица²⁰², как наиболее общего понятия. По свидетельству Л.Л. Гервагена только после разработки германскими цивилистами понятия «*учреждения*» (считается, что понятие «*учреждение*» ввел германский юрист Штифтунг)²⁰³ в европейском континентальном праве стало традиционным деление всех юридических лиц на корпорации и учреждения. Под «*корпорацией*» стало пониматься

²⁰¹ Степанов П.В. Указ. соч. С. 12. Однако окончательного признания подобных частных союзов субъектами права в Риме так и не произошло, поскольку «субъектом права может быть только человек», как существо, способное иметь свою волю и собственные интересы, но в силу практических соображений право допускало фикцию и создавало субъекта (как бы «физическое лицо», как бы «человека»), наделяя его необходимыми правами и обязанностями. См. подробнее Хвостов В.М. Указ. соч. С. 115-116.

²⁰² Степанов П.В. Указ. соч. С. 12.

²⁰³ Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице. // Журнал гражданского и уголовного права. Декабрь. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. С.-Пб. Тип. Правительствующего Сената, 1888. Кн. 10. С. 68-93.

добровольное объединение юридических и физических лиц на началах членства, участия, соответственно учреждения представляли собой организации, не основанные на членстве. Ученый-цивилист, В.Ю. Вольф, давал следующее определение права членства: оно «сводится к известному правоотношению между обществом и акционером и порождает для последнего целый ряд вытекающих из членства конкретных правомочий и обязательств»²⁰⁴.

В юридической литературе встречаются разные мнения по вопросу соотношения права участия и членства: одни ученые вслед за законодателем признают данные понятия равнозначными, другие же находят и обосновывают различия между ними.

Господствующей все же является точка зрения, согласно которой права участия и членство отождествляются. Так Е.А. Суханов, не признавая различий между этими понятиями, отмечает, что материальную основу членства (участия) в деятельности корпораций - объединений (общности) лиц составляют доли (акции, паи)²⁰⁵. Рассматривая проблему соотношения права участия и членства в корпоративной организации, Д.В. Ломакин также приходит к выводу о тождестве данных понятий в результате сопоставления их юридического содержания и значения: «членство и членское правоотношение, участие и правоотношение участия - тождественные понятия». Д.В. Ломакин определяет участие (членство) как «комплекс связей участников (членов) корпорации с самой корпорацией, что проявляется в наличии у них субъективных прав и обязанностей, являющихся элементами содержания правоотношения участия (членства)»²⁰⁶. Н.В. Козлова определяет членство как фиксированное участие²⁰⁷. Не разграничивает права участия и членство также и профессор В.А. Белов, сохраняя при этом свое понимание

²⁰⁴ Вольф В.Ю. Основы учения о товариществах и акционерных обществах. М., 1927. С. 103.

²⁰⁵ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М. Статут. 2014. С. 25.

²⁰⁶ Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. Статут. 2008. С. 85.

²⁰⁷ Козлова Н.В. Гражданско-правовая природа отношений между юридическим лицом и его учредителями. Законодательство № 7. Июль 2004. С. 34. Также см. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005, С. 88 – 91.

корпоративных отношений²⁰⁸. Он полагает, что корпоративные отношения «иначе можно назвать отношениями участия (членства) в единой деятельности»²⁰⁹.

Противоположной точки зрения на соотношение «участия» и «членства» придерживаются С.Д. Могилевский и И.А. Самойлов. Они полагают, что термин «членство» в наибольшей степени характеризует статику социальных связей, существующих между корпорацией и входящими в ее состав лицами, в то время как термином «участие» целесообразно обозначать динамику этих связей²¹⁰. Можно предположить, что в основу такого различия был положен тот факт, что членство приобретается единожды (в момент вступления в члены корпорации), в то время как участие является длящимся отношением, имеющим различные проявления. Сложный состав и содержание правомочия участия будут рассмотрены далее в настоящем параграфе.

М.А. Егорова также обращает внимание на различия между «членством» и «участием». По ее мнению, такие различия кроются не в оценке динамичности или статичности связей между корпорацией и входящими в ее состав лицами, а в отсутствии или наличии имущественного компонента в таких связях: «представляется, что право «участия», являющееся не вещным имущественным эквивалентом права собственности на имущество коммерческой корпорации, не должно отождествляться с правом «членства», отражающим принадлежность лица к корпорации как к сложноорганизованной социальной структуре»²¹¹.

²⁰⁸ В.А. Белов предлагает определить «корпоративные правоотношения» как любые общественные отношения, направленные на организацию и осуществление деятельности по совместному достижению общих целей - союзной или корпоративной деятельности, при этом «корпоративные отношения» применительно к корпорации как форме осуществления совместной деятельности будут являться корпоративными отношениями в узком смысле этого слова или «корпорационными отношениями». См. подробнее *Белов В.А.* Указ. соч., С. 51.

²⁰⁹ *Белов В.А.* Указ. соч. С. 51 (сноска 1).

²¹⁰ *Могилевский С.Д., Самойлов И.А.* Корпорации в России: Правовой статус и основы деятельности: Учебное пособие. М. Дело, 2006. С. 26 – 27.

²¹¹ *Егорова М.А.* К вопросу о содержании корпоративных правомочий. // *Гражданское право.* 2014. № 4, С. 13 – 18.

Основной причиной возникновения указанной выше дискуссии в отношении тождества или различия прав участия и членства является непоследовательность законодателя в употреблении этих понятий. Достаточно часто можно встретить упоминание этих категорий как тождественных (см., например, ст. 65.1, 65.2 ГК РФ и др.), но в то же время в некоторых законодательных актах проводится сознательное их разграничение (см., например, ст. 6 Федерального Закона «Об общественных объединениях» № 82-ФЗ от 19.05.1995). Исследователи, отмечающие различия между «участием» и «членством», прежде всего, обращают внимание на теоретические различия в содержании этих двух правомочий (динамический характер / имущественный аспект). Но, к сожалению, какие-либо практические последствия выявления таких разграничений для деятельности хозяйственных обществ и их участников (членов) отсутствуют.

В связи с этим, наиболее верной и обоснованной представляется точка зрения об отсутствии каких-либо различий между правом участия и членством. При этом участие (членство) в корпоративной организации можно определить как особое «состояние», «комплекс связей участников организации как между собой, так и с самой организацией»²¹², выражающихся в комплексе специфических прав и обязанностей, налагаемых на члена корпорации, позволяющих ему принимать участие в жизни такой корпорации, в осуществлении им предпринимательской и иной деятельности, в формировании общей корпоративной воли, иными словами – являющихся предпосылкой для участия в управлении такой корпорацией. Сказанное ни в коем случае не может восприниматься как отождествление права участия (членства) в корпорации с правом на участие в управлении корпорации, о котором речь пойдет ниже в § 4.1 настоящей главы II.

Относительно классификации права участия (членства) как имущественного либо неимущественного права в юридической литературе существуют прямо противоположные точки зрения. Так, например,

²¹² Ломакин Д.В. Акционерное правоотношение. М. Спарк, 1997. С. 15.

М.А. Егорова определяет право участия как «абсолютное неимущественное право, содержание которого определяется имущественным эквивалентом участия лица в собственности корпорации, выраженным в абсолютных значениях (в процентах, долях, паях), и объемом властных компетенций участника в отношении управления делами корпорации, соответствующим размеру этого эквивалента»²¹³. Аналогичного мнения, определяющего право членства как личное неимущественное субъективное гражданское право, придерживаются Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева²¹⁴. Не согласен с такой позицией Д.В. Ломакин, который настаивает на том, что право участия (членства) в корпорации является имущественным правом²¹⁵. В отличие от классических неимущественных прав, которые неразрывно связаны с личностью правообладателя, следовательно, неотчуждаемы и непередаваемы, права участия (членства) могут свободно отчуждаться и передаваться, например, при отчуждении акции/долей в уставном капитале хозяйственного общества. Другими аргументами, обосновывающими имущественный характер права участия (членства) являются, во-первых, основная цель деятельности корпорации как коммерческой организации, во-вторых, закрепление права участия (членства) в виде доли участия в капитале корпорации, являющейся имущественным правом.

Таким образом, право участия (членства) является основным корпоративным правом, принадлежащим любому участнику хозяйственного общества, и имеет имущественный характер. Одновременно право участия (членства) является предпосылкой и обязательным условием для возникновения и осуществления любых иных корпоративных прав, как имущественного, так и неимущественного характера.

2. Классификация корпоративных прав

²¹³ Егорова М.А. Указ. соч. С. 13-18.

²¹⁴ Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Право членства. Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 71 – 77.

²¹⁵ Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: Общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. Статут, 2008. С. 124.

Многообразие прав участников хозяйственных обществ делает необходимым проведение их классификации. В юридической литературе предложены самые разнообразные варианты классификации корпоративных прав.

Так, например, П.А. Руднев в своем труде «Анализ прав и обязанностей акционеров» (1927 года) предлагает считать самой распространенной классификацию акционерных прав на общие и особые права. При этом под общими правами следует понимать права, имеющиеся во всех акционерных обществах, а под особыми или преимущественными правами только такие права, которые принадлежат не любому акционеру и/или встречаются не во всех акционерных обществах²¹⁶. Также исследователь выделял неотъемлемые права, к которым относил преимущественные (особые) права, которые непременно принадлежат каждому акционеру, имеющему привилегированные акции. По степени важности корпоративных прав ученый выделял натуральные права, вытекающие из самой природы акционерных обществ (к ним относятся право на подачу голоса на общем собрании, право на получение дивиденда и доли из оставшегося после ликвидации имущества) и случайные права (такие как право учредителей подписаться на определенное количество акций и право на строительные проценты). По времени возникновения П.А. Руднев выделял также главные права, которые возникают с момента приобретения акций (право на дивиденд, ликвидационную квоту, право голоса на собрании участников и др.), и вспомогательные, которые возникают в процессе деятельности общества (право продажи акций, право обжалования решений органов управления общества и др.)²¹⁷.

Еще один дореволюционный исследователь акционерных прав, И.Т. Тарасов, в зависимости от степени влияния акционера на деятельность общества в целом выделял права (1) единичного акционера; (2) акционера как

²¹⁶ Руднев П.А. Анализ прав и обязанностей акционеров. М. Изд-во НКЮ РСФСР, 1927. С. 4-6.

²¹⁷ Руднев П.А. Указ. соч. С. 4-6.

члена большинства акционеров; и (3) акционера как члена меньшинства акционеров. К правам единичного акционера он относил:

- (1) право на долю акционерного капитала (в основном - в случае ликвидации общества, при этом к этому праву он относил право требовать ликвидации общества в определенных случаях, а также право на ознакомление с положением баланса и инвентаря компании);
- (2) право на долю прибыли, основным составляющим которого являлось право на дивиденд;
- (3) право на участие в управлении, состоящее из права голоса, права быть избранным в органы управления общества, право требовать созыва общего собрания и принимать участие в нем;
- (4) право контроля;
- (5) право жалобы / иска / протеста²¹⁸.

Права акционера как члена меньшинства и/или большинства ученый называл «специальными правами», к которым относил «права, во-первых, большинства акционеров решать в общих собраниях некоторые, вперед определенные в уставе или общем законе вопросы, и, во-вторых, определенного меньшинства акционеров требовать производства следствий и удаления от должности до срока органов управления и контроля»²¹⁹.

П.А. Писемский полагал, что права акционера «слагаются из следующих управомочий: во время существования компании они имеют право на получение дохода с предприятия (дивиденд) и прав на участие в ее управлении; по прекращении компании – право участвовать в разделе ее имущества»²²⁰.

Г.Ф. Шершеневич подразделял права акционеров на: (1) право на участие в доходах (право на дивиденд); (2) право на имущество акционерного товарищества, которое акционер приобретает только после прекращения жизни настоящего собственника – товарищества; и (3) права личного участия

²¹⁸ Тарасов И.Т. Указ. соч. С. 410 – 411.

²¹⁹ Там же. С. 459.

²²⁰ Писемский П.А. Указ. соч. С. 122.

в делах предприятия, которые включают (а) право быть избранным в члены правления или ревизионной комиссии; (б) право акционера «домогаться, чтобы ему открыты были книги, журналы, документы, необходимые для проверки баланса»; (в) право участия в общих собраниях, ограниченное одним только присутствием или соединенное с правом голоса; (г) право на признание недействительными постановлений общего собрания, состоявшихся с нарушением законных или уставных условий²²¹.

Наряду с разделением корпоративных прав на имущественные и неимущественные²²², о чем речь пойдет подробнее ниже, В.Ю. Вольф разграничивал также неотъемлемые и отъемлемые права участников обществ, которые могли быть прекращены собранием участников²²³. В современном корпоративном праве к «отъемлемым» правам можно, например, отнести дополнительные права участников общества с ограниченной ответственностью.

Современные ученые-исследователи предлагают другие критерии классификации прав участников хозяйственных обществ. Прежде всего, все права подразделяются, в зависимости от типа такого общества: акционерное общество либо общество с ограниченной ответственностью. Так С.Д. Могилевский и И.А. Самойлов предлагают все права акционеров разделить на следующие категории: (1) безусловные права акционеров (права, неограниченные какими-либо условиями, принадлежат всем акционерам на основании их членства в акционерном обществе); (2) права акционеров, обусловленные категориями акций; (3) права акционеров, обусловленные типом акционерного общества (в настоящее время – публичное или непубличное общество); (4) права акционеров, реализация которых обусловлена возникновением определенных обстоятельств (к ним относятся права, возникающие при аккумулировании определенного пакета акций, при

²²¹ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 1: Введение. Торговые деятели. М. Статут, 2003. С. 432 – 437.

²²² Вольф В.Ю. Указ. соч. С. 131.

²²³ Там же. С. 132.

принятии некоторых корпоративных решений, в частности, решения о реорганизации, одобрении крупной сделки или о внесении изменений в устав, при приобретении обществом размещенных акций)²²⁴. Права участников обществ с ограниченной ответственностью делятся на основные (которые, в свою очередь, можно разделить на безусловные права, имеющие императивный характер (например, право участвовать в управлении обществом, право принимать участие в распределении прибыли и др.), и права с условием, возникновение которых связано с наличием определенных условий, например, право требовать исключения участника) и дополнительные права, предусмотренные в уставе общества, помимо основных прав²²⁵. Как мы видим, ученые не прибегают к поиску каких-то единых критериев для классификации прав всех участников хозяйственных обществ, хотя многие выделяемые ими группы прав совпадают.

Основываясь на определении предмета гражданских правоотношений, к которым, в том числе, относятся и корпоративные правоотношения, юридическая доктрина предлагает разделить все права участников хозяйственных обществ на имущественные и неимущественные права. При этом выделение имущественных прав не оспаривается учеными, принимая во внимание коммерческий характер деятельности хозяйственного общества, в то время как обоснованность выделения неимущественных прав ставится под сомнение. Вместо выделения неимущественных прав некоторые ученые предлагают выделять организационные, организационно-управленческие права²²⁶, поскольку, по их мнению, организационная составляющая, выражающая, в частности, в процедурном регулировании процесса создания общества, осуществлении права на участие в управлении обществом,

²²⁴ Могилевский С.Д., Самойлов И.А. Указ. соч. С. 131, 148.

²²⁵ Там же. С. 119.

²²⁶ Основоположителем выделения организационных правоотношений в предмете гражданского права следует считать О.А. Красавчикова. См. подробнее Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения. Сов. государство и право. 1966. № 10. С. 50 – 57. Выделение организационных прав в составе корпоративных отстаивали: Степанов П.В. Указ. соч. С. 13; Корпоративное право: учебный курс. 4 издание. Отв. ред. И.С. Шиткина. Кнорус М. М., 2016. С. 429; Гонгало Б.М. Предмет гражданского права. Проблемы теории гражданского права. ИЧП / Б.М. Гонгало. М. 2003. С. 23.

получении информации о деятельности общества и др., преобладает в содержании корпоративных правоотношений. При этом организационные права являются служебными и вспомогательными для основных имущественных прав.

Для целей настоящего исследования хотелось бы обратить внимание еще на одну классификацию, разделяющую все корпоративные права на права мажоритариев (крупных участников) и миноритариев (мелких участников). Как было сказано выше, впервые подобное разделение прав было предложено И.Т. Тарасовым. Данная классификация основана на степени корпоративного контроля каждого участника над деятельностью общества: если участник (единолично либо совместно с другими участниками в силу определенных договоренностей между ними) обладает существенным корпоративным контролем, то он признается мажоритарием, если же степень корпоративного влияния участника на деятельность общества минимальна, он является миноритарием. Степень корпоративного контроля определяется, прежде всего, на основании возможности участника(-ов) определять волю общества в целом, что происходит, как правило, путем осуществления права голоса на общем собрании по ключевым вопросам управления общества, в том числе избрания и/или назначения членов органов управления этого общества.

Законодательство не содержит определений понятий «миноритарий» и «мажоритарий», также не предусматривает никаких критериев для их разграничения. Тем не менее, указанные термины достаточно часто используются в юридической литературе и судебной практике. Проанализировав наиболее частые их упоминания, в качестве некоего (совсем необязательного) ориентира можно предложить следующее правило: мажоритарием признается участник, владеющий более 50% голосов в

обществе, миноритарием признается участник с долей владения менее 10%²²⁷. Однако данные критерии достаточно подвижны, на практике все зависит от распределения в каждом конкретном обществе процентов владения долями (акциями) и/или прав управления на основании устава общества и/или договоров участников.

Миноритарные участники традиционно выступают в качестве «слабой стороны» в системе корпоративных правоотношений; их интересы противопоставляются интересам мажоритариев и членов органов управления общества, их права нуждаются в защите от действий указанных лиц. Признавая наличие конфликта интересов мажоритариев и миноритариев, КС РФ неоднократно указывал на необходимость поиска и поддержания баланса интересов разных групп участников хозяйственных обществ для сохранения стабильности гражданского оборота в целом²²⁸.

Таким образом, существующие классификации корпоративных прав очень разнообразны; они зависят от цели, которую преследует каждый ученый-цивилист; единого подхода юридическая доктрина не выработала. В настоящем исследовании мы рассмотрим корпоративные права участников хозяйственных обществ, следуя основанной на определении предмета гражданских правоотношений классификации всех корпоративных прав на имущественные и неимущественные права.

§ 3. Имущественные корпоративные права

Основной целью деятельности хозяйственного общества, как коммерческой организации, является извлечение прибыли. Именно для получения прибыли участники общества объединяются и создают отдельный субъект гражданских правоотношений. По справедливому замечанию

²²⁷ На практике ситуация может быть кардинально другой: например, в компании Apple самый крупный акционер контролирует лишь около 6% акций компании, а миноритарием является акционер с долей владения менее 1%. Другой пример - на основании корпоративного договора основные права на управление обществом могут принадлежать участнику с меньшей долей владения по сравнению с долями участия других участников, особенно часто такая ситуация возникает для общества, доли которого распределяются между двумя участниками в пропорции 49% / 51%, при этом оба участника могут осуществлять контроль за деятельностью общества.

²²⁸ См. подробнее Постановление КС РФ от 24.02.2004 № 3-П; Определение КС РФ от 03.07.2007 № 681-О-П; Определение КС РФ от 17.01.2017 № 1-О // СПС Консультант Плюс.

Г.Ф. Шершеневича, «акционеры являются предпринимателями, действующими в обороте именем юридического лица»²²⁹. В связи с этим, по общему признанию ученых-цивилистов, именно имущественное участие в деятельности хозяйственного общества является для участников такого общества основным и определяющим, а имущественные корпоративные права, опосредующие такое имущественное участие, являются основными и определяющими в содержании корпоративного правоотношения.

Имущественный интерес участника хозяйственного общества, направленный на извлечение прибыли из своего участия, может быть удовлетворен двумя способами:

- (1) в результате получения прибыли от владения долями (акциями) хозяйственного общества путем участия в распределении части имущества такого общества; и/или
- (2) в результате роста стоимости долей (акций), принадлежащих участнику, и отчуждения участником части или всех своих долей (акций) по цене, превышающей цену их приобретения.

В рамках настоящего исследования следует отметить, что цель большинства злоупотреблений участников сводится к реализации второго способа удовлетворения имущественного интереса участника, а именно получение прибыли за счет роста стоимости долей (акций)²³⁰. Механизмы отчуждения в этом случае могут быть самыми разнообразными, включая продажу или иную возмездную передачу акций (долей) другим участникам общества или третьим лицам, залог акций (долей), выкуп или приобретение акций (долей) самим обществом в порядке и по цене, предусмотренным законом. По сравнению с участием в распределении имущества общества получение прибыли в результате отчуждения акций (долей) по цене, превышающей цену их приобретения, предоставляет участнику большую свободу в определении условий получения им вознаграждения за владение

²²⁹ Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. Московское научное издательство, 1919. С. 165.

²³⁰ Подробнее об этом см. главу III настоящего исследования.

акциями (долями). Если же цена или иные условия отчуждения не подходят участнику, то такой участник вправе отказаться от продажи принадлежащих ему акций (долей), за исключением единственного случая принудительного выкупа акционеров из публичного общества (ст. 84.8 ФЗАО). Но любое отчуждение акций (долей) влечет за собой полное или частичное прекращение правоотношения участия (членства) для носителя такого права.

Право участия в распределении имущества хозяйственного общества реализуется посредством, во-первых, права участия в распределении прибыли, полученной обществом в процессе обычной его деятельности, и во-вторых, права на получение ликвидационной квоты в случае ликвидации хозяйственного общества. Оба указанных права возникают у любого участника в момент приобретения им членского статуса и существуют до момента прекращения правоотношения участия (членства) с ними. Однако в юридической литературе существуют и иные точки зрения относительно момента возникновения указанных прав, которые будут рассмотрены далее.

Право участия в распределении прибыли (иными словами – право на дивиденд) опосредует имущественное участие каждого участника в обычной хозяйственной деятельности общества. Принимая во внимание коммерческий характер деятельности любого хозяйственного общества, право на дивиденд, по признанию ученых-цивилистов, является основным, главным правом любого участника. Так, по выражению П.А. Руднева, «право на получение дивиденда есть самое старинное и, без сомнения, самое существенное право акционера»²³¹. П.А. Писемский указывал, что «право на дивиденд, на выгоды предприятия лежит в существе акционерного права в том смысле, что акционер не может быть лишен его, не перестав быть акционером ... В противоположность этому основному праву отрицание за акционером других прав, как мы увидим ниже, не разрушает понятия о товариществе»²³².

²³¹ Руднев П.А. Указ. соч. С. 18.

²³² Писемский П.А. Указ. соч. С. 122.

Источником средств для выплаты дивидендов является всегда чистая прибыль, полученная хозяйственным обществом по результатам своей деятельности за определенный период (каждый квартал, 6 месяцев или год). Дивиденды выплачиваются деньгами, а в случаях, предусмотренных уставом общества, - иным имуществом. В акционерном обществе дивиденды выплачиваются акционерам – владельцам соответствующих акций на определенную дату, которая предлагается решением совета директоров такого общества и устанавливается решением общего собрания акционеров, и не может быть ранее 10 (десяти) и позднее 20 (двадцати) дней с даты принятия решения о выплате (объявлении) дивидендов.

Право на получение ликвидационной квоты означает для любого участника возможность участвовать в распределении имущества общества, оставшегося после расчетов с кредиторами и совершения иных выплат в процессе ликвидации общества. В соответствии со ст. 67 ГК РФ ликвидационная квота может выплачиваться как имуществом общества, так и денежными средствами. Примечательно, что в случае внесения участником вклада в уставный капитал общества имуществом, получение таким участником при ликвидации общества этого же имущества не гарантируется, поскольку такое имущество становится собственностью общества и никак не выделяется из имущества общества. Закон предусматривает очередность распределения имущества ликвидируемого общества как между кредиторами общества, так и между его участниками. Требования каждой очереди удовлетворяются после полного удовлетворения требований предыдущей очереди. Если имущества общества недостаточно для погашения всех требований, то распределение между участниками происходит пропорционально принадлежащим им долям.

Особенность прав участника на дивиденд и на ликвидационную квоту заключается в том, что любое из указанных прав может быть реализовано участником только после принятия соответствующего решения органами управления общества. Так для возникновения у акционера (как владельца

обыкновенных, так и привилегированных акций²³³) права требования выплаты дивидендов от акционерного общества потребуются, во-первых, решение совета директоров (если применимо) об определении размера дивидендов (за исключением выплаты дивидендов по привилегированным акциям, размер которых определен в уставе общества) и даты, на которую определяются лица, имеющие право на получение дивидендов, и, во-вторых, решение общего собрания акционеров о выплате дивидендов по всем категориям и типам акций в обществе. Срок выплаты дивидендов составляет, по общему правилу, 25 (двадцать пять) рабочих дней с даты, на которую определяются лица, имеющие право на получение дивидендов, или 10 (десять) рабочих дней для выплаты дивидендов номинальному держателю или доверительному управляющему.

Право требования выплаты ликвидационной квоты возникает у участника только после принятия решения общим собранием участников о ликвидации общества, завершения расчетов с кредиторами общества и утверждения участниками общества ликвидационного баланса. Никаких гарантий относительно размеров, сроков и порядка (за исключением очередности) выплаты ликвидационной квоты устав общества предусматривать не может.

Таким образом, до принятия соответствующего решения органом управления обязанность общества по выплате дивидендов или ликвидационной квоты отсутствует²³⁴. Данная позиция распространена во многих правопорядках, но судебная практика знает и иные примеры. Так, ставший хрестоматийным пример судебного спора *Dodge v. Ford Motor Co.*

²³³ В подтверждение того, что права владельцев привилегированных акций на получение дивиденда могут быть реализованы также только с момента принятия соответствующего корпоративного решения, см. Определение КС РФ от 17.01.2017 № 1-О // СПС Консультант Плюс.

²³⁴ Данная ситуация неоднозначно оценивалась в юридической литературе. Критическую оценку ей давал Д.В. Ломакин. Противоположную позицию занимает И.С. Шиткина, полагающая, что «решение о выплате дивидендов является внутренним делом корпорации, и сами акционеры должны определить приоритеты в расходовании средств прибыли». См. подробнее Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: Общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. Статут, 2008. С. 338-339; Корпоративное право: учебный курс. 4 издание. Отв. ред. И.С. Шиткина. Кнорус М. М., 2016. С. 448.

(1916) создает юридический прецедент права акционеров закрытых компаний (*closely held companies*) требовать выплаты им необъявленных дивидендов. При рассмотрении этого дела суд пришел к выводу, что реинвестирование прибыли компании для целей увеличения количества рабочих мест, производимой продукции и развития производства в целом не может происходить за счет ущемления прав акционеров, за счет средств, предназначенных для выплаты им дивидендов²³⁵. Российская судебная практика (вслед за законодателем) по этому вопросу однозначна: при отсутствии решения об объявлении дивидендов общество не вправе выплачивать, а акционеры требовать их выплаты; аналогично для общества с ограниченной ответственностью - если общим собранием участников не принималось решение о распределении части прибыли, суд не вправе удовлетворять требование участников о выплате им (взыскании с общества) части прибыли, распределяемой между участниками²³⁶.

Отсутствие обязанности общества по выплате дивидендов и/или ликвидационной квоты до принятия соответствующего решения общим собранием участников используется некоторыми российскими учеными-цивилистами для квалификации прав на дивиденды и ликвидационную квоту как условных, возникающих исключительно в момент принятия корпоративного решения²³⁷, что означает отсутствие какого-либо права до наступления юридического факта – принятия решения. Другие ученые

²³⁵ В практике английских судов также существует позиция, согласно которой сам факт не рассмотрения вопроса о выплате дивидендов акционерам может быть признан нарушением фидуциарных обязанностей директоров компании. Согласно логике судов компания (и ее прибыль) принадлежит акционерам, и директора, с учетом обоснованных потребностей самой компании, обязаны рассматривать вопрос о распределении прибыли между ее акционерами. См. подробнее: *Re A Company (No.00370 of 1987), Ex p. Glossop [1988] // The Weekly Law Reports 7 October 1988, C. 1068* и *Quinlan v Essex Hinge Co Ltd [1997] // British Company Cases. 1997. С. 53*. Данные судебные дела являются наиболее показательными, поскольку они были рассмотрены судами до кодификации фидуциарных обязанностей директоров в английском Законе о компаниях 2006 года.

²³⁶ П. 15 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 (ред. от 16.05.2014) № 19 «О некоторых вопросах применения ФЗАО» (далее - «Постановление № 19»)// СПС Консультант Плюс; Абз. (б) п. 15 Постановления Пленума ВС РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения ФЗОО» // СПС Консультант Плюс.

²³⁷ *Лантев В.В.* Акционерное право. М. 1999. С. 67.

полагают, что права на получение дивидендов или ликвидационной квоты существуют с момента возникновения правоотношения участия в форме корпоративного права, в момент принятия соответствующего решения такое право приобретает силу обязательственного права, определяются предмет и порядок его реализации²³⁸. Мы полностью поддерживаем эту позицию. Возможность существования дуализма корпоративных прав отмечалась еще советским исследователем О.А. Красавчиковым. Ученый обосновал разграничение основных и зависимых прав, где основным будет право участия (членство), а зависимым – право, следующее из этого участия (конкретные права и обязанности), в частности право на получение дивиденда или ликвидационной квоты²³⁹.

Среди имущественных прав участников хозяйственных обществ также можно выделить такие имущественные права, реализация которых не влечет непременно получение прибыли от участия в обществе, но, тем не менее, позволяет реализовать имущественный интерес во владении акциями (долями). К таким правам относятся:

- (1) преимущественное право приобретения акций (долей) непубличного общества, отчуждаемых участниками третьим лицам, по цене предложения третьему лицу или по цене, которая или порядок определения которой установлены уставом общества (п. 3-4 ст. 7 ФЗАО, ст. 21 ФЗООО);
- (2) преимущественное право покупки дополнительно выпускаемых акций или эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции (ст. 40 ФЗАО); для непубличных акционерных обществ такое право может быть исключено уставом либо решением общего собрания акционеров о размещении дополнительных акций, принятым единогласно (п. 6 ст. 7 ФЗАО).

²³⁸ Наиболее аргументированная и разработанная позиция по этому вопросу принадлежит Д.В. Ломакину. См. *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: Общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. Статут, 2008. С. 89, 337-338.

²³⁹ *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. Категории науки гражданского права. Избранные труды. М. 2005. Т. 2. С. 120 – 124.

В юридической литературе встречается точка зрения, согласно которой преимущественные права участников хозяйственных обществ не относятся к имущественным корпоративным правам, поскольку основная цель существования и реализации таких прав заключается не в удовлетворении исключительного материального интереса участников, а в возможности сохранить объем управленческого контроля над компанией²⁴⁰. Данное утверждение является верным, но только для второй группы преимущественных прав, представляющих собой гарантии от размывания долей существующих участников. В то время как реализация преимущественных прав участниками непубличного общества в отношении акций (долей), отчуждаемых другими участниками в пользу третьих лиц, направлена, прежде всего, на воспрепятствование появлению в обществе в качестве участников третьих лиц, не желанных для существующих участников. И в таком случае происходит не только сохранение объема управленческого контроля над компанией, но и его увеличение за счет приобретения дополнительных акций (долей), отчуждаемых другими участниками.

Преимущественные права, как и другие корпоративные права, основаны на праве членства и возникают с момента возникновения правоотношения членства (участия). Круг участников, способных реализовать преимущественные права, различается в зависимости от вида преимущественного права. Так, преимущественное право на приобретение акций (долей) непубличного общества возникает у всех участников непубличного общества (для акционерного общества такое право должно быть предусмотрено уставом), являющимися таковыми на дату поступления извещения (оферты) от участника, намеренного произвести отчуждение своих акций (долей) в пользу третьего лица. Срок осуществления преимущественного права составляет для акционерных обществ – 2 (два) месяца с даты получения извещения обществом (срок может быть сокращен

²⁴⁰ Корпоративное право: учебный курс. 4 издание. Отв. ред. *И.С. Шиткина*. Кнорус М. М., 2016. С. 454.

уставом, но не более чем до 10 (десяти) дней), и для обществ с ограниченной ответственностью – 30 (тридцать) дней с даты получения оферты обществом.

В случае нарушения преимущественного права у участников непубличного общества в связи с отчуждением акций (долей) третьим лицам, участники либо само общество (если такое право общества предусмотрено уставом) вправе в течение 3 (трех) месяцев со дня, когда они узнали или должны были узнать о данном нарушении, потребовать в судебном порядке перевода на себя прав и обязанностей приобретателя и (или) передачи им отчужденных акций (долей) с выплатой приобретателю их цены по договору или цены, определенной уставом общества (п. 4 ст. 7 ФЗАО, п. 18 ст. 21 ФЗОО).

Круг участников, имеющих преимущественное право на приобретение дополнительно выпускаемых ценных бумаг, определяется на дату составления списка лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, принявшим решение о выпуске дополнительных ценных бумаг, либо, если решение о выпуске было принято советом директоров общества, на десятый день после дня принятия советом директоров (наблюдательным советом) общества такого решения, если более поздняя дата не установлена этим решением (п. 2 ст. 40 ФЗАО). Для акционеров непубличного общества закон предусматривает дополнительные условия реализации преимущественного права. В частности, преимущественное право не возникает при размещении ценных бумаг посредством закрытой подписки только среди акционеров, если при этом акционеры имеют возможность приобрести целое число размещаемых ценных бумаг, пропорционально количеству принадлежащих им акций соответствующей категории (типа) и др. Срок действия преимущественного права не может быть менее 45 (сорока пяти) дней с момента направления (вручения) или опубликования уведомления о преимущественном праве, если иной срок не предусмотрен законом (п. 2 ст. 41 ФЗАО).

В отношении преимущественного права покупки дополнительно выпускаемых акций (по закрытой подписке – для акционеров, голосовавших против или не принимавших участия в голосовании по вопросу о размещении акций, если такое право не исключено законом или уставом, и по открытой подписке – для всех акционеров общества, при этом владельцы привилегированных акций обладают преимущественным правом, если категория (тип) размещаемых дополнительных акций соответствует категории (типу) принадлежащих им акций) законом предусмотрена четкая процедура эмиссии таких акций, при этом дополнительные акции не могут быть размещены до окончания срока действия преимущественного права (ст. 41 ФЗАО). В случае нарушения предусмотренной законом процедуры эмиссия может быть приостановлена либо признана несостоявшейся (ст. 26 ФЗРЦБ).

Таким образом, имущественные права участников хозяйственного общества являются определяющими в содержании корпоративного правоотношения. Они призваны обеспечить имущественный интерес участия в коммерческой организации с целью извлечения прибыли.

§ 4. Неимущественные корпоративные права

Неимущественные корпоративные права опосредует неимущественное, личное участие участников в деятельности хозяйственного общества и его управлении. Как было уже сказано выше, традиционно неимущественным правам отводится второстепенная (дополнительная) роль по сравнению с правами имущественными, в связи с признанием цели извлечения прибыли основной для хозяйственного общества, как коммерческой организации. Но недооценивать значение неимущественных прав было бы неправильно: часто именно неимущественные права выступают определенной гарантией или предпосылкой осуществления прав имущественных, что, очевидно, случается в случае принятия решения общего собрания участников для возникновения имущественных прав таких участников (права на получение дивиденда или ликвидационной квоты).

В научной литературе неимущественными традиционно признаются право на участие в управлении обществом, право на получение информации и право на осуществление контроля над финансово-хозяйственной деятельностью общества. Основное значение среди неимущественных прав, конечно, принадлежит, праву на участие в управлении хозяйственным обществом, о котором пойдет речь далее.

1. Право на участие в управлении хозяйственным обществом

Особая роль права на участие в управлении хозяйственным обществом единогласно подтверждается учеными-цивиристами и законодателем. Некоторые исследователи, например, О.В. Гутников, приходят к выводу, что «право управления юридическим лицом является основным субъективным корпоративным правом... Все корпоративные правомочия проистекают из права корпоративного управления и производны от него». В связи с этим «нет никакого права участия или членства как самостоятельного субъективного права, а есть право на управление юридическим лицом, которое может принадлежать одному ... или нескольким лицам»²⁴¹.

Похожая позиция на определяющее значение права на управление среди остальных «членских» прав была высказана и М.А. Егоровой: «факт того, что реализация корпоративного правомочия «управления» становится возможной и в унитарных юридических лицах в отсутствие как «участия», так и «членства», свидетельствует о том, что основу корпоративного отношения составляет именно правомочие «управления», а «участие» и «членство» имеют структурно-образующий характер, лишь определяя специфику этого отношения в юридических лицах, базирующихся на коллективном участии (членстве)»²⁴².

Данная позиция прямо противоречит изложенной выше точке зрения по вопросу соотношения права участия, членства и других корпоративных прав,

²⁴¹ Гутников О.В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права. // Журнал российского права, 2017. № 3. С. 58.

²⁴² Егорова М.А. К вопросу о содержании корпоративных правомочий. // Гражданское право. 2014. № 4, С. 13 – 18.

согласно которой право участия (членство) предполагается основным корпоративным правом, принадлежащим любому участнику хозяйственного общества, и предпосылкой, обязательным условием для возникновения и осуществления любых иных корпоративных прав, как имущественного, так и неимущественного характера. На наш взгляд, закрепление за правом на управление определяющей роли и нивелирование значения членства в корпорации не позволяет объяснить феномен наличия корпоративных прав у тех участников корпорации, которые не имеют права на управление такой корпорацией, в частности, владельцев привилегированных акций, в случае отсутствия у них права принимать участие в общих собраниях акционеров. Очевидно, что владельцы привилегированных акций являются членами соответствующего акционерного общества и обладают иными правами (кроме права на управления) в отношении такого общества (главное из которых – право на получение дивидендов в размере и на условиях, установленных уставом). При следовании предложенной позиции, происходит смешение «условия» и «следствия». Как уже было сказано выше, условием в данном случае (при этом - условием необходимым и обязательным) является право участия (членства): только приобретая членство в хозяйственном обществе, участник получает все иные права, которыми наделяются участники корпоративных правоотношений, в том числе и право на управление таким обществом. Безусловно, право на управление является основным правом участника, оно определяет отношение такого участника к корпорации, но при этом право участия в управлении ни в коем случае не должно восприниматься, как право, исчерпывающее содержание права участия (членства) в корпорации.

Право на участие в управлении неразрывно связано с самой корпорацией: очевидно, что, если нет корпорации, нет соответственно, никакого права. Таким образом, право на участие в управлении возникает либо из факта учреждения корпорации, либо в связи с внесением дополнительного вклада в уставный капитал корпорации и изменением структуры ее уставного

капитала. Основанием для прекращения права на участие в управлении является всегда исчезновение субъекта членского правоотношения, что может произойти в результате: (1) прекращения деятельности самой корпорации; или (2) выхода участника в одностороннем порядке, в результате которого уменьшается количество участников корпорации, происходит изменение структуры ее уставного капитала.

Право на участие в управлении хозяйственным обществом является, безусловно, правом неимущественным. Этот вывод не нарушается даже тем фактом, что право на участие в управлении делами общества приобретается вследствие отчуждения участником принадлежащего ему имущества. Таким образом, имущественное право участника на имущество, вносимое им в уставный капитал общества, трансформируется в неимущественное право на участие в управлении таким обществом, при этом, поскольку хозяйственные общества являются коммерческими организациями, основной целью деятельности которых является извлечение прибыли, то неимущественное право на участие в управлении, как было отмечено выше, служат своего рода гарантией и предпосылкой осуществления имущественных прав участников хозяйственного общества.

Право на участие в управлении в составе других членских прав приобретается участником корпорации в обмен на имущественный вклад такого участника, в связи с этим его объем может изменяться в зависимости от размера такого имущественного вклада, выраженного для хозяйственных обществ в процентах от общего размера уставного капитала. Например, право на созыв внеочередного общего собрания акционеров предоставляется только акционеру(-ам), являющимся владельцами не менее чем 10% голосующих акций акционерного общества на дату предъявления требования (п. 1 ст. 55 ФЗАО), или участникам, обладающим в совокупности не менее чем 1/10 от общего числа голосов участников общества с ограниченной ответственностью (п. 1 ст. 35 ФЗО). Это означает, что если участник или акционер не владеет долей в размере 10% и более от уставного капитала общества, то правомочия

на созыв общего собрания участников в составе своего права на участие в управлении он не имеет, до тех пор, пока не найдет единомышленников, совокупная доля владения которых позволит достичь или превысить указанный выше предел в 10%.

Как справедливо отмечал Г.Ф. Шершеневич, «следовало бы ожидать, что право личного участия должно принадлежать каждому акционеру безусловно. Но некоторые уставы обуславливают участие в общем собрании обладанием известного числа акций»²⁴³. В качестве исключения из общего правила, законодатель предусматривает возможность предоставления отдельному участнику (или категории участников) прав в объеме, непропорциональном принадлежащей ему доле в уставном капитале общества, путем (а) включения в устав общества положений, предусматривающих дополнительные права участника (п. 1 ст. 65.2 ГК РФ, ст. 8 ФЗОО); (б) порядка определения числа голосов участников общества, непропорционально принадлежащим им долям (п. 1 ст. 31 ФЗОО); или (в) заключения договора об осуществлении корпоративных прав, в соответствии с которым участники обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, и др. (ст. 67.2 ГК РФ). Использование таких исключений требует согласия всех вовлеченных в них участников: так для внесения изменений в устав в отношении объема прав потребуется единогласное решение всех участников, для заключения договора об осуществлении корпоративных прав потребуется согласие участников, являющихся его сторонами.

Определенные особенности появляются у права на управление в отношении «компаний одного лица». Безусловно, что вслед за признанием корпоративной природы компаний одного лица на теоретическом и

²⁴³ Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. Московское научное издательство, 1919. С. 167.

законодательном уровнях²⁴⁴, необходимо признать и подтвердить наличие права единственного участника на участие в управлении созданной им корпорации. Однако, в отличие от осуществления данного права в хозяйственных обществах с несколькими участниками (членами), где формирование воли хозяйственного общества происходит на основе принципа большинства, в компаниях одного лица воля единственного участника (члена) будет являться волей самого хозяйственного общества.

Акционер (участник) хозяйственного общества реализует принадлежащее ему право на участие в управлении хозяйственным обществом, так или иначе, посредством или в связи с подготовкой, созывом и проведением общего собрания участников хозяйственного общества. Общее собрание участников является высшим органом управления корпорации (п. 1 ст. 65.3 ГК РФ).

Право на участие в управлении неоднородно по своему составу. В юридической литературе²⁴⁵ выделяются следующие правомочия в составе права на управление:

²⁴⁴ Классики российской цивилистики высказывали мнения о невозможности существования «компаний одного лица» (см. например, *Тарасов И.Т.* Указ. соч. С. 70; *Кулагин М.И.* Избранные труды. М., 1997, С. 18-29, *Мусин В.А.* Одночленные корпорации в буржуазном праве. Правоведение. 1981. № 4. С. 44). И.Т. Тарасов полагал, что традиционно, под юридическим лицом понимается организация, т.е. союз, объединение нескольких участников, поэтому наличие определенного числа членов называлось характерной чертой юридического лица. По мнению М.И. Кулагина, само существование «этих юридических мутантов», противоречит коренным «началам права». В.А. Мусин называет существование «компаний одного лица» «бесцеремонным извращением и прямым отходом от главнейших принципов». Но после рассмотрения прецедентного судебного дела 1897 года (*Salomon v. Salomon and Co Ltd.*), ставшим первым легальным признанием компании одного лица (*one-man company*), несмотря на то, что «вопиющее противоречие подобной корпорации самой сущности юридического лица, как коллективного образования, очевидно, «подчиняясь экономическим потребностям крупного капитала, поначалу коммерческая и судебная практика, затем и доктрина, а в последующем и закон, - замечает В.А. Мусин, - начинают признавать их имеющим право на существование». Современное российское гражданское право прямо признает возможность существования «компаний одного лица» (п. 2 ст. 88, п. 6 ст. 98 ГК РФ). По мнению, П.В. Степанова, «одночленная структура аппарата не деформирует организацию и права участвующих в ней настолько, чтобы можно было говорить об отсутствии статуса членства», тем более, что количество участников может измениться в любой момент (см. *Степанов П.В.* Указ. соч. С. 16.). Хотя Ушницкий Р.Р. утверждает, что «в компаниях одного лица нет членства» (см. *Ушницкий Р.Р.* К вопросу о корпорации как элементе корпоративного правоотношения. // *Безопасность бизнеса.* 2012. № 1. С. 31 – 33). Таким образом, в настоящее время, как отмечает Е.А. Суханов, «как в российском, так и в зарубежном праве корпорациями являются также компании одного лица - корпорации с единственным участником (членом) или юридические лица, созданные на основании односторонней сделки и функционирующие по правилам, установленным законом для корпораций» (см. *Суханов Е.А.* Указ. соч. С. 43).

²⁴⁵ *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: Общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. Статут, 2008. С. 364-366.

- (1) правомочие на участие в подготовке к проведению общего собрания участников хозяйственного общества, которое, в свою очередь, включает в себя правомочия на внесение вопросов в повестку дня общего собрания участников, на выдвижение кандидатов в органы управления и иные органы хозяйственного общества;
- (2) правомочие на участие в общем собрании участников хозяйственного общества лично или через своих представителей, реализующееся для акционерного общества посредством и с помощью составления списка лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров;
- (3) правомочие на голосование по всем вопросам повестки дня общего собрания участников хозяйственного общества (фактически, это основное правомочие посредством которого любой участник хозяйственного общества получает возможность «управлять» таким обществом);
- (4) правомочие требовать проведения внеочередного общего собрания участников хозяйственного общества;
- (5) правомочие созыва внеочередного общего собрания участников хозяйственного общества при наличии установленных законом оснований (для акционерного общества, в частности, обязательно наличие судебного решения о понуждении общества провести внеочередное общее собрание акционеров); и
- (6) правомочие быть избранными в органы управления и иные органы хозяйственного общества²⁴⁶.

Возможность осуществления права на управление (а также всех входящих в него правомочий) возникает у участника хозяйственного общества (акционера) с момента приобретения им членского статуса. Однако, для реализации некоторых полномочий (в частности, право вносить вопросы в повестку дня общего собрания участников, требовать созыва общего собрания

²⁴⁶ Выделение данного правомочия в составе права на участие в управлении было подвергнуто критике в юридической литературе (подробнее см. *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: Общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. Статут, 2008. С. 366).

участников, предлагать кандидатов в органы управления общества) необходимым условием является владение определенным процентом акций или долей от всего уставного капитала общества (например, как уже говорилось выше, 10% - для созыва внеочередного общего собрания участников, или 2% - для внесения вопросов в повестку дня общего собрания участников и др.).

Право на голосование реализуется на основании определенных принципов. С одной стороны, действует общий принцип: для акционерного общества - одна акция – один голос, для общества с ограниченной ответственностью – право на голосование имеют все участники этого общества с ограниченной ответственностью. В этом обстоятельстве проявляется принцип равенства прав акционеров или участников, выраженный в п. 1 ст. 31 ФЗАО, согласно которому каждая обыкновенная акция общества предоставляет акционеру – ее владельцу одинаковый объем прав. С другой стороны, принятие решений осуществляется по принципу большинства, интересы проголосовавших «против» или воздержавшихся (составляющих меньшинство) игнорируются, в связи с этим принцип большинства в юридической литературе также именуется «принципом подчинения меньшинства большинству». Как отмечал А.И. Каминка, «организация товарищества с отношением подчинения и господства между участниками - вот характерная особенность товариществ современного права»²⁴⁷. В настоящее время необходимость отсылки к категории «добропорядочное большинство» и признанию за ним превалирующей роли в гражданских правоотношениях основаны на возросшем значении принципа добросовестности, который, в качестве общего принципа гражданского права, воспринимается как естественный инструмент противодействия эгоистическому поведению, на которое не рассчитывает добропорядочное большинство²⁴⁸.

²⁴⁷ Каминка А.И. Очерки торгового права. М. 2002. С. 397.

²⁴⁸ См. п. 1.3 Проекта Концепции (подробнее см. п. 2.3 § 1 главы I).

Критерии «большинства» для целей голосования по каждому конкретному вопросу устанавливаются в законе или, если это разрешено законом, в уставе общества. По общему правилу решение общего собрания участников считается принятым, если за него проголосовало большинство участников, имеющих право голоса на собрании, рассчитываемое: (1) для акционерного общества - от числа владельцев голосующих акций общества, принимающих участие в собрании; и (2) для общества с ограниченной ответственностью - от общего числа голосов участников общества²⁴⁹. В качестве примеров иных критериев расчета «большинства» можно привести требования кумулятивного голосования для избрания членов совета директоров общества, необходимость единогласного одобрения всех участников непубличного общества по некоторым вопросам (например, по вопросу о преобразовании акционерного общества в некоммерческое партнерство), получение согласия большинства незаинтересованных участников на совершение сделки, в совершении которой имеется заинтересованность и др.

Таким образом, как отмечает С.Д. Радченко: «разделение акций между акционерами - это разделение интереса, разделение возможности помещать свою волю в юридическое лицо (подобно тому, как суть собственности - это помещение своей воли в вещь - ...). Количество акций отражает степень участия в формировании воли общества и степень проявления личного интереса акционера в общем интересе всех акционеров»²⁵⁰. Ему возражал И.Т. Тарасов: «но кому же неизвестно, что понятие об интересе всегда

²⁴⁹ Интересное исследование относительно возможности корректного выявления «воли большинства» путем агрегирования интересов группы с числом более двух провел Д.И. Степанов. Основываясь на применении Парадокса Кондорсе и Теоремы Эрроу (вкратце – обосновывающих невозможность объединения индивидуальных предпочтений для трёх и более альтернатив, удовлетворяющего справедливым условиям, без участия диктатора) к процедуре голосования трех и более участников, при котором допустимо появление разногласий, исследователь пришел к выводу, что мнение «большинства» не является некой «суммой» предпочтений всех участников или средним арифметическим значением, а представляет собой предпочтение одного или в лучшем случае немногих, вмененное группе как предпочтение всех или почти всех (см. *Степанов Д.И.* Интересы юридического лица и его участников. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 47-53).

²⁵⁰ *Радченко С.Д.* Злоупотребление правом в гражданском праве России. М. Волтерс Клувер, 2010. С. 69.

субъективно, вследствие чего нередко с одной акцией ... может быть связано гораздо больше интереса, чем с десятками акций богатого человека, а потому соразмерить право голоса с интересом, взяв за основание величину вклада в акционерный капитал, также невозможно, как невозможно, например, соразмерить ум с деньгами, сколько у тебя ума, столько дам я тебе денег»²⁵¹. Несмотря на данное высказывание, сам ученый-цивилист в споре о необходимости установления пределов (как минимальных, так и максимальных) для предоставления права голоса на общем собрании²⁵² поддерживал необходимость признания абсолютного равенства всех акционеров по каждой принадлежащей им акции, поскольку право голоса, по его мнению, составляет «интегральную часть акционерного права вообще», «никакой акционер, оставаясь таким, не может быть лишен пользования правом голоса, так как таким лишением совершенно произвольно нарушается его акционерное право»²⁵³.

Таким образом, право на участие в управлении является одним из основных корпоративных, членских прав участника (акционера) хозяйственного общества, присущих, в том числе и компаниям одного лица, носит неимущественный характер, характеризуется обязательным и закрытым субъектным составом (участник / акционер – общество), реализуется в зависимости от размера имущественного вклада, если иное не согласовано участниками общества.

2. Иные неимущественные права

Среди неимущественных прав следует выделять также право на контроль над финансово-хозяйственной деятельностью общества и право на получение информации о деятельности общества. В юридической литературе неоднократно отмечалось, что указанные права очень близки по своему содержанию, но «определенное сходство прав на информацию и контроль не

²⁵¹ *Тарасов И.Т.* Указ. соч. С. 472.

²⁵² Подробнее об указанном споре см. *Гусаковский П.Н.* Указ. соч. С. 70-80; *Гойхбарг А.Г.* Очередные вопросы в литературе гражданского права (литературное обозрение). Права общего собрания акционеров. // *Вестник гражданского права.* № 2. 1917. С. 126-130.

²⁵³ *Тарасов И.Т.* Указ. соч. С. 472, 468.

должно быть поводом для их смешения»²⁵⁴. Так Д.В. Ломакин предлагал три существенных различия между рассматриваемыми правами:

- (1) по цели их осуществления (цель осуществления права на контроль всегда заключается в выявлении недостатков в деятельности юридического лица, в то время как цели осуществления права на информацию могут быть самыми разнообразными и выходить за рамки корпоративных отношений);
- (2) по содержанию (очевидно, что право на контроль гораздо шире, чем право на получение информации, подробнее об этом речь пойдет ниже);
- (3) по сфере осуществления указанных прав (право контроля относится исключительно к сфере финансово-хозяйственной деятельности общества, в то время как право на информацию может охватывать и иные вопросы)²⁵⁵.

Д.В. Ломакин определяет право на контроль как предоставленную участнику «возможность осуществлять действия по проверке деятельности органов управления ... с целью установления факта наличия или отсутствия нарушенных прав, как самого юридического лица, так и отдельных его членов со стороны указанных органов»²⁵⁶.

Традиционно, к праву на контроль за финансово-хозяйственной деятельностью общества относят следующие правомочия:

- (1) рассмотрение и утверждение на годовом общем собрании участников годового отчета, годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности (пп. 11 п. 1 ст. 48 ФЗАО, пп. 6. п. 2 ст. 33 ФЗООО);
- (2) избрание на общем собрании участников ревизионной комиссии (ревизора) общества (ст. 85 ФЗАО, ст. 32 ФЗООО); и
- (3) утверждение на общем собрании профессионального аудитора общества (ст. 86 ФЗАО, ст. 48 ФЗООО).

²⁵⁴ См. подробнее *Могилевский С.Д.* Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М. Статут, 2010. С. 79-82.

²⁵⁵ *Ломакин Д.В.* Акционерное правоотношение. М. Спарк, 1997. С. 136.

²⁵⁶ Там же. С. 136.

Таким образом, право на контроль значительно шире, чем право на получение информации, где последнее выступает лишь методом осуществления, реализации первого.

Право на получение информации о деятельности общества, безусловно, можно назвать гарантией осуществления всех других членских прав и их защиты от нарушений. При этом всю предоставляемую информацию можно разделить на несколько групп:

- (1) информация, которая должна быть предоставлена всем участникам, например, информация о проведении общего собрания участников, материалы, прилагаемые к повестке дня общего собрания, информация о возможности осуществления преимущественного права приобретения акций (долей) непубличного общества, решения, принятые общим собранием участников, и др.;
- (2) информация, которая должна быть предоставлена участнику общества по его запросу, при этом состав такой информации, и необходимость предоставления обоснования (деловой цели) своего запроса зависит от типа общества (публичное или непубличное), и для акционерных обществ – от процента голосующих акций, принадлежащих акционеру, запрашивающего определенные сведения (например, доступ к протоколам заседания совета директоров общества, а также к информации о сделках общества, в совершении которых имеется заинтересованность, имеют только акционеры публичного общества, владеющие не менее чем 1% голосующих акций общества; деловая цель, с которой запрашиваются документы, должна быть указана только в требовании акционера (акционеров), владеющего менее чем 25% голосующих акций общества (ст. 91 ФЗАО, ст. 55 ФЗОО);
- (3) информация, которая в обязательном порядке публикуется в открытом доступе или предоставляется органам государственной власти (органам местного самоуправления), иным организациям по

их запросу, в частности, размер и структура доходов, размер и состав имущества общества, информация, обязательная к раскрытию в соответствии с требованиями законодательства о рынке ценных бумаг, информация об аффилированных лицах общества и т.д.

Сроки, порядок предоставления и/или публичного раскрытия информации определяются законами и иными нормативно-правовыми актами, в зависимости от вида и типа общества, доли участника в уставном капитале такого общества и других обстоятельств. Необходимо отметить, что на практике злоупотребления, связанные с осуществлением указанных неимущественных прав, очень распространены, о чем речь пойдет подробно в следующей главе настоящего исследования. В связи с этим на законодательном уровне в последнее время выявилась тенденция ужесточения правил регулирования предоставления и раскрытия информации хозяйственными обществами, ограничения прав участников на получение доступа к определенным видам информации (в частности, путем введения порога владения определенным количеством голосующих акций в публичном акционерном обществе), более детального регулирования порядка осуществления деятельности ревизионной комиссии и профессионального аудитора.

Таким образом, мы рассмотрели основные имущественные и неимущественные права участников хозяйственных обществ. В настоящей работе мы придерживаемся точки зрения, что все права участников хозяйственных обществ являются по своей природе субъективными корпоративными правами, которые существуют с момента возникновения правоотношения участия (членства) и до момента его прекращения. Осуществление корпоративных прав ограничено общими пределами осуществления любых субъективных прав, в частности на основании ст. 10 ГК РФ. Анализу злоупотреблений корпоративными правами посвящена глава III. Кроме этого, осуществление корпоративных прав ограничено наличием обязанностей участников, анализ которых мы проведем далее.

§ 5. Фидуциарные обязанности участников хозяйственных обществ

1. Понятие фидуциарных обязанностей

Хозяйственное общество является профессиональным субъектом гражданских правоотношений, представляет собой объединение капиталов или объединение лиц, созданное для целей получения прибыли. Хозяйственное общество как новый субъект права не отождествляется со своими участниками; Г.Ф. Шершеневич указывал на «почти полное устранение личного элемента в акционерном отношении», а также подчеркивал в отношении акционерного общества, что «судьба предприятия не зависит от личности предпринимателя»²⁵⁷.

Каждый участник выступает в качестве инвестора, принимающего на себя риск потери в размере внесенного им вклада в уставный капитал общества. Участники являются членами общества, имеют членские права и обязанности, и, по общему правилу, не могут рассматриваться как представители хозяйственного общества²⁵⁸ и/или других участников при осуществлении своих прав и обязанностей. Участники также не являются управляющими обществом без дополнительных (специальных) оснований, однако решения, принимаемые на собраниях участников, формируют и составляют волю общества, являются обязательными для исполнения всеми органами управления общества.

В связи с развитием рыночной экономики в целом и корпоративных правоотношений в частности, взаимоотношения между участниками хозяйственных обществ, органами управления и третьими лицами значительно усложнились. Основная причина такого усложнения кроется в столкновении разных интересов, связанных с деятельностью одного

²⁵⁷ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 266, 362 – 363.

²⁵⁸ В юридической литературе существует противоположная точка зрения, согласно которой органы управления юридического лица являются не его составной частью, а представителем такого юридического лица (см. подробнее Кузнецов А.А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации № 10. 2004. С. 4-31). Участники (учредители) хозяйственного общества, по мнению Кузнецова А.А., являются законными представителями общества, при этом данное утверждение верно, как в отношении совокупности всех участников (как органа), так и каждого отдельного участника (см. Кузнецов А.А. Указ. соч., С. 18-19).

юридического лица: личного интереса каждого участника (как отдельного субъекта правоотношений), интересов лиц, занимающих должности в органах управления обществом, интересов третьих лиц в отношении общества, и, наконец, общего корпоративного интереса хозяйственного общества.

На практике часто возникают ситуации, когда участники хозяйственных обществ используют свои членские права не в соответствии с общими интересами и целями юридического лица, а также интересами других участников, органов управления и кредиторов. Должно ли такое правоосуществление иметь какие-то ограничения? На наш взгляд, безусловно, должно. Как было сказано выше, хозяйственное общество является объединением (компании одного лица являются исключением), и чтобы данное объединение действовало успешно, оно должно иметь единый вектор развития. Любые конфликты интересов неминуемо приводят к ослаблению этого объединения, и, следовательно, безусловно, вредны как для него самого, так и для правопорядка в целом.

Правоосуществление может быть ограничено двумя способами: (1) установлением предела осуществления субъективного права; и (2) введением обязанностей действовать определенным образом или не совершать определенные действия с риском наступления последствий их нарушения. Осуществление права с выходом за пределы его осуществления является злоупотреблением правом, запрещенным по российскому праву на основании ст. 10 ГК РФ. Общая норма, безусловно, применяется к регулированию корпоративных правоотношений, но в данном параграфе мы анализируем ограничение осуществления корпоративных прав путем установления определенных обязанностей участников хозяйственных обществ.

В совокупности всех обязанностей участников хозяйственных обществ важное место занимают сформулированные наиболее общим образом обязанности действовать добросовестно и разумно, зачастую именуемые в юридической литературе фидуциарными обязанностями. Именно их

применение вызывает наибольшее количество вопросов в юридической теории и практике.

Введение корпоративных обязанностей действовать добросовестно и разумно (наряду с применением общего принципа, предписывающего действовать добросовестно) предопределено необходимостью дополнительной защиты участника, доверяющего управление своим имуществом другому лицу. По этой причине фидуциарные обязанности в корпоративных отношениях возникают, в первую очередь, применительно к директорам, управляющим и иным должностным лицам, осуществляющим управление обществом (совместно – «менеджеры»), от имени и за счет собственников общества – его участников. Концепция фидуциарных обязанностей менеджеров хорошо разработана и признается в англосаксонской и континентальной правовых системах. В российском праве предусмотрены обязанности менеджеров хозяйственных обществ действовать разумно и добросовестно (ст. 53, 53.1 ГК РФ, ст. 71 ФЗАО и ст. 44 ФЗООО).

Возможность применения концепции фидуциарных обязанностей к участникам хозяйственных обществ до сих пор остается дискуссионной и поддерживается не всеми правопорядками, а также учеными-исследователями. Одной из причин распространения фидуциарных обязанностей на участников общества является то, что за последние десятилетия отношения в корпорации претерпели серьезные изменения, участники корпорации перестали ограничиваться только ролью пассивных инвесторов, единственный материальный интерес которых сводится к получению дивидендов или выплат при ликвидации. Большее значение стало придаваться росту стоимости акций или долей, либо реализации посредством корпорации своих личных интересов, что по сути также означает получение участником определенного дохода от владения акциями (долями), не зависящего от одобрения всех или большинства участников²⁵⁹, а также не

²⁵⁹ В отличие от выплат дивидендов или ликвидационной квоты, которые требуют одобрения со стороны как минимум большинства участников хозяйственного общества.

разделенного со всеми участниками корпорации. В связи с этим участники общества стали больше вовлекаться в процесс управления обществом не пропорционально принадлежащим им долям²⁶⁰ (данная тенденция получила название «активизм участников» (*shareholders' activism*)). Оплатив только часть имущества общества (в размере своей доли в уставном капитале), участник получает права на управление всем или большим, чем составляет его доля, имуществом компании, в том числе и вкладами других участников.

В этом смысле правовое положение участников стало близко к правовому положению менеджеров такого общества. Возникает естественный вопрос, следует ли к участникам хозяйственного общества применять аналогичные стандарты осуществления прав и полномочий, действующие в отношении менеджеров такого общества, а именно стандарты обязанностей действовать добросовестно и разумно. Его мы и рассмотрим далее.

Поскольку возможность применения фидуциарных обязанностей к участникам юридических лиц изначально возникла в иностранных юрисдикциях, представляется целесообразным вначале рассмотреть и проанализировать опыт применения фидуциарных обязанностей к участникам корпораций в странах общего права (Англии и США) и континентального права (на примере Германии), и только потом выявить особенности обязанностей участников хозяйственных обществ в российском праве.

²⁶⁰ Применение принципа пропорциональности в корпорации всегда вызывало множество вопросов. До XX века пропорциональность объема прав участника корпорации вовсе не была характерна ни для европейских, ни для американских, ни для российских компаний. Предоставление права голоса по акциям регулировалось в основном уставами самих корпораций на основе принципа свободы договора. Встречались ограничения как минимального, так и максимального количества голосов, предоставляемых одной акцией. Попытки установления правила «одна акция – один голос» изначально стали появляться в связи с ростом числа мелких акционеров и вначале носили исключительно рекомендательный характер. На современном этапе принцип пропорциональности предусматривается в качестве общего обязательного принципа (в основном для публичных компаний), из которого возможны исключения. Участники корпорации вправе самостоятельно договориться об установлении иных правил и подходов определения количества принадлежащих им голосов в уставе, корпоративном договоре или ином соглашении. Подробнее об анализе принципа пропорциональности см. *Абрамов С., Кокорев Р., Цыганков С.* О дискуссиях по ключевым направлениям развития корпоративного права в России. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/finance/russian/reportsandopinions/%D0%9E%20%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F%D1%85_%D0%90%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B2.pdf (дата обращения: 05.08.2019);

2. Фидуциарные обязанности участников юридических лиц: опыт иностранных юрисдикций

2.1 Фидуциарные обязанности участников корпорации в Англии и США

В системе общего права под фидуциарными обязанностями (*fiduciary duties*) понимаются лично-доверительные обязанности, которые несет лицо, осуществляющее управление имуществом, принадлежащим другому лицу (*fiduciary*). Концепция фидуциарных обязанностей основана на праве справедливости (*equity law*). Традиционно, фидуциарные обязанности признавались, в том числе:

- (1) в сфере отношений траста (*trust*): фидуциарные обязанности возлагались на доверительных собственников (*trustee*) по отношению к бенефициарам траста (*beneficiary*);
- (2) в сфере отношений между участниками партнерства (*partnership*): фидуциарные обязанности по отношению друг к другу;
- (3) в сфере агентских отношений (*agency*): фидуциарные обязанности агента по отношению к принципалу.

Позднее фидуциарные обязанности получили свое распространение и в корпоративном праве, а затем нашли признание в различных правовых порядках по всему миру²⁶¹.

Состав фидуциарных обязанностей определяется, прежде всего, сферой их применения. В Англии и США взгляды на перечень фидуциарных обязанностей различаются. Но по общему правилу к числу фидуциарных относятся обязанности (а) соблюдения интересов (*duty of loyalty*) лица, имущество которого находится в управлении; и (б) осуществления заботы (*duty of care*) о вверенном в управление имуществе²⁶².

²⁶¹ Степанов Д.И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах // Закон. 2014. № 7. С. 48.

²⁶² Anabtawi I., Stout L. Fiduciary Duties for Activist Shareholders, 60 Stan. L. Rev. 1255, 1267 п. 32 (2008), С. 1262. URL: <http://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1825&context=facpub> (дата обращения: 05.08.2019).

В корпоративном праве концепция фидуциарных обязанностей применяется, прежде всего, для менеджмента корпорации: должностные лица и директора несут перед корпорацией и ее участниками обязанность *duty of care*, понимаемую как обязанность вести себя разумно и с должной заботой при осуществлении своих полномочий, а также обязанность *duty of loyalty*, под которой в отношении менеджмента понимается обязанность действовать добросовестно и строго в интересах корпорации и ее участников²⁶³.

В отношении возможности распространения фидуциарных обязанностей на участников корпораций (по аналогии с директорами) подходы американского и английского права не одинаковы.

Английское право не признает фидуциарных обязанностей участников корпораций за несколькими исключениями. Причина такого положения заключается в том, что права участников, основанные на владении долей в уставном капитале юридического лица (в частности, право голоса), воспринимаются английскими юристами, как право собственности, которое может осуществляться его владельцем без каких-либо ограничений²⁶⁴.

Исключения, которые упоминались, основаны на конкретных прецедентах и сводятся к следующим случаям:

- (1) голосование мажоритарного акционера по вопросу внесения изменений в учредительные документы компании может быть осуществлено только добросовестно и в интересах компании в целом; и
- (2) случаи мошенничества со стороны мажоритария в отношении миноритариев (*fraud on the minority*), которые включают в себя:
 - (a) вывод активов компании; и

²⁶³ Там же. С. 1263.

²⁶⁴ *Ziropa Cohen* Fiduciary Duties of Controlling Shareholders: a comparative view, С. 381 URL: [https://www.law.upenn.edu/journals/jil/articles/volume12/issue3/Cohen12U.Pa.J.Int'lBus.L.379\(1991\).pdf](https://www.law.upenn.edu/journals/jil/articles/volume12/issue3/Cohen12U.Pa.J.Int'lBus.L.379(1991).pdf) (дата обращения: 05.08.2019).

(б) лишение миноритариев права собственности на принадлежащие им акции / доли (например, в результате принудительного выкупа миноритариев (*squeeze-out*))²⁶⁵.

Данные исключения воспринимаются английской судебной практикой не как дополнительные обязанности мажоритарного акционера, а как ограничения при осуществлении им права на голосование.

В английском статутном праве существует еще одна возможность признать наличие фидуциарных обязанностей участников юридических лиц. Согласно ст. 251 Закона о компаниях 2006 года (*Companies Act 2006*) лицо, в соответствии с указаниями и инструкциями которого директора компании привыкли действовать, признается теневым директором (*shadow director*), при этом, среди прочего, лицо не должно признаваться теневым директором только по той причине, что директора действовали в соответствии с его советом, данным им при осуществлении им своих профессиональных обязанностей²⁶⁶. Высокий суд Англии при рассмотрении дела *Vivendi SA and Centenary Holdings Ltd v Murray Richards and Stephen Bloch [2013] EWHC 3006 (Ch)* пришел к двум важным для нашей темы выводам: (1) акционер или конечный бенефициарный собственник компании может быть признан теневым директором; и (2) теневой директор несет те же фидуциарные обязанности, что и юридически назначенный директор компании, независимо от его желания принять на себя данные обязанности. Такие выводы основаны на том, что теневой директор, как и юридический директор, должен выполнять свои полномочия исключительно в интересах компании в целом²⁶⁷. По праву Англии директора несут фидуциарные обязанности только в пользу компании,

²⁶⁵ Там же. С. 381-382. В российском праве процедура выкупа акций миноритариев по требованию владельца более 95% акций компании регулируется ст. 84.8 ФЗАО.

²⁶⁶ The Companies Act 2006. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/251> (дата обращения: 05.08.2019).

²⁶⁷ Анализ этого судебного дела см. *White & Case LLP Duties of Shadow Director of Company in Financial Difficulty*. URL: <http://events.whitecase.com/pdfs/london/Duties-of-shadow-director-of-company-in-financial-difficulty.pdf> (дата обращения: 05.08.2019); *AO Hall Shadow directors – power and influence bring responsibility*. URL: <http://documents.lexology.com/94e5b00f-3541-43eb-890e-855c18b28f38.pdf> (дата обращения: 05.08.2019); *Helix Law Court says ‘shadow’ directors can be subject to directors’ fiduciary duties*. URL: <http://www.helix-law.co.uk/blog/78-court-says-shadow-directors-can-be-subject-to-directors-fiduciary-duties> (дата обращения: 05.08.2019).

но не ее акционеров или участников, рассматриваемых как вместе, так и по отдельности, поскольку директора управляют деятельностью и активами самой компании, но не контролируют деятельность и активы членов этой компании. Это означает, что фидуциарные обязанности участника компании, являющегося теневым директором, также будут существовать только в пользу компании, а не остальных участников.

Таким образом, напрямую фидуциарные обязанности участников юридических лиц английским правом не признаются.

Несколько иначе обстоит дело с признанием фидуциарных обязанностей участников юридических лиц в США. Корпоративное право этой страны является правом штатов, поэтому подходы разных штатов к данному вопросу неодинаковы. Рассмотрим их подробнее.

Самым консервативным представляется подход судов штата Делавэр. Он заключается в непризнании фидуциарных обязанностей участников компаний, даже в отношении закрытых корпораций (*closely held corporations*). При рассмотрении вопроса о том, можно ли применять фидуциарные обязанности мажоритарного акционера как средство защиты интересов миноритарного акционера, Верховный суд штата Делавэр пришел к выводу, что владелец миноритарной доли в компании всегда имеет возможность согласовать условия своего участия в компании до приобретения им такой доли. Поэтому у суда нет необходимости применять специальные средства защиты интересов миноритария²⁶⁸.

Такой подход поддерживается в американской юридической литературе со ссылками на то, что акционеры (участники) не могут быть субъектами обязанностей, в том числе и фидуциарных, а могут иметь только права, которые они приобретают в обмен на внесенный ими имущественный вклад в уставный капитал компании. Обязанности могут распространяться только на лиц, осуществляющих непосредственное управление компанией (т.е. членов

²⁶⁸ Судебное дело *Nixon v. Blackwell* Delaware Supreme Court 626 A.2d 1366 (1992).

органов управления, должностных лиц и директоров)²⁶⁹. Данный вывод подкрепляется двумя основными аргументами: во-первых, исторически акционеры публичных компаний воспринимались как пассивные инвесторы, не желающие самостоятельно нести дополнительные расходы на управление компанией (например, расходы на голосование по доверенности (*proxy voting*), обязательные в определенных случаях для публичных компаний); а во-вторых, существует презумпция наличия у всех акционеров единого интереса, заключающегося в увеличении стоимости акций компаний, при этом рост стоимости акций воспринимается акционером как основной и единственный способ заработать на владении акциями, иные интересы просто не рассматриваются²⁷⁰.

Другого подхода, более либерального, придерживаются суды штатов Иллинойс, Миннесота, Массачусетс и др. Суды указанных штатов не раз приходили к выводу о том, что мажоритарные акционеры закрытой корпорации (*a closely held corporation*) несут фидуциарные обязанности по отношению к миноритарным акционерам и самой корпорации в целом. Закрытыми называют корпорации с количеством участников не более 35 (тридцати пяти) и некотируемыми акциями, участники закрытых корпорации активно участвуют в ее управлении и деятельности²⁷¹. Отношения участников закрытых корпораций, по мнению судов, основаны на взаимном доверии (*trust and confidence*) и сходны с отношениями между участниками партнерства (*partnership*).

Наличие элемента доверия в отношениях между участниками закрытых корпораций заставляет задуматься о том, должен ли указанный стандарт отношений применяться ко всем участникам закрытых корпораций, в том числе к миноритариям. В американской юридической литературе все чаще утверждается, что миноритарии способны управлять компанией наравне с

²⁶⁹ Anabtawi I., Stout L. Указ. соч. С. 1267.

²⁷⁰ Там же. С. 1267-1269.

²⁷¹ Jendrzejek D.P. Moss & Barnett A Professional Association What Exactly Are the Duties of a Fiduciary? С. 5 URL: https://www.lawmoss.com/media/publication/724_DPJDutiesofFiduciary.pdf (дата обращения: 05.08.2019).

мажоритариями, например, когда миноритарий имеет право вето по какому-либо вопросу и его голос является решающим для принятия решения²⁷². В тех случаях, когда такой контроль возникает, на миноритариев должны распространяться фидуциарные обязанности в том же объеме, что и в отношении мажоритарных участников²⁷³. Стандарты оценки действий любого участника должны быть одинаковыми.

В отношении публичных компаний распространено мнение о том, что фидуциарные обязанности должны распространяться только в отношении мажоритарных акционеров (участников) корпорации, владеющих более 50% голосующих акций компании, и способных оказывать влияние на действия корпорации²⁷⁴. В то же время миноритарные акционеры вольны осуществлять принадлежащее им право на участие в управлении исключительно по своему усмотрению. Мажоритарные акционеры, аналогично должностным лицам и директорам корпорации, несут обязанность *duty of loyalty* перед самой корпорацией и ее миноритарными акционерами, они не вправе использовать принадлежащие им права и полномочия в отношении компании для извлечения материальной прибыли в ущерб миноритариям²⁷⁵.

Но даже в этом случае суды склонны признавать фидуциарные обязанности мажоритарных акционеров публичной корпорации только в исключительных случаях, а именно при реализации законодательно предусмотренной процедуры вытеснения миноритариев (*squeeze-out*). Процедура принудительного выкупа акций миноритариев представляет собой очевидную угрозу их интересам, поскольку мажоритарный акционер может использовать свои возможности для установления заниженной цены выкупа²⁷⁶.

²⁷² Hetherington J.A.C. The minority's duty of loyalty in close corporations, Duke Law Journal, С. 935. URL: <http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2410&context=dlj> (дата обращения: 06.08.2019).

²⁷³ Gullickson R.G. Do Minority Shareholders Owe A Fiduciary Duty? It Depends // https://www.anthonystlund.com/uploads/1288/doc/AAL-2014May-Do_Minority_Shareholders_Owe_A_Fiduciary_Duty_It_Depends-Gullickson.pdf (дата обращения: 06.08.2019).

²⁷⁴ Такая позиция поддерживается судами штата Калифорнии. См. подробнее: *Anabtawi I., Stout L.* Указ. соч. С. 1266;

²⁷⁵ *Anabtawi I., Stout L.* Указ. соч. С. 1265.

²⁷⁶ Там же. С. 1271-1272.

Конечно, у такого подхода есть и противники, которые призывают расширить сферу применения фидуциарных обязанностей и распространить их на всех участников закрытых и публичных компаний, подобно тому, как фидуциарные обязанности распространяются на всех директоров в любой компании. В этом случае фидуциарные обязанности участников компаний будут скрытыми по своей природе (латентными) и проявятся только в случае, когда у конкретного участника появится возможность повлиять на исход принятия конкретного корпоративного решения по вопросу, в отношении которого у него есть личный интерес²⁷⁷.

Таким образом, несмотря на то, что единого подхода в праве США не существует, последние десятилетия в судебной практике американских судов наблюдается тенденция к расширению сферы применения фидуциарных обязанностей в отношении участников компании. При этом если таковые обязанности признаются, то они действуют в пользу как самой компании, так и остальных участников²⁷⁸.

2.2 Фидуциарные обязанности участников корпорации: опыт Германии

В соответствии с немецким правом акционеры компании обязаны лояльно относиться (*duty of loyalty*) (*Treupflicht*) к интересам самой компании, а также всех ее участников. При этом субъектами таких обязанностей являются мажоритарные и миноритарные участники как частной закрытой компании (*GmbH*), так и публичного акционерного общества (*AG*). Применение концепции фидуциарных обязательств к участникам компании подтверждает

²⁷⁷ Там же. С. 1295.

²⁷⁸ Прецедент, допускающий существование фидуциарных обязанностей перед другими акционерами (не компанией), был создан впервые в Калифорнии в 1969 г. (дело *Jones v. H.F. Ahmanson & Co.*, 1 Cal. 3d 93, 460 P.2d 464, 81 Cal. Rptr. 592 (1969), 83 Harv. L. Rev. 1904, 1906-7 (1970)). В этом деле суд признал, что непосредственно мажоритарий несет обязанность по отношению к миноритариям, тем самым корпорация, до того посредствующая в отношениях мажоритария с миноритарием, была устранена из этой связки. – См. Степанов Д.И. Ответственность акционера перед акционером: возможна ли постановка такой проблемы? // Корпоративный юрист. 2008. № 11. С. 18.

немецкий взгляд на социальные функции компании: она должна одновременно служить интересам всех участников²⁷⁹.

Законодательство Германии прямо не предусматривает фидуциарные обязанности участников компании, признание таких обязанностей за участниками стало результатом сложившейся судебной практики и применения судами общей нормы о добросовестном поведении (*Treu and Glauben, § 242 BGB*) к отношениям между участниками и компанией²⁸⁰.

Первоначально признавались только фидуциарные обязанности менеджеров и директоров компании. В 1975 году Верховный суд Германии (*BGH*) признал наличие *duty of loyalty* у участников закрытых корпораций (*GmbH*) (см. решение по делу *ITT*²⁸¹), а позднее – в 1988 году – также у участников акционерных обществ (*AG*)²⁸² (см. решение по делу *Linotype*²⁸³). Признание фидуциарных обязанностей мажоритарных участников явилось ответом на появление большего количества мажоритариев в немецких компаниях²⁸⁴, и стало серьезным инструментом защиты прав миноритариев.

Уже к 1995 году судебная практика распространила концепцию фидуциарных обязанностей и на миноритарных участников. В частности, в деле *Girmes* суд признал, что осуществление миноритарными акционерами права вето на общем собрании акционеров по решению, которое могло спасти компанию от ликвидации (а именно, по решению об уменьшении уставного

²⁷⁹ *Szentkuti D.* Minority shareholder protection rules in Germany, France and United Kingdom. L.L.M. short thesis. Central European University. Budapest. Hungary. March 2007. С. 18. URL: www.etd.ceu.hu/2007/szentkuti_daniel.pdf (дата обращения: 06.08.2019).

²⁸⁰ *Mäntysaari P.* Comparative Corporate Governance: Shareholders as a Rule-maker. Springer Science & Business Media. Springer Berlin - Heidelberg, 2005. С. 380.

²⁸¹ По делу *ITT* миноритарный акционер закрытой компании (*GmbH*) подал иск против мажоритарного акционера за нарушение им обязанностей лояльности в отношении компании. Суд обязал мажоритария возместить все убытки компании. См. *Mäntysaari P.* Указ. соч. С. 380.

²⁸² *Pistor K.* Columbia Law School and Chenggang Xu London School of Economics Fiduciary Duty in Transitional Civil Law Jurisdictions Lessons from the Incomplete Law. March 2002. С. 33. URL: http://www.ckgsb.edu.cn/uploads/professor/201607/15/PX_Fiduciary-Duty_02.pdf (дата обращения: 06.08.2019).

²⁸³ По делу *Linotype* суд пришел к выводу, что решение о ликвидации компании, принятое ее мажоритарным акционером, нарушает фидуциарные обязанности мажоритарного акционера в отношении миноритариев, поскольку решение о ликвидации было принято в ситуации, когда мажоритарный акционер имел намерение вывести часть активов компании в другую аффилированную ему компанию, а решение о слиянии этих компаний требовало согласия всех акционеров. См. *Pistor K.* Указ. соч. С. 33.

²⁸⁴ *Hill J.G., Thomas R.S.* Research Handbook on Shareholder Power. Edward Elgar Publishing. Northampton. Massachusetts. USA, 2015. С. 411.

капитала), является нарушением их фидуциарных обязанностей в отношении других акционеров²⁸⁵. Решение об уменьшении уставного капитала компании с предложенным коэффициентом не было поддержано миноритариями по той причине, что это привело бы к существенному размытию их долей. Суд усмотрел в действиях миноритариев эгоистические мотивы, недопустимые в ситуации, когда ставится под вопрос существование самой компании.

Исследователи едины во мнении, что распространение в судебной практике фидуциарных обязанностей на всех участников компании связано с возросшим влиянием отдельного участника на деятельность компании и интересы других участников. В этом смысле появление фидуциарных обязанностей участников является результатом появления у них возможности осуществлять значительный контроль над деятельностью компании²⁸⁶. И в этом случае применение фидуциарных обязанностей зависит от ответа на два вопроса: (1) осуществлял ли участник определяющий контроль за компанией; и (2) совершил ли участник злоупотребления в пользу своих собственных интересов, но в ущерб интересам компании²⁸⁷.

Последствия нарушения фидуциарных обязанностей могут различаться в зависимости от обстоятельств рассматриваемого дела. Так в случае нарушения фидуциарных обязанностей суд вправе присудить возмещение убытков, принудить к добросовестному осуществлению права, рассмотреть допущенное нарушение как основание для исключения участника из компании или как основание для признания решения акционеров недействительным и т.д.²⁸⁸

Завершая исследование фидуциарных обязанностей участников корпорации на примере США, Англии и Германии, хотелось бы отметить, что законодательство и судебная практика указанных стран сохраняют достаточно осторожный подход к распространению фидуциарных обязанностей на

²⁸⁵ Pistor K. Указ. соч. С. 34.

²⁸⁶ Pistor K. Указ. соч. С. 33.

²⁸⁷ Szentkuti D. Указ. соч. С. 18.

²⁸⁸ Там же. С. 18-19; Mäntysaari P., Указ. соч. С. 380.

участников корпорации. В странах общего права фидуциарные обязанности применяются к участникам на основании признания доверительного характера их взаимоотношений с корпорацией (по аналогии их применения к директорам и менеджерам), в то время как в праве Германии фидуциарные обязанности участников корпорации, выявленные судебной практикой, являются результатом распространения общей нормы о добросовестном поведении на все сферы общественных отношений, включая отношения внутри корпорации. В том же направлении идет развитие корпоративного права и Российской Федерации, о чем пойдет речь далее.

3. Особенности применения фидуциарных обязанностей к участникам хозяйственных обществ по российскому праву

Рецепция российским правом возможности применения фидуциарных обязанностей к участникам хозяйственных обществ была неоднозначно оценена в юридической литературе. Так Л.И. Петражицкий отмечал, что «акционер не имеет никаких прав требования по отношению к другим акционерам и не обязан по отношению к ним ни к чему»²⁸⁹.

Основные аргументы противников распространения фидуциарных обязанностей на участников хозяйственного общества следующие:

- (1) фидуциарные обязанности имеют место только тогда, когда между участниками договорного отношения существует доверие, и личности таких участников одинаково важны для каждого. Очевидно, что между хозяйственным обществом и его участниками, а также между самими участниками одного общества никакого доверия не возникает, участник является инвестором, осуществляющим предпринимательскую деятельность посредством юридического лица на свой страх и риск;
- (2) участники юридических лиц могут иметь только права в отношении общества, но не обязанности (фактически впервые судебная практика подтвердила наличие обязанности участника хозяйственного общества

²⁸⁹ *Петражицкий Л.И.* Акционерная компания. С.-Петербург. Тип. Министерства финансов (В. Киришбаума), 1898. С. 38-39.

не причинять вред этому обществу только в 2012 году применительно к ситуации исключения участника из общества с ограниченной ответственностью²⁹⁰); и

- (3) участники не являются представителями общества и/или других его участников общества (участники составляют орган управления общества, являющийся его частью, случаи, когда участник может действовать от имени общества, прямо предусмотрены законом, и относятся в основном к процессуальному представительству).

В качестве примера отрицательного отношения к признанию фидуциарных обязанностей участников общества в российском праве приведем мнение С.Д. Радченко: «Акционер, владеющий контрольным пакетом, не обязан заботиться о выгоде других акционеров: они не вкладывали деньги в покупку его акций. Более того, акционер при осуществлении своих корпоративных прав не обязан соизмерять такое осуществление с интересами других акционеров, так как обязательство, на основании которого миноритарный акционер приобрел свои акции, не может возлагать на мажоритарного акционера каких-либо обязанностей по отношению к миноритарии в силу п. 3 ст. 308 ГК РФ»²⁹¹.

Распространение принципа добросовестности в качестве одного из основных начал и принципов на все сферы взаимоотношений участников гражданского оборота привело к тому, что в ходе реформы гражданского законодательства о юридических лицах, появились специальные нормы закона на уровне ГК РФ²⁹², предусматривающие обязанности участников хозяйственных обществ не причинять вред своими действиями, а также действовать добросовестно и разумно. В юридической литературе существуют

²⁹⁰ См. п. 1 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 151 от 24.05.2012 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью» (далее - «Информационное письмо № 151») // СПС Консультант Плюс.

²⁹¹ Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М. Волтерс Клувер, 2010. С. 69.

²⁹² Проект Минэкономразвития России «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части приведения в соответствие с новой редакцией главы 4 Гражданского кодекса Российской Федерации)» предусматривает внесение аналогичных норм в ФЗАО и ФЗООО, но на данный момент проект не внесен в Государственную Думу Российской Федерации.

совершенно противоположные позиции относительно того, корректно ли в целом употребление квалификации некоторых корпоративных обязанностей участника в качестве фидуциарных²⁹³, а также если такое употребление допустимо, то какие именно обязанности участников могут быть отнесены к фидуциарным²⁹⁴.

Анализируя правовую природу фидуциарных обязанностей участников хозяйственных обществ по российскому праву хотелось бы отметить следующее. Следуя принятой терминологии, фидуциарные обязанности признаются именно обязанностями участника перед обществом. Но справедливо ли причислять фидуциарные обязанности к субъективным корпоративным обязанностям, которые наряду с субъективными корпоративными правами составляют основное содержание корпоративных правоотношений? Какие субъективные корпоративные права общества в этом случае противостоят фидуциарным обязанностям участников²⁹⁵?

²⁹³ В последнее время наиболее часто высказываются мнения относительно необходимости и перспективности развития концепции обязанностей в отношении участников хозяйственных обществ. См. например *Горбунов Е.Ю.* О договорах «продажи голосов» третьим лицам. // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9. С. 76-86. Однако ряд исследователей полагает, что обязанности, установленные российским корпоративным правом для участников хозяйственных обществ, не отвечают всем признакам «фидуциарности», в связи с этим «ссылка на фидуциарность выступает лишь фигурой речи и не более того». См. *Ломакин Д.В.* Еще раз о фидуциарности в гражданском праве. // Хозяйство и право. 2019. № 1. С. 23. Аналогичного мнения придерживается В.К. Андреев (см. *Андреев В.К.* По поводу одной статьи, претендующей на правильное восприятие новых положений ГК РФ о корпоративных отношениях // Юрист. 2016. № 9. С. 33 – 38).

²⁹⁴ Наибольшее количество споров вызывает возможность отнесения к числу фидуциарных обязанности не причинять вред обществу (со ссылкой на п. 1 Информационного письма № 151) и/или обязанности участвовать в деятельности общества (в частности, посещать общие собрания). О возможности отнесения таких обязанностей к числу фидуциарных говорили О.В. Гутников (см. *Юридические лица в российском гражданском праве: Монография. В 3 т. Общие положения о юридических лицах. Т. 1. Отв. ред. Габов А.В., Гутников О.В., Сеницын С.А., глава 4 (автор главы - Гутников О.В.).* М. ИНФРА-М, 2015. С. 326. URL: https://vk.com/doc6775871_438427327?hash=f72312d00ea9c32d0d&dl=a69f49ea23a9147a72 (дата обращения: 09.08.2019); А.А. Кузнецов (см. *Кузнецов А.А.* Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М. Статут, 2017. С. 28); А.Г. Карапетов (см. *Карапетов А.Г.* Исключение акционера или участника из общества: выбирая модель регулирования. С. 2. URL: https://m-logos.ru/img/Tezis_Karapetov_Iskluchenie_uchastnikov_16032015.pdf (дата обращения: 09.08.2019); Р.В. Макин (см. *Макин Р.В.* Некоторые аспекты фидуциарных обязанностей в корпоративном праве. // Акционерное общество. 2018. № 6. С. 68-74).

²⁹⁵ Необходимо отметить, что в юридической доктрине существует достаточно разработанная концепция в отношении субъективных прав, оправдывающая существование субъективных прав без встречной обязанности, так называемые секундарные права. Исторически выделение секундарных прав (*sekundare rechte*) связано с разработками немецких цивилистов XIX в. (Б. Виндшейд, Э. Зеккель, Э. Цительман и др.). См., например: *Зеккель Э.* Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 205 – 252. Отсутствие корреспондирующей обязанности (вместо которой возникает определенная связанность другого лица действиями управомоченного лица) не изменяет природу такого права как субъективного, представляющим собой меру дозволенного поведения управомоченного лица, установленную законом или соглашением сторон для удовлетворения его правомерных интересов.

Вследствие того, что фидуциарным обязанностям участников хозяйственного общества не корреспондируют никакие права самого общества, такие обязанности являются общеправовыми и заключаются в соблюдении нормы-принципа, обязывающей всех участников гражданских правоотношений действовать добросовестно (п. 3 ст. 1 ГК РФ)²⁹⁶. При этом фидуциарные обязанности носят императивный характер, любые изменения таких обязанностей (в основном - по инициативе участников общества) должны признаваться недействительными²⁹⁷.

Применение принципа добросовестности к участникам хозяйственных обществ выражается в российском праве в форме признания за ними обязанности не причинять вред, а также в случае приобретения участником фактической возможности определять действия общества, обязанности действовать в интересах общества разумно и добросовестно. Рассмотрим их подробнее.

В соответствии с п. 4 ст. 65.2 ГК РФ на участника корпорации налагаются следующие обязанности: (а) не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации; а также (б) не совершать действия (бездействие), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация.

Данные обязанности являются общими требованиями о добросовестном поведении любого участника хозяйственного общества. В соответствии с п. 1

Подробнее о природе вторичных прав в работах российских юристов см., например, *Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды. ВИЮН НКЮ СССР. М. Изд-во НКЮ СССР, 1940. Вып. III. С. 68, 69; Третьяков С.В. Формирование концепции вторичных прав в германской цивилистической доктрине // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 253 – 270; Богатырев Ф.О. Вторичное право на примере Постановления Президиума Верховного Суда России // Журнал российского права. 2005. № 2. // СПС Консультант Плюс; Бабаев А.Б. Вторичные права. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. Под общ. ред. В.А. Белова. М. Юрайт-Издат, 2007. С. 771. В отношении возможности существования вторичных обязанностей (т.е. по аналогии – обязанностей без встречных корреспондирующих прав) в юридической литературе делаются лишь осторожные намеки, никакой разработанной теории по данному вопросу не существует. См., например, *Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М. Статут, 2015.**

²⁹⁶ Аналогичное мнение поддерживает Д.В. Новак (см. *Новак Д.В. Добросовестность в корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 23).*

²⁹⁷ Аналогичный подход поддерживается и английскими юристами. См. *Eisenberg M.A. The Structure of Corporation Law. 89 Colum. L. Rev. 1461 (1989). С. 1469-1471. URL: <http://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3007&context=facpubs> (дата обращения: 06.08.2019).*

Постановления № 25 оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны²⁹⁸. Согласно п. 4 ст. 65.2 ГК РФ «другой стороной» является сама корпорация, интересы которой обязан учитывать каждый ее участник. Таким образом, рассматриваемые обязанности существуют исключительно перед обществом, а не перед другими его участниками. Следовательно, другой участник общества не вправе требовать их исполнения напрямую или применения ответственности за их неисполнение, за исключением случая, когда участник общества действует как законный представитель общества по некоторым видам корпоративных исков (а именно, по искам о возмещении причиненных корпорации убытков или о признании недействительными сделок, заключенных корпорацией (п. 1 ст. 65.2 ГК РФ)).

Ст. 12 ГК РФ в качестве общих последствий неисполнения обязанностей предусматривает, в частности, присуждение к исполнению обязанности в натуре, а также требование о возмещении убытков. Сложно представить возможность реализации требования о присуждении к исполнению обязанности в натуре в отношении обязанностей участника, предусмотренных п. 4 ст. 65.2 ГК РФ, поскольку данные обязанности сформулированы как запреты на совершение определенных действий. Следовательно, для возможности требования об исполнении таких обязанностей в натуре, такое требование должно быть заявлено до фактического нарушения, т.е. иметь предупредительный характер, что на практике представить довольно сложно²⁹⁹. В то же время требование о возмещении обществу убытков, причиненных участником, допустившим нарушение таких обязанностей, представляется доступным и наиболее вероятным способом защиты. Данное требование может быть заявлено как самим обществом, так и его участником, действующим в качестве законного представителя общества (косвенный иск)

²⁹⁸ Постановление № 25 // СПС Консультант Плюс.

²⁹⁹ Присуждение к исполнению обязанности в натуре даже в договорных отношениях применяется судами крайне редко и неохотно.

в порядке п. 1 ст. 65.2 ГК РФ и п. 3 ст. 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (далее - «АПК РФ»)³⁰⁰.

Другим негативным последствием нарушения участником хозяйственного общества обязанности действовать добросовестно и в интересах общества является возможность любого участника непубличного хозяйственного общества требовать в судебном порядке исключения участника, который своими действиями (бездействием) причинил существенный вред обществу либо иным образом существенно затрудняет его деятельность и достижение целей, ради которых оно создавалось, в том числе грубо нарушая свои обязанности, предусмотренные законом или уставом общества (п. 1 ст. 67 ГК РФ). В соответствии с п. 35 Постановления Пленума № 25 к таким нарушениям, в частности, может относиться систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании участников, лишаящее общество возможности принимать значимые хозяйственные решения по вопросам повестки дня общего собрания участников, если непринятие таких решений причиняет существенный вред обществу и (или) делает его деятельность невозможной либо существенно ее затрудняет; совершение участником действий, противоречащих интересам общества, в том числе при выполнении им функций единоличного исполнительного органа (например, причинение значительного ущерба имуществу общества, недобросовестное совершение сделки в ущерб интересам общества, экономически необоснованное увольнение всех работников, осуществление конкурирующей деятельности, голосование за одобрение заведомо убыточной сделки), если эти действия причинили обществу существенный вред и (или) сделали невозможной деятельность общества либо существенно ее затруднили.

Согласно сложившейся судебной практике исключения участника из общества с ограниченной ответственностью, где подобный институт

³⁰⁰ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

существует достаточно давно, применение указанной меры, связанной с лишением участника права на долю в уставном капитале общества, имеет исключительный характер и возможно только с целью устранить препятствия в функционировании общества, создаваемые действиями такого участника при осуществлении своих прав, и только тогда, когда последствия действий участника не могут быть устранены без лишения нарушителя возможности участвовать в управлении обществом³⁰¹. Судебная практика исключения акционера из непубличного акционерного общества подтверждает данный осторожный подход³⁰².

Таким образом, обязанность действовать добросовестно и соблюдать интересы общества лежит на всех участниках хозяйственного общества, в том числе на миноритарных, но такая обязанность существует только в отношении общества, а не других участников. Последствиями нарушения указанных обязанностей является требование о возмещении убытков либо исключение участника из общества, как способ прекращения корпоративных отношений.

В случае если участник общества приобретает дополнительные полномочия в отношении общества, а именно фактическую возможность определять его действия³⁰³, обязанности такого лица расширяются. В соответствии с п. 3 ст. 53.1 ГК РФ лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицу, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, а также членам коллегиальных органов такого юридического лица, обязано действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу.

³⁰¹ Информационное письмо № 151.

³⁰² Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 01.07.2015 № Ф06-24491/2015 по делу № А55-26417/2014; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.03.2017 № Ф08-811/2017 по делу № А32-31036/2015 // СПС Консультант Плюс.

³⁰³ В этом случае участник общества приобретает право управлять не только своим вкладом в уставный капитал общества, но и вкладами других участников, а также иным имуществом общества.

Определение понятия «лица, имеющего фактическую возможность определять действия юридического лица» в законодательстве отсутствует, имеющаяся судебная практика также не предлагает никаких критериев. Из буквального толкования указанной нормы в отношении круга лиц, подпадающих под ее действие, можно сделать следующие выводы:

- (1) закон не связывает наличие возможности определять действия юридического лица с участием в уставном капитале: такую возможность могут иметь как участники хозяйственного общества, так и третьи лица (возможно, кредиторы);
- (2) закон совершенно безразличен к основаниям возникновения возможности определять действия юридического лица: такая возможность может возникнуть в силу закона, учредительных документов юридического лица, договора (например, соглашения участников) и иных сделок, владения определенным процентом акций или долей в уставном капитале юридического лица, а также в силу иных допустимых законом оснований;
- (3) закон также не устанавливает, что возможность определять действия юридического лица должна быть постоянной или, например, длительной: это означает, что отдельные фактические случаи осуществления такой возможности (назовем их случаями «*ad hoc контроля*») также подпадают под действие рассматриваемой нормы;
- (4) закон предполагает, что фактическая возможность определять действия юридического лица по своему содержанию шире возможности давать указания органам управления юридического лица и включает в себя дополнительные полномочия. В этом смысле фактическая возможность определять действия юридического лица шире полномочий по осуществлению контроля над юридическим лицом.

Таким образом, если говорить о применении нормы п. 3 ст. 53.1 ГК РФ к участникам хозяйственного общества, то, безусловно, под действие данной

нормы попадают акционеры (участники) хозяйственных обществ при выполнении одного из следующих условий (или их комбинации):

- (1) владение определенным количеством акций (долей), при этом порог владения подлежит дополнительному выявлению и определению судом при рассмотрении конкретного дела. Поскольку структура уставного капитала может различаться, то правильнее в этом случае говорить не о конкретном проценте владения, а о владении большинством голосующих акций (долей) в уставном капитале. Безусловно, владение более 50% голосующих долей (или 50% плюс 1 голосующая акция) хозяйственного общества должно презюмировать наличие у лица фактической возможности определять действия общества³⁰⁴, владение меньшим количеством акций (долей) и оценка его достаточности для возникновения возможности определять действия общества должно рассматриваться отдельно для каждого конкретного случая³⁰⁵; и/или
- (2) закрепление дополнительных прав по управлению непубличным хозяйственным обществом в уставе такого общества, в договоре об осуществлении прав участников (акционеров) или ином гражданско-правовом договоре³⁰⁶, вне зависимости от доли владения такого лица в

³⁰⁴ В подтверждение данного вывода можно привести признаки «контролирующего лица» в ст. 61.10 Федерального Закона № 127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» или в ст. 81 ФЗАО. В соответствии с Федеральным законом № 266-ФЗ от 29.07.2017 «О внесении изменений в Федеральный Закон о несостоятельности (банкротстве) и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» презумпция наличия контроля в настоящее время предусмотрена также и для лиц, которые извлекают выгоду из незаконного или недобросовестного поведения руководства компании.

³⁰⁵ Можно предположить ситуацию публичного акционерного общества с большим количеством миноритариев, владеющих менее 1% акций, в таком случае владение пакетом в 10% голосующих акций может дать возможность определять действия юридического лица. В обществе с другой структурой уставного капитала владение 10% акций (без каких-либо дополнительных правомочий) не будет являться достаточным основанием для возникновения возможности определять действия общества. Обращаем внимание, что в соответствии с новыми поправками в Федеральный Закон о несостоятельности (банкротстве), вступившими в силу с 30.07.2017 (см. Федеральный закон № 266-ФЗ от 29.07.2017), лицо, которому принадлежит менее чем 10% уставного капитала юридического лица и получает только обычный доход, связанный с таким владением, не может быть признано контролирующим. При этом законодатель не конкретизирует, что понимается под «обычным доходом» таких миноритариев. Также согласно последней судебной практике отсутствие формального признака контроля (50% и более участия в уставном капитале) не препятствует установлению наличия иной фактической возможности определять решения, принимаемые обществом (см. Определение ВС РФ от 07.11.2018 № 305-ЭС18-12143 по делу № А40-113011/2017 // СПС Консультант Плюс).

³⁰⁶ Например, как будет указано ниже, в договоре о предоставлении опциона на выкуп до 100% долей в уставном капитале хозяйственного общества.

уставном капитале общества, в частности прав по голосованию, включая право вето, по назначению органов управления, по совершению определенных действий от имени общества и т.д.; и/или

- (3) любая разовая реализация правовой возможности определять действия юридического лица («*ad hoc контроль*»).

Последний пункт приводит нас к выводу, что под действие п. 3 ст. 53.1 ГК РФ подпадают все участники хозяйственного общества с момента приобретения ими членского статуса. Но условием применения указанных в данном пункте последствий является получение участником возможности определять действия юридического лица.

В случае же возникновения какой-либо ситуации предъявления требования о возмещении убытков, в первую очередь, необходимо доказать: (1) наличие у ответчика возможности определять действия юридического лица; (2) неразумное или недобросовестное поведение либо нарушение интересов юридического лица; а также (3) возникновение убытков у общества³⁰⁷, т.е. причинение действиями ответчика вреда обществу, включая причинно-следственную связь между действиями и убытками, а также (4) вину ответчика. Бремя доказывания всех этих пунктов ложится на плечи самого общества либо участника, защищающего интересы общества.

Судебная практика приводит следующие примеры квалификации участника в качестве лица, имеющего фактическую возможность определять действия общества: (1) лицо является единственным участником общества³⁰⁸; (2) норма ст. 53.1 может быть применена к участнику, владеющему долей в уставном капитале ООО в размере 33% (второму участнику принадлежат оставшиеся 67%), и одновременно являющемуся заместителем генерального директора общества с правом подписи всех хозяйственных документов

³⁰⁷ При этом получение участником общества какой-либо выгоды для себя лично, не разделенной с другими участниками, не имеет значения до тех пор, пока вред не возникнет у самого общества.

³⁰⁸ Постановление Седьмого Арбитражного Апелляционного суда от 23.03.2015 по делу № А27-6382/2014 // СПС Консультант Плюс.

общества)³⁰⁹; (3) для целей выявления сделок, в совершении которых имеется заинтересованность (полагаем, что данный подход может быть применен по аналогии и к п. 3 ст. 53.1 ГК РФ) лицом, имеющим право давать обязательные для общества указания признается лицо, которое приобрело опцион на право выкупа до 100% в уставном капитале общества и с которым по условиям о предоставлении опциона должны согласовываться действия по управлению таким обществом³¹⁰; (4) акционер – владелец 16,6% в уставном капитале акционерного общества был признан контролирующим лицом, дававшим обязательные для исполнения указания лицам, названным в пп. 1 и 2 ст. 53.1. ГК РФ (руководящему составу и членам коллективных органов управления), на том основании, что он продолжительное время занимал ключевые руководящие должности в обществе и являлся его конечным бенефициаром³¹¹.

Очевидно, что со временем судебная практика будет развиваться, предлагая все новые варианты квалификации фактической возможности участника определять действия общества для целей привлечения такого участника к ответственности по условиям п. 3 ст. 53.1 ГК РФ.

Норма п. 3 ст. 53.1 ГК РФ устанавливает обязанность исключительно перед обществом (не его участниками), за нарушение которой следует возмещение убытков, причинённых обществу³¹², по иску самого общества, его учредителей (участников), выступающих в интересах общества (косвенные иски) в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 65.2 ГК РФ и п. 3 ст. 225.1 АПК РФ. Несомненно, что нарушение обязанности, предусмотренной п. 3 ст. 53.1 ГК

³⁰⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.10.2015 по делу № А40-75714/13-134-707 // СПС Консультант Плюс.

³¹⁰ Постановление ФАС Центрального округа от 17.07.2013 по делу № А23-1803/12; Определение ВАС РФ от 30.05.2013 № ВАС-6178/13 по делу № А41-20269/12 // СПС Консультант Плюс.

³¹¹ В подтверждение контроля судом принимались показания работников, наличие у акционера рабочего кабинета в здании общества, участие акционера во всех важных переговорах от имени общества и позиционирование себя в качестве бенефициара общества. См. подробнее Решение Арбитражного Суда г. Москвы от 11.07.2016 по делу № А40-56167/2016. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/gFlsXg5085bP/> (дата обращения: 06.08.2019).

³¹² При этом существует судебная практика, согласно которой институт и механизм взыскания корпоративных убытков, несмотря на то, что убытки взыскиваются в пользу юридического лица, имеет целью защиту интересов его участников (акционеров). См. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28.09.2017 № 08АП-11121/2017 по делу № А70-826/2015 // СПС Консультант Плюс.

РФ, может также являться основанием для заявления требования об исключении из непубличного общества участника, допустившего нарушение, при соблюдении условий, необходимых для исключения.

Завершая рассмотрение порядка регулирования обязанностей участников хозяйственных обществ в российском праве, необходимо отметить следующее: вопреки отсутствию в юридической литературе единого мнения относительно возможности установления обязанностей участников (в том числе фидуциарных), законодатель, следуя общей логике распространения принципа добросовестности на все сферы гражданских правоотношений, вводит в качестве общего принципа обязанность не причинять вред обществу для каждого участника такого общества. В случае же если такой участник приобретает полномочия контроля над действиями общества, то его поведение должно оцениваться не только с позиций добросовестности, но и разумности. Обязанности участников существуют только перед обществом, а не другими участниками. В юридической литературе уже было высказано мнение, согласно которому основания ответственности участника перед другим участником должны расширяться³¹³. В качестве следующего этапа развития правового регулирования фидуциарных обязанностей участников возможность применения ответственности за их нарушение может быть расширена путем ее применения также по требованию других участников в свою пользу. Однако в настоящее время законодатель исходит из того, что нарушение участником общества его фидуциарной обязанности влечет убытки только у общества, а не у отдельных участников, и возмещение должно происходить только в пользу общества (и опосредованно в пользу всех участников), а не в пользу отдельного участника.

Фидуциарные обязанности участников хозяйственного общества наряду с запретом злоупотребления правом являются ограничением порядка осуществления участниками хозяйственных обществ принадлежащих им

³¹³ Степанов Д.И. Ответственность акционера перед акционером: возможна ли постановка такой проблемы? Корпоративный юрист. 2008. № 11. С. 8-23; Бойко Т.С. Ответственность участника хозяйственного общества перед другим участником. // Закон. 2017. № 3. С. 116-137.

корпоративных прав. Несмотря на единство целей указанных правовых институтов (а именно – воздействовать на недобросовестное поведение участников хозяйственных обществ), сферы их применения не пересекаются. В частности, исключить недобросовестное бездействие со стороны участника хозяйственного общества можно в результате применения концепции фидуциарных обязанностей, в то время как для пресечения недобросовестного осуществления корпоративного права необходимо использовать именно запрет злоупотребления правом³¹⁴.

³¹⁴ Далее в работе обосновывается позиция, согласно которой бездействие субъекта не может быть квалифицировано как злоупотребление правом (см. сноску 364).

ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫМИ ПРАВАМИ УЧАСТНИКАМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

§ 1. Общая характеристика злоупотреблений корпоративными правами

Злоупотребления участников хозяйственных обществ представляют собой разновидность общего злоупотребления субъективным правом, особенности которого связаны, во-первых, с субъектом, их допускающим (участником хозяйственного общества), и, во-вторых, с видом прав, злоупотребление которыми допускается (корпоративными правами).

Злоупотребление корпоративным правом участником хозяйственного общества совершается в рамках корпоративных правоотношений, имеющих относительную природу. Но данное обстоятельство не делает ответственность за злоупотребление корпоративным правом мерой договорной ответственности, прежде всего в силу особого самостоятельного статуса корпоративных правоотношений. Данное обстоятельство при этом отличает злоупотребление корпоративным правом и от деликтной ответственности, применяющейся в случае отсутствия какого-либо правоотношения между сторонами при нарушении абсолютных прав. Несмотря на это принципиальное теоретическое отличие злоупотребления правом от деликта, на практике стали появляться мнения, согласно которым злоупотребление корпоративным правом может быть признано разновидностью общегражданского деликта³¹⁵. Аргументом для такого вывода могут служить положения п. 3 ст. 67.3 ГК РФ о возможности для участников дочернего общества требовать возмещения основным обществом (являющимся участником того же общества) убытков, причиненных его действиями или бездействием дочернему обществу (в т.ч. и в результате злоупотреблений

³¹⁵ Интересным в этой связи представляется Заключение Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, подготовленное А.В. Егоровым, Р.С. Бевзенко, от 07.07.2017 по судебному делу ПАО «НК Роснефть» и ПАО АНК «Башнефть» против ПАО АФК «Система», в котором обосновывается возможность применения положений главы 59 ГК РФ к случаю причинения убытков обществу действиями его участника. URL: http://www.sistema.ru/fileadmin/user_upload/securities_info/zakljuchenie_egorova.pdf (дата обращения: 06.08.2019);

принадлежащими ему корпоративными правами), со ссылкой на общие нормы о деликтной ответственности (ст. 1064 ГК РФ). На основании указанной нормы ГК РФ появляется и соответствующая судебная практика³¹⁶. Мы полагаем, что обозначенная тенденция в силу указанного выше различия между злоупотреблением правом и общегражданским деликтом не может быть признана верной и требует соответствующей корректировки как на законодательном, так и на правоприменительном уровне. Взыскание убытков в случае злоупотребления корпоративным правом необходимо проводить на основании п. 4 ст. 10 ГК РФ и по правилам ст. 15 и ст. 393 ГК РФ.

В последнее время в юридической литературе обосновывается необходимость выделения особого вида корпоративной ответственности, существующей наряду с договорной и деликтной ответственностью. В рамках корпоративной ответственности обосновывается существование корпоративного деликта, отличающегося от общегражданского деликта, являющимся особым видом правонарушения, имеющим место в случае причинения вреда «относительным имущественным правам субъектов корпоративных отношений в связи с нарушением своих корпоративных обязанностей, связанных с управлением юридическим лицом»³¹⁷. Необходимо сказать, что данные предложения не подкрепляются анализом содержания данного понятия, выделением особых признаков корпоративного деликта, как самостоятельного вида корпоративной ответственности.

В настоящем исследовании мы остаемся на позиции, что злоупотребление корпоративным правом участником хозяйственного общества (как и злоупотребление любым субъективным правом) не может быть объединено с общегражданским деликтом, а является особым

³¹⁶ Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 30.08.2017 № А07-14085/17. URL: http://polileo.ru/wp-content/uploads/2017/09/AS_Bashkortastana_Ubyitki_Bashneft_A07-14085-2017.pdf (дата обращения: 06.08.2019); Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.02.2019 № Ф09-221/19 по делу № А07-12633/2018 // СПС Консультант Плюс.

³¹⁷ Гутников О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами. Дисс. на соискание ученой степени д.ю.н. М., 2018, С. 19; Также см. Синицын С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 91-131.

гражданским правонарушением. Злоупотребление корпоративным правом участником хозяйственного общества как правонарушение имеет следующие признаки: (1) противоправность, выражающаяся в нарушении установленных законом пределов осуществления корпоративных прав; (2) причинение вреда интересам других участников общества, самого общества или третьих лиц (контрагентов, кредиторов или членов органа управления общества); (3) вина участника хозяйственного общества, выражающая в форме умысла либо грубой неосторожности³¹⁸; и (4) причинно-следственная связь между противоправными действиями и причинением вреда. Правила установления вины (с учетом применения общегражданской презумпции добросовестности³¹⁹) и причинно-следственной связи не имеют в случае злоупотребления корпоративными правами своей специфики, определяются согласно общим подходам, принятым для любого гражданского правонарушения. Установление факта причинения ущерба и размера убытков также покрываются общими правилами, с одной только следующей особенностью. Учитывая основную цель деятельности хозяйственного общества как коммерческой организации, а также имущественный интерес участников хозяйственного общества, направленный на извлечение прибыли из своего участия, совершение действий по злоупотреблению корпоративными правами зачастую имеет имущественные последствия, выражающееся в причинении вреда (убытков) участникам хозяйственного общества, обществу в целом и/или третьим лицам.

Основная особенность злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственного общества связана с противоправностью указанных деяний. Именно анализу противоправности таких деяний посвящена глава III настоящего исследования.

«Нормы корпоративного права как положения специального частного права», - как справедливо замечает Е.А. Суханов, - «соотносятся с нормами

³¹⁸ См. подробнее пункт 3 § 2 главы I настоящего исследования.

³¹⁹ См. подробнее пункты 1 и 4.2 § 2 главы I настоящего исследования.

гражданского права (общего частного права) как *lex specialis* и *lex generalis*, т.е. корпоративные отношения при отсутствии специальных предписаний регулируются общими положениями гражданского права»³²⁰. За исключением указанных особенностей, являющихся предметом рассмотрения настоящей главы, злоупотребления участниками хозяйственных обществ принадлежащими им корпоративными правами регулируются ст. 10 ГК РФ, предусматривающей общий предел осуществления любого субъективного права в форме запрета на: (1) осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана); (2) действия в обход закона с противоправной целью; и (3) иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Злоупотребление правом может иметь место лишь при наличии у лица соответствующего права³²¹, что для целей настоящего исследования означает следующее: лицо, допускающее злоупотребление, должно быть участником хозяйственного общества и обладать корпоративными правами, возникающими у него с момента возникновения членства (участия) в хозяйственном обществе. В отсутствие правоотношения членства (участия) злоупотребление корпоративным правом не может быть установлено. Так, например, ошибочными следует признавать выводы суда в следующих случаях:

- (1) использование лицом права на созыв общего собрания акционеров, а также участие в общем собрании акционеров после того момента, как договор на приобретение акций таким лицом был признан в судебном порядке недействительным, является злоупотреблением правом (на наш взгляд, имеют место действия вне права, т.к. акционер лишился членского статуса, применение запрета злоупотребления правом в данной ситуации ошибочно)³²²;

³²⁰ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М. Статут. 2014. С. 51.

³²¹ П. 2 Информационного письма № 127.

³²² Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25.07.2006 № Ф08-3160/06 по делу № А22-1236/05/1-158 // СПС Консультант Плюс.

- (2) голосование на общем собрании акционеров акциями, выпуск которых был признан недействительным, но акции еще не аннулированы, является злоупотреблением правом (на наш взгляд, имеют место действия вне права, т.к. акционер лишился членского статуса, применение запрета злоупотребления правом в данной ситуации спорно)³²³.

Пределом осуществления корпоративного права участником хозяйственного общества, превышение которого признается злоупотреблением, является общее требование добросовестности. При этом формальное соблюдение требований законодательства не является достаточным основанием для вывода о том, что в действиях лица отсутствует злоупотребление правом³²⁴. В соответствии с п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников хозяйственных обществ и разумность их действий предполагаются. Согласно п. 1 Постановления № 25, оценивая действия участника как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника хозяйственного общества, который учитывает права и законные интересы другой стороны, содействует ей, в том числе в получении необходимой информации³²⁵. «Другой стороной» в случае злоупотребления корпоративным правом участником хозяйственного общества является само общество, иной участник такого

³²³ Постановление ФАС Московского округа от 10 ноября 2003 года по делу № КГ-А40/8806-03 // СПС Консультант Плюс.

³²⁴ Определение ВС РФ от 26.10.2015 № 304-ЭС15-5139 по делу А27-18141/2013 // СПС Консультант Плюс.

³²⁵ Аналогичные выводы см. в следующих судебных решениях: Определение ВС РФ от 20.09.2016 № 49-КГ16-18; Определение ВС РФ от 30.08.2016 № 78-КГ16-36; Определение ВС РФ от 09.08.2016 № 21-КГ16-7; Определение ВС РФ от 09.08.2016 № 21-КГ16-6; Определение ВС РФ от 19.07.2016 № 18-КГ16-61; Определение ВС РФ от 21.06.2016 № 78-КГ16-24; Определение ВС РФ от 14.06.2016 № 52-КГ16-4; Определение ВС РФ от 26.04.2016 № 45-КГ16-2; Определение ВС РФ от 19.04.2016 № 83-КГ16-4; Определение ВС РФ от 19.04.2016 № 9-КГ16-3; Определение ВС РФ от 19.04.2016 № 5-КГ16-51; Определение ВС РФ от 12.04.2016 № 19-КГ16-5; Определение ВС РФ от 29.03.2016 № 5-КГ16-28; Определение ВС РФ от 19.01.2016 по делу № 305-ЭС14-6072, А40-138793/2010; Определение ВС РФ от 19.01.2016 по делу № 305-ЭС15-8581, А40-138789/2010; Определение ВС РФ от 28.12.2015 № 308-ЭС15-1607 по делу № А63-4164/2014; Определение ВС РФ от 28.12.2015 № 306-ЭС14-3497 по делу № А12-8206/2009; Определение ВС РФ от 08.12.2015 № 34-КГ15-16; Определение ВС РФ от 08.12.2015 № 5-КГ15-179; Определение ВС РФ от 01.12.2015 № 4-КГ15-54; Постановление КС РФ от 27.10.2015 № 28-П; Определение ВС РФ от 25.09.2015 № 306-ЭС15-5083 по делу № А55-7712/2014; Определение ВС РФ от 15.09.2015 № 304-ЭС15-4914 по делу № А45-2250/2014; Определение ВС РФ от 07.07.2015 по делу № 78-КГ15-7 // СПС Консультант Плюс.

общества или третье лицо (например, контрагент общества, его кредитор, менеджер или директор общества) в зависимости от права, злоупотребление которым допускается.

В юридической литературе высказывались разные мнения на суть злоупотребления корпоративными правами. Так, например, Д.В. Гололобов и Г. Адамович видели суть злоупотребления корпоративными правами в их использовании в противоречии с интересами других участников хозяйственного общества с целью получения необоснованных преимуществ или выгод перед другими участниками³²⁶. Не согласен с указанным мнением С.Д. Радченко по той причине, что «осуществлять права акционера (участника) с нарушением прав других акционеров (участников) невозможно в силу отсутствия между ними правоотношения»³²⁷. Данный аргумент представляется спорным и не может быть применим к случаям, когда на возникновение корпоративных правоотношений между участниками общества прямо указывает закон (например, при осуществлении выкупа акций на основании публичной оферты, совершение участником действий, направленных на исключение другого участника из непубличного общества, заключения участниками общества корпоративного соглашения). С.Д. Радченко полагает, что основная особенность злоупотребления корпоративными правами состоит в том, что указанные права осуществляются в противоречии с общим корпоративным интересом, под которым он понимал интерес общества в целом, представляющим собой совокупность, единство интересов всех его участников³²⁸.

Существующая судебная практика выделяет в качестве оснований применения запрета злоупотребления правом совершение участниками следующих действий: (1) с нарушением прав и интересов других акционеров (участников); (2) в противоречии с интересами общества в целом; либо (3) с

³²⁶ Гололобов Д.В. Акционерное общество против акционера: противодействие корпоративному шантажу. М. Юстицинформ, 2004. С. 24-26; Адамович Г. Проблемы применения института злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях // Хозяйство и право. 2005. № 5. С. 60.

³²⁷ Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М. Волтерс Клувер, 2010. С. 69.

³²⁸ Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М. Волтерс Клувер, 2010. С. 69-70.

нарушением прав и интересов третьих лиц (контрагента, кредитора, директора) в случаях, когда участник имеет право действовать от имени общества. При этом, как отмечается в судебной практике, «выявить действительную волю лица, злоупотребившего правом, возможно при характеристике последствий реализации гражданских прав таким лицом, непосредственно связанных с его последующим поведением»³²⁹. Необходимо отметить, что злоупотребления участников общества с нарушением интересов третьих лиц возможны в исключительных случаях, когда участник на основании закона получает право действовать от имени общества и определять его взаимоотношения с третьими лицами. К ним относятся, в частности, (1) злоупотребления участников при принятии решения о реорганизации общества, когда такое решение нарушает права и интересы кредиторов общества и/или какой-либо группы участников общества в результате непропорционального перераспределения активов, пассивов и имущества общества между реорганизуемыми лицами (данный вид злоупотребления является злоупотреблением правом принимать решения на общем собрании участников и будет рассмотрен подробнее в пункте 1 § 3 главы III); (2) злоупотребления участников при оспаривании от имени общества сделок общества (см. подробнее п. 4.2 § 3 главы III); и (3) злоупотребления участников при предъявлении ими от имени общества требования о возмещении причиненных обществу убытков (статья 53.1 ГК РФ) по вине его директоров и других лиц, имеющих право управления обществом (см. подробнее п. 4.3 § 3 главы III; возможность привлечения к ответственности контролирующего участника на основании этой нормы рассмотрена в п. 3 § 5 главы II).

Интересы других участников, равно как и интересы третьих лиц, представляют собой сугубо субъективные потребности, зависящие от

³²⁹ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 02.06.2011 по делу №А19-12374/10 // СПС Консультант Плюс.

конкретных обстоятельств, в то время как интерес хозяйственного общества, как коллективного образования, заслуживает отдельного рассмотрения.

Хозяйственные общества, как юридические лица, признаются самостоятельными субъектами права, наделяются правами, которые они вправе осуществлять в своей воле и своем интересе (ст. 1 ГК РФ). Возможность наличия интереса хозяйственного общества закреплена на законодательном уровне. В юридической доктрине существует три основных подхода к пониманию интереса хозяйственного общества.

Во-первых, концепция самостоятельного интереса общества: интерес общества является отдельным от интересов его участников и носит самостоятельный характер. В этом смысле интерес общества является вмененным интересом, предустановленным законом и/или судебной практикой. Интерес общества в этом понимании статичен: он не меняется на протяжении всего периода его существования и деятельности. Впервые на законодательном уровне существование самостоятельного интереса юридического лица было обозначено в Постановлении КС РФ № 3-П от 24.02.2004³³⁰ следующим образом: «интересы акционерного общества в целом, в той мере, в какой они действуют для достижения общего для акционерного общества блага» могут быть, в том числе и основанием для отчуждения у части акционеров принадлежащего им имущества.

Позднее ВАС РФ в Постановлении № 62 от 30.07.2013³³¹ уточнил: «При определении интересов юридического лица следует, в частности, учитывать, что основной целью деятельности коммерческой организации является извлечение прибыли (п. 1 ст. 50 ГК РФ); также необходимо принимать во внимание соответствующие положения учредительных документов и решений органов юридического лица (например, об определении приоритетных направлений его деятельности, об утверждении стратегий и бизнес-планов и т.п.). Директор не может быть признан действовавшим в интересах

³³⁰ Постановление КС РФ от 24.02.2004 № 3-П // СПС Консультант Плюс.

³³¹ Постановление ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // СПС Консультант Плюс.

юридического лица, если он действовал в интересах одного или нескольких его участников, но в ущерб юридическому лицу».

Практические проблемы такого подхода заключаются в том, что он не допускает, не признает и отрицает возможность юридической защиты любых отклонений от заданного, «вменённого» интереса. Не учитываются ни специфика деятельности общества, ни возможность изменения интереса во времени, ни зависимость от внешних обстоятельств.

Во-вторых, концепция общего интереса, согласно которой интерес хозяйственного общества представляет собой объединение всех интересов его участников, выраженного в виде (а) суммы интересов всех участников (позиция С.Д. Радченко – см. выше); либо (б) среднего арифметического значения. Альтернативным является подход, согласно которому интерес хозяйственного общества должен определяться балансом интересов всех участников корпоративных отношений, приводя разнонаправленные интересы к консенсусу³³². Основным механизмом определения суммы интересов либо некоего среднего значения (или баланса интересов) является порядок принятия решения на общем собрании участников. По общему правилу, решение, принятое большинством, признается выражением воли хозяйственного общества по конкретному вопросу и определяет интерес такого общества.

Преимущество такой концепции заключается в том, что она способна отразить возможность изменения интереса хозяйственного общества в течение его деятельности, основанного на меняющихся предпочтениях и интересах участников такого общества. Ее минус состоит в том, что она работает только до тех пор, пока отсутствует конфликт интересов участников, когда установить сумму, общее значение или баланс интересов не представляется возможным. Единственный выход из подобной ситуации несогласия (дедлока) – определить интерес хозяйственного общества, следуя концепции вменённого интереса.

³³² *Никологорская Е.И.* Гражданско-правовая характеристика интересов акционеров и акционерного общества и их баланса // Дисс. на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2008. С. 152-154.

И наконец, третьим подходом к пониманию интереса хозяйственного общества является концепция интересов отдельных участников (или групп участников). В этом случае интерес хозяйственного общества приравнен к интересу какой-либо группы участников, в зависимости от того, какое субъективное право требует защиты³³³. Так интересом хозяйственного общества могут быть признаны, например, интересы мажоритарных участников. В указанном выше Постановлении Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П самостоятельные интересы акционерного общества были фактически отождествлены с интересами владельцев крупных пакетов акций, которые обеспечили вытеснение миноритариев в результате принятия решения о консолидации акций. Примером признания интересов миноритариев в качестве интереса хозяйственного общества может быть названа возможность исключения участника общества с ограниченной ответственностью, владеющего более 50% уставного капитала такого общества, по иску участника – владельца 10% уставного капитала, при условии, если: (а) устав такого общества не предусматривает право выхода, и (б) действия исключаемого участника привели к невозможности деятельности общества (фактически нарушили интересы общества)³³⁴.

Данный подход особым образом подчеркивает, что необходимость выявления интереса хозяйственного общества возникает в основном лишь тогда, когда речь идет о порядке осуществления того или иного субъективного права или защите уже нарушенного права. Применение данного подхода означает отрицание наличия в любой момент времени самостоятельного интереса хозяйственного общества, отдельного от интересов его участников. В зависимости от того, какое правоотношение рассматривается, необходимо находить его бенефициара, определять его интересы и признавать такие интересы в качестве интереса хозяйственного общества. Но интересы

³³³ Такой подход в юридической литературе обосновывается Д.И. Степановым (см. *Степанов Д.И.* Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 29 – 83).

³³⁴ П. 11 Информационного письма № 151.

бенефициара, которые, в конечном итоге, становятся интересами общества, предусмотрены законом либо выявлены судебной практикой, что в свою очередь, делает их вменёнными интересами и возвращает нас к первому подходу.

Следовательно, юридическое значение имеет только вменённый интерес хозяйственного общества. Использование любого другого подхода для выявления интереса хозяйственного общества превращает его в «спекулятивную» условную категорию. Вменённый интерес хозяйственного общества определяется законом либо судебной практикой в двух основных формах: (1) основан на цели деятельности (для хозяйственного общества как коммерческой организации целью деятельности признается извлечение прибыли и максимальная капитализация для общего блага всех участников); либо (2) отождествляется с интересами участников хозяйственного общества, требующими юридической защиты.

Возможные формы злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ определяются на основании общих положений ст. 10 ГК РФ и сводятся к (1) шикане; (2) действиям в обход закона с противоправной целью; или (3) иному заведомо недобросовестному осуществлению корпоративных прав. Основные характеристики указанных форм были рассмотрены в общей части, посвященной теоретическому исследованию понятия злоупотребления правом (пункт 3 § 2 главы I).

Таким образом, злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ является корпоративным правонарушением, регулируется общими нормами гражданского права в отношении порядка осуществления субъективного права. Особенности такого злоупотребления связаны с субъектом злоупотреблений, а также со сферой злоупотреблений и видом осуществляемых прав. С учетом данных особенностей, злоупотреблениями признаются действия участников хозяйственных обществ, направленные на осуществление принадлежащих им корпоративных прав с нарушением прав и интересов других участников (в том

случае, если соответствующие права и интересы подлежат защите на основании закона или положений договора), интереса общества в целом, имеющего природу вменённого интереса, предусмотренного законом, а также прав и интересов третьих лиц. Для правильного применения запрета злоупотребления правом на практике важно учитывать, что фактические действия, осуществляемые участниками хозяйственных обществ, не связанные с осуществлением корпоративных прав (физический недопуск на общее собрание, замена бюллетеней, подделка подписей, проведение параллельных собраний и др.), не могут быть квалифицированы в качестве злоупотребления правом, такие действия должны оцениваться в контексте применения иных норм права, в частности норм общегражданской деликтной ответственности и/или норм других отраслей права (уголовного, административного).

§ 2. Виды злоупотребления правом в зависимости от субъекта

Основной целью деятельности любого хозяйственного общества является извлечение прибыли, если все участники не договорились об ином. Участник хозяйственного общества, приобретая право членства в обществе и вкладывая прямо или опосредованно (в результате приобретения акций (долей) у других участников) свое имущество в уставный капитал этого общества, вступает в рисковое предприятие и действует как инвестор. Если общество заработает, то участник также получит прибыль либо путем получения дивидендов от общества, либо в результате увеличения стоимости принадлежащих ему акций (долей), если общество не заработает, то все убытки будут пропорционально разделены между всеми участниками согласно принадлежащим им долям. Размер заработанной прибыли или понесенных убытков зависит, в первую очередь, от размера доли, принадлежащей каждому участнику. По этому признаку традиционно различают владельцев крупных пакетов акций (долей) общества

(мажоритарных участников) и владельцев мелких пакетов акций (долей) общества (миноритарных участников)³³⁵.

Несмотря на единство цели миноритарных и мажоритарных участников (получить прибыль от своих инвестиций в акции (доли)), считается, что между ними существует конфликт интересов, который обостряется, в случае если у какого-либо участника появляется намерение достигнуть указанной цели не за счет роста прибыли общества и/или стоимости всех акций (долей) общества, а за счет получения необоснованных преимуществ или выгод перед другими участниками общества в ущерб их интересам и интересам общества в целом. Реализация указанного намерения в юридическом аспекте осуществляется в виде злоупотреблений корпоративными правами, принадлежащими миноритарному или мажоритарному участнику. Рассмотрим их подробнее.

1. Злоупотребления миноритарных участников

Миноритарными признаются участники, обладающие минимальной степенью корпоративного влияния на деятельность общества. В большинстве случаев миноритарии выступают в качестве «слабой» стороны корпоративных правоотношений, не проявляют никакой активности в деятельности общества, принимая выплату дивидендов, в случае принятия решения большинством на общем собрании участников, в качестве основного дохода от своих инвестиций в общество. Если же у миноритарного участника появляется намерение заработать на своих акциях (долях) больше, чем причитается ему в результате возможной выплаты дивидендов, то целями миноритария могут быть:

- (1) реализация (отчуждение) своих акций (долей) по цене, превышающей цену их приобретения; и/или
- (2) захват контроля над хозяйственным обществом в целом.

Первая из указанных целей может быть достигнута легче и быстрее, чем вторая, поэтому более распространена. Но в отсутствие публичного рынка

³³⁵ Подробнее о разделении всех участников общества на миноритариев и мажоритариев и анализе принадлежащих им корпоративных прав см. пункт 2 § 2 главы II.

обращения акций найти стороннего покупателя миноритарного пакета достаточно сложно. Если акции не обращаются на рынке и стороннего покупателя не найти, миноритарный пакет акций (долей) в обществе может заинтересовать только других участников того же общества, которые будут готовы заплатить миноритария за приобретаемые акции (доли) запрошенную им цену. Интерес других участников в приобретении миноритарного пакета может заключаться в увеличении принадлежащих им долей с целью достижения определенного порога владения, предоставляющего больше корпоративных прав; если процесс становится массовым, то имеет место скупка акций (долей). На практике также встречаются случаи, когда другие участники выкупают миноритария, неугодного им, по цене его требования. Очевидно, что подобные ситуации создаются самими миноритарными участниками, которые действуют во вред другим участникам и/или общества. В юридическом смысле это означает, что миноритарии используют принадлежащие им корпоративные права в ущерб интересам других участников и/или интересам общества в целом. В юридической литературе существует много названий для подобных явлений: «гринмейл» (*greenmail* – дословно «зеленая почта»), «корпоративный шантаж», в последнее время – активизм участников³³⁶. Несмотря на различные названия, все такие действия являются ничем иным как злоупотреблениями миноритарными участниками принадлежащими им корпоративными правами, запрещенными на основании ст. 10 ГК РФ.

Для реализации второй цели (а именно для захвата контроля над обществом) миноритария потребуются предпринять гораздо больше усилий,

³³⁶ Термин «активизм участников» (*shareholders' activism*) зародился в конце 90-х годов в странах системы общего права (Великобритании и США) для обозначения повышенной активности и заинтересованности участников, которыми, как правило, являются институциональные инвесторы (фонды, страховые компании и др.), в деятельности публичных компаний, акциями которых они владеют. До определенного момента по причине преобладания распыленной системы корпоративной собственности в указанных странах и публичного рынка обращения акций, роль акционеров как инвесторов воспринималась как пассивная. Считалось, что миноритарные акционеры, владеющие незначительным пакетом акций такой компании, передают управление компанией профессиональным директорам и менеджерам и не желают самостоятельно нести дополнительные расходы на управление компанией. Защита их прав обеспечивалась презумпцией наличия у всех акционеров единого интереса, заключающегося в увеличении стоимости акций компаний (см. подробнее *Anabtawi I., Stout L.* Указ. соч. С. 1267).

как физических, так и материальных. Как правило, миноритарии, которые ставят перед собой подобную цель, имеют определенный план действий, включающий в себя следующие основные этапы: (1) приобретение миноритарной доли владения в уставном капитале общества; (2) постепенная скупка акций (долей) у других участников общества (пассивных миноритариев); (3) смена директоров и остального менеджмента общества; (4) вытеснение оставшихся участников в обществе и приобретение всех 100% акций (долей) общества, если захват не останавливается на более ранней стадии. Действия по недружественному захвату общества могут быть также квалифицированы как злоупотребления участниками принадлежащими им корпоративными правами, которые запрещены на основании ст. 10 ГК РФ. Подтверждение данного вывода можно найти в российской судебной практике³³⁷.

Основные корпоративные права, злоупотребления которыми допускают миноритарные участники, это право на участие в управлении обществом (включая все входящие в него правомочия), право на информацию, а также право на предъявление исков в суд с требованием возмещения причиненных обществу убытков, или об оспаривании решений органов управления общества, или о признании сделки общества недействительной или применения последствий недействительности сделки и др. Необходимо сказать, что законодательное регулирование указанных прав в последнее время существенно ужесточилось. Так, например, существенно изменился порядок направления участником общества запроса на предоставление информации о деятельности общества: повысились пороги владения акциями для получения определенной информации; введена обязанность предоставлять обоснования запросов, указывать их деловую цель, если запрос направлен акционером, владеющим менее 25% голосующих акций общества; регламентированы сроки предоставления информации и порядок несения

³³⁷ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 10.10.2006 по делу № Ф08-5015/2006 // СПС Консультант Плюс.

расходов с возможностью установления уставом общества обязанности участника предварительно оплатить расходы на предоставление запрошенных документов и др. Также изменилось законодательное регулирование порядка предъявления участниками исков: сокращены сроки исковой давности (например, для обжалования решений органов управления общества с ограниченной ответственностью предусмотрен срок 2 (два) месяца со дня, когда участник узнал или должен был узнать о принятом решении и об обстоятельствах, являющихся основанием для признания его недействительным – п. 4. ст. 43 ФЗОО); введена необходимость принудительного присоединения других участников к поданному иску, предусмотрены сроки и порядок такого объединения (п. 2 ст. 65.2 ГК РФ, глава 28.2 АПК РФ), установлена презумпция действий участника в качестве представителя общества, от его имени и в его интересах и др.). Все указанные изменения направлены, прежде всего, на сокращение возможностей злоупотреблений участниками хозяйственных обществ соответствующими корпоративными правами.

Злоупотребления миноритариев с целью шантажа других участников сводятся в основном к необоснованному, неоднократному осуществлению принадлежащих им корпоративных прав: предъявление одних и тех же требований (например, о созыве общего собрания участников) несколько раз подряд, либо предъявление взаимоисключающих требований (например, требование о внесении вопроса в повестку дня собрания о прекращении полномочий членов совета директоров, чьи кандидатуры должны быть избраны на том же собрании), предъявление многочисленных исков в суд по различным основаниям, предъявление неоднократных требований о предоставлении информации и др. Все указанные действия направлены на дестабилизацию деятельности общества, созданию дополнительных затруднений для органов управления и менеджмента общества в управлении обществом, и на этом основании должны признаваться злоупотреблениями правом.

Объем прав каждого миноритария определяется размером принадлежащей ему доли в уставном капитале общества. Однако для осуществления некоторых прав (в частности, права на созыв общего собрания участников, права на внесение вопросов в повестку дня собрания в акционерном обществе) закон разрешает миноритариям объединять свои доли для достижения необходимо порога (2% для внесения вопросов в повестку дня общего собрания акционеров или 10% для созыва собрания как в акционерном обществе, так и в обществе с ограниченной ответственностью).

В том случае если речь идет о более сложной цели – недружественное поглощение общества – в дополнение к указанным вариантам злоупотреблений миноритарий также может предпринять действия с целью физического или юридического недопущения другого участника к управлению в обществе³³⁸. Безусловно, такие действия должны признаваться злоупотреблениями и не подлежат защите на основании ст. 10 ГК РФ.

Примером юридической «блокировки» мажоритария может служить следующий судебный спор. Несмотря на незначительную долю в уставном капитале, миноритарий обратился с иском в суд против основного участника и в рамках рассмотрения этого спора заявил ходатайство о принятии обеспечительных мер, запрещающих основному участнику голосовать на приближающемся общем собрании акционеров. После проведения собрания миноритарий также по ходатайству отменил обеспечительные меры и в скором времени заявил отказ от своего иска. Рассматривая данное дело, суд пришел к обоснованному выводу: «Ходатайство миноритарных акционеров о принятии мер по обеспечению иска в виде запрещения голосования принадлежащими на праве собственности акциями является достаточно

³³⁸ Возможность юридической блокировки деятельности хозяйственного общества, в частности путем получения обеспечительных мер, фактически запрещающих обществу проводить собрания участников (в т.ч. мер, запрещающих созыв общего собрания, составление списка лиц, рассылку материалов и бюллетеней для целей проведения собрания и др.) была пресечена на основании Постановления Пленума ВАС РФ от 09.07.2003 № 11 (см. Постановление Пленума ВАС РФ от 09.07.2003 № 11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров» // СПС Консультант Плюс).

распространенным способом злоупотребления правом, поэтому незаконность определения суда в части запрещения голосования акциями очевидна»³³⁹.

Миноритарий может воспрепятствовать другому участнику в принятии участия в общем собрании участников и/или голосовании на таком собрании с целью срыва собрания или непринятия определенного решения либо – только для акционерных обществ – с целью применения пониженного порога определения кворума для повторного собрания. По общему правилу, собрание акционеров правомочно, если в нем приняли участие владельцы более 50% голосующих акций (п. 1 ст. 58 ФЗАО). Для повторного собрания акционеров такой порог составляет уже 30% голосующих акций (п. 3 ст. 58 ФЗАО). При этом согласно разъяснениям ВАС РФ в случае наличия запрета акционеру голосовать по принадлежащим ему акциям, такие акции, тем не менее, должны учитываться при определении кворума для принятия решения по соответствующему вопросу³⁴⁰. Следовательно, для принятия решения на повторном собрании при явке 30% достаточно обладать самостоятельно либо совместно с другими миноритариями пакетом в размере более 15% голосующих акций. В результате реализации такой схемы и отсутствия мажоритарного акционера на первом и втором собраниях миноритарий сможет обеспечить принятие нужных ему решений, например, сменить директоров, менеджмент общества или внести нужные изменения в устав, таким образом приблизившись к недружественному захвату общества.

В практике корпоративных захватов достаточно хорошо известны и распространены случаи физического недопуска конкретных участников на собрание с привлечением служб охраны, проведение параллельных собраний в соседних помещениях, одно из которых является нелегитимным, неуведомления конкретных участников о предстоящем собрании, ведение двойных протоколов собрания или реестров участников, предъявление

³³⁹ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 23.01.2003 по делу № Ф08-5075/2002 // СПС Консультант Плюс.

³⁴⁰ П. 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.07.2003 № 72 «Обзор практики принятия арбитражными судами мер по обеспечению исков по спорам, связанным с обращением ценных бумаг» // СПС Консультант Плюс.

незаконного требования к совету директоров общества с целью получения его отказа и прав по самостоятельному созыву собрания и др. Но все указанные действия не являются осуществлением корпоративных прав, совершаются вне права, с выходом за его границы, являются обычными правонарушениями. По этой причине такие действия не могут быть признаны злоупотреблением правом и не будут рассматриваться в настоящем исследовании.

Таким образом, миноритарные участники допускают злоупотребления принадлежащими им корпоративными правами (в основном, неимущественными) с целью понуждения к выкупу своих акций (долей) по завышенной цене и/или недружественного захвата общества. Формами таких злоупотреблений, как правило, являются осуществление корпоративных прав исключительно с намерением причинить вред, в первую очередь, обществу и опосредованно через общество - другим участникам, а также третьим лицам (шикана) или иное недобросовестное осуществление таких прав.

2. Злоупотребления мажоритарных участников

Мажоритарные участники, в отличие от миноритариев, обладают существенной степенью влияния на деятельность общества, имеют возможность обеспечить необходимое большинство для голосования на собрании участников (и тем самым определяют решения, принимаемые обществом, в частности, решения о выплате и размере дивидендов, о назначении членов органов управления общества), получают полную информацию о деятельности общества и осуществляют общий контроль за деятельностью общества. Действуя как инвесторы, мажоритарии вносят дополнительные инвестиции в общество, стремятся повысить его прибыль, увеличить размер выплачиваемых дивидендов, обеспечить рост стоимости акций (долей) общества. Но выгоды от таких действий будут разделены между всеми участниками (включая миноритариев) пропорционально их долям владения.

При управлении обществом мажоритарии вынуждены считаться с позицией миноритарных участников (в том числе и пассивных участников): в

частности, без согласия миноритарных участников не могут быть одобрены некоторые сделки (сделки, в совершении которых имеются заинтересованность, или крупные сделки для общества с ограниченной ответственностью), в непубличном обществе приняты решения, требующие единогласного согласия всех участников (например, решения о реорганизации, ликвидации общества, об изменении компетенции общего собрания участников и др.). Какие-либо способы воздействия на миноритарных участников у мажоритария отсутствуют: миноритарии вправе осуществлять свои корпоративные права по своей воле и в своем интересе или не осуществлять вовсе.

Чтобы избежать раздела своих инвестиций между всеми участниками общества, мажоритарий может до определенного момента финансировать общество путем предоставления ему займов под условием их преимущественного (до выплаты дивидендов) возврата вместе с начисленными процентами. Но все сделки заемного финансирования являются, как правило, сделками, в совершении которых имеется заинтересованность основного участника или его аффилированных лиц, и по этой причине требуют согласования с миноритариями. Также при предоставлении заемного финансирования необходимо принимать в расчет правила «тонкой капитализации» и не нарушать баланс заемного и акционерного финансирования общества, чтобы значительно не увеличивать расходы общества на уплату налога на прибыль организаций (ст. 269 Налогового Кодекса Российской Федерации³⁴¹).

В ситуации, когда совместное сосуществование мажоритариев и миноритариев становится более невозможным, мажоритарные участники могут попытаться вытеснить миноритариев из общества либо существенно размыть их доли. В ФЗАО для публичных обществ предусмотрен механизм принудительного вытеснения миноритариев (*squeeze-out*) из общества по

³⁴¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

требованию лица, которое приобрело более 95% акций такого общества, при этом не менее 10% акций должно быть приобретено таким лицом на основании добровольного или обязательного предложения (ст. 84.8 ФЗАО). Если же мажоритарий не удовлетворяет указанным критериям или является участником непубличного общества, то такого механизма для него не существует. Взамен он может пытаться вытеснить или размыть миноритариев путем совершения злоупотреблений принадлежащими ему корпоративными правами. Например, мажоритарный акционер может прибегнуть к следующей схеме. Для того чтобы обеспечить приобретение не менее 10% акций на основании добровольного или обязательного предложения, мажоритарий может передать часть принадлежащих ему акций (но не менее 10% от их общего количества) в пользу третьего, не аффилированного с ним лица, но находящегося под его косвенным контролем. Впоследствии мажоритарий выкупает у такого лица все акции на основании добровольного или обязательного предложения и получает в собственность более 95% голосующих акций общества и право принудительного выкупа оставшихся миноритариев. Такая схема, безусловно, является злоупотреблением правом в форме обхода закона и должна быть пресечена судом.

В следующем примере участник общества с ограниченной ответственностью, которому принадлежит 83,66% в уставном капитале общества, принял решение о внесении вкладов в имущество общества всеми участниками общества пропорционально принадлежащим им долям (в том числе и миноритарием, которому принадлежат оставшиеся 16,34% от уставного капитала). Данное решение мотивировано необходимостью поправить финансовое состояние общества и избежать возможную ликвидацию общества. Миноритарий отказался от внесения вклада, в ответ мажоритарий обратился в суд с иском о взыскании с миноритария задолженности по внесению вклада в имущество общества. Однако суд, при рассмотрении спора, установил, что решение о внесении вкладов в имущество общества было принято с целью принудить миноритарного участника выйти

из общества, о чем свидетельствовала последующая переписка участников. При таких обстоятельствах действия мажоритария по принятию решения о внесении вкладов в имущество были признаны злоупотреблением правом, и на основании п. 2 ст. 10 ГК РФ в иске о взыскании с миноритарного участника денежного вклада в имущество общества было отказано³⁴².

Таким образом, мажоритарный участник может совершить злоупотребление правом, преследуя цель вытеснить миноритариев из общества и получить полный контроль над обществом. Как правило, у мажоритария отсутствует намерение причинить вред обществу либо третьим лицам (директорам и контрагентам) по той простой причине, что убытки в таком случае понесет в основном сам мажоритарий, как владелец крупного пакета акций (долей) общества. Формы злоупотребления правом мажоритария могут быть любыми из указанных в ст. 10 ГК РФ (шикана, обход закона либо иные недобросовестные действия).

§ 3. Виды злоупотребления правом в зависимости от осуществляемых корпоративных прав

1. Злоупотребления правом на участие в управлении хозяйственным обществом

Как было рассмотрено выше, право на участие в управлении является одним из основных корпоративных, членских прав участника хозяйственного общества и носит неимущественный характер. Право на участие в управлении состоит из отдельных самостоятельных правомочий, главным среди которых, безусловно, признается право на участие в голосовании по вопросам повестки дня общего собрания участников хозяйственных обществ (подробнее об этом см. пункт 1 § 4 главы II).

Существуют ли какие-нибудь пределы осуществления такого права или право на участие в управлении является ничем не ограниченным правом? Может ли акционер (участник) осуществлять принадлежащее ему право на

³⁴² Постановление ФАС Северо-Западного округа от 24.06.2003 по делу № А05-12464/02-590/17 // СПС Консультант Плюс.

участие в управлении исключительно по своему усмотрению и в своем интересе? Существует ли юридическая возможность понудить акционера (участника) к осуществлению своего права на участие в управлении или навязать ему сторонний интерес?

Российская судебная практика неоднократно приходила к выводу о невозможности принуждения или ограничения возможности голосования участника хозяйственного общества по своей воле и в своем интересе. Так ФАС Московского округа при рассмотрении спора об обязанности ответчика воздержаться от совершения действий по голосованию «против» и «воздержался» на общем собрании акционеров по вопросу утверждения проекта изменений в устав акционерного общества пришел к следующему выводу: в соответствии со ст. 31 ФЗАО «акционер, являющийся владельцем акций, вправе по своему усмотрению осуществлять свое право на голосование по вопросам, отнесенным к компетенции общего собрания», поэтому обязать акционера голосовать определенным образом невозможно³⁴³. К аналогичному выводу приходит и ФАС Западно-Сибирского округа, в котором суд проанализировал положения соглашения акционеров в отношении порядка осуществления прав голосования: «давая правовую оценку положению пункта 2.3 Соглашения, предусматривающего, что каждый акционер, вне зависимости от имеющихся у него в силу Устава или применяемого законодательства прав акционера Общества, прав голоса и прочих, принимает на себя обязательство всегда голосовать принадлежащими акциями либо совершать иные действия, которые необходимы для того, чтобы Общество, Совет директоров или Общее собрание акционеров полностью соблюдали все положения Соглашения акционеров; никто из акционеров не вправе истолковывать Устав или использовать принадлежащее им как акционерам Общества право голоса для того, чтобы осуществлять какие-либо действия, противоречащие Соглашению акционеров», суд правомерно указал, что «установления Соглашения по распоряжению акционерами своими правами

³⁴³ Постановление ФАС Московского округа от 16.04.2003 № КГ-А40/1855-03 // СПС Консультант Плюс.

по своему характеру являются отказом от прав, предоставленных им в соответствии с законодательством Российской Федерации. Такое установление противоречит п. 2 ст. 9 ГК РФ, п. 2 ст. 1 ГК РФ, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и является ничем иным как прямым вмешательством в суверенные права государства, нарушением конституционных принципов российского права, основ правопорядка Российской Федерации»³⁴⁴.

Возможность участника голосовать по своему усмотрению отмечается судами также в следующих судебных делах:

- (1) голосование акционеров по спорным вопросам повестки дня общего собрания акционеров определенным образом не может квалифицироваться по ст. 10 ГК РФ, поскольку направлено в первую очередь на принятие законного решения, отвечающего интересам данных акционеров³⁴⁵;
- (2) несовпадение мнений двух участников общества с ограниченной ответственностью по вопросу изменения его места нахождения не свидетельствует о злоупотреблении одним из них своим правом в смысле ст. 10 ГК РФ либо о создании препятствий для деятельности общества³⁴⁶;
- (3) недостижение между акционерами согласия при голосовании по вопросу о внесении изменений в устав акционерного общества не может рассматриваться как злоупотребление правом, поскольку действия акционера направлены на защиту своих прав, а не исключительно на причинение вреда другому лицу. Согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. В соответствии со ст. 9 ГК РФ

³⁴⁴ Постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 31.03.2006 № Ф04-2109/2005(14105-А75-11), Ф04-2109/2005(15210-А75-11), Ф04-2109/2005(15015-А75-11), Ф04-2109/2005(14744-А75-11), Ф04-2109/2005(14785-А75-11) по делу № А75-3725-Г/04-860/2005 // СПС Консультант Плюс.

³⁴⁵ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 05.10.2009 по делу № А28-13712/2008-393/32 (поддержано Определением ВАС РФ от 21.01.2010 № ВАС-18003/09); Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 05.10.2009 по делу № А28-13392/2008-372/9 // СПС Консультант Плюс.

³⁴⁶ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 10.09.2010 по делу N А63-18705/2009 // СПС Консультант Плюс.

граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права. Обязав акционеров участвовать в общем собрании акционеров и голосовать определенным образом, суд нарушил указанные нормы гражданского законодательства³⁴⁷.

Однако несмотря на то, что действующее гражданское законодательство руководствуется принципами беспрепятственного осуществления права (ст. 1 ГК РФ) по усмотрению управомоченного лица (ст. 9 ГК РФ), в условиях существования и деятельности любого субъекта в рамках социума «абсолютная свобода правообладания»³⁴⁸, как мера его возможного поведения, является недопустимой. Правовые нормы призваны регулировать процесс осуществления любого субъективного права, которым, безусловно, является и любое корпоративное «членское» право, в частности, право на участие в управлении делами корпорации. Регулирование процесса осуществления права возможно только с помощью установления пределов (границ) субъективного права. Таким образом, «границы – это неотъемлемое свойство субъективного права, ибо при отсутствии таких границ право превращается в свою противоположность – в произвол и перестает быть правом»³⁴⁹. Данные рассуждения приводят нас к выводу, что подобная логика должна быть применима, в том числе и к порядку осуществления участниками принадлежащего им правомочия голосования на общем собрании участников, и в целом - корпоративного права на участие в управлении. Иными словами, право на участие в управлении не может быть ничем не ограничено, поскольку такое право часто осуществляется в условиях конкуренции интересов субъекта этого права (акционера / участника), интересов хозяйственного общества, как отдельного субъекта гражданских правоотношений, интересов других участников того же общества, интересов лиц, осуществляющих

³⁴⁷ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 31.03.2003 № А44-1423/02-С12 // СПС Консультант Плюс.

³⁴⁸ Термин использован Лазаревым В.В. (см. *Лазарев В.В.* Указ. соч. С. 323).

³⁴⁹ *Лазарев В.В.* Указ. соч. С. 322.

полномочия органов управления этого общества, а также законодательно признаваемых интересов третьих лиц, в основном, интересов кредиторов.

Пределы осуществления права на участие в управлении хозяйственным обществом установлены в ст. 10 ГК РФ. В судебной практике можно встретить следующие примеры квалификации действий по осуществлению права на участие в управлении хозяйственным обществом в качестве злоупотребления правом по ст. 10 ГК РФ:

- (1) требование акционера о включении в повестку дня общего собрания акционеров вопроса о досрочном прекращении полномочий членов совета директоров, избранных на указанные должности на том же общем собрании акционеров, может привести к дестабилизации хозяйственной деятельности общества. Поэтому действия акционера, направленные на включение указанного вопроса в повестку дня общего собрания акционеров, и решение совета директоров, удовлетворяющее такое требование акционера, являются злоупотреблением правом на основании ст. 10 ГК РФ (основание – цель в виде дестабилизации деятельности общества)³⁵⁰;
- (2) предъявление требования о созыве четвертого общего собрания акционеров по тому же вопросу является злоупотреблением правом со стороны акционера (основание – цель в виде дестабилизации деятельности общества)³⁵¹;
- (3) определение в уставе или внутреннем документе акционерного общества в качестве места проведения общего собрания акционеров населенных пунктов, находящихся вне пределов Российской Федерации, по смыслу ст. 10 ГК РФ может быть квалифицировано судом как злоупотребление правом (основание – нарушение прав

³⁵⁰ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 06.03.2007 № Ф08-917/2007 по делу № А53-8797/2006-С4-28; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 31.10.2006 № Ф08-5490/06 по делу № А53-3154/2006-С4-11 (поддержано Определением ВАС РФ от 26.02.2007 № 1716/07) // СПС Консультант Плюс.

³⁵¹ П. 4 Информационного письма № 127.

- акционеров на равный доступ к участию в общем собрании акционеров)³⁵²;
- (4) внесение в устав общества с ограниченной ответственностью положений о дополнительном праве отдельных участников избирать генерального директора общества, в результате чего другие участники такого права лишаются, является злоупотреблением правом, не подлежащим судебной защите (основание – нарушение принципа равенства прав участников и действия во вред интересам других участников)³⁵³;
- (5) принятие решение о внесении дополнительного вклада в уставный капитал общества с целью принудить другого участника к выходу из общества является злоупотреблением правом (основание – цель в виде вытеснения участника из общества)³⁵⁴;
- (6) принятие решения об увеличении уставного капитала с единственным намерением – перераспределить между акционерами голоса на общем собрании акционеров не соответствует целям размещения привилегированных акций, предусмотренных в ФЗАО (основание – перераспределение корпоративного контроля над обществом)³⁵⁵;
- (7) принятие участником решения о невыплате дивидендов по привилегированным акциям с целями получения корпоративного контроля над обществом и воспрепятствования иным миноритарным участникам получить дивиденды³⁵⁶;
- (8) голосование участников общества с ограниченной ответственностью против внесения изменений в учредительный договор, отражающих смену участников такого общества, при соблюдении требований

³⁵² П. 5 Информационного письма № 127.

³⁵³ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 05.04.2007 № Ф08-1716/2007 по делу № А32-66585/2006-45/54 // СПС Консультант Плюс.

³⁵⁴ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 24.06.2003 по делу № А05-12464/02-590/17// СПС Консультант Плюс.

³⁵⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 06.04.2010 № 17536/09 по делу № А51-11603/200844-328 // СПС Консультант Плюс.

³⁵⁶ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 01.10.2013 по делу № А53-3054/2013; Определение ВАС РФ от 28.10.2013 № ВА-14817/13 // СПС Консультант Плюс.

законодательства о совершении уступки долей является формой злоупотребления правом (основание – цель в виде дестабилизации деятельности общества)³⁵⁷;

- (9) отказ участника общества с ограниченной ответственностью участвовать в общем собрании участников и голосовать долей в размере 38,5% при единогласном желании остальных участников принять соответствующие решения свидетельствует о намеренном блокировании возможности внесения изменений в учредительные документы общества со стороны такого участника и является злоупотреблением правом (основание – цель в виде дестабилизации деятельности общества)³⁵⁸;
- (10) принятие решения о реорганизации хозяйственного общества с целью (а) неправомерного распределения активов и доходов общества между участниками; и/или (б) сокрытия имущества общества от обращения взыскания на него по требованиям кредиторов; и/или (в) уклонения от погашения долгов является злоупотреблением правом (основание – нарушение прав участников общества и его кредиторов)³⁵⁹; и
- (11) принятие единственным участником решения о добровольной ликвидации общества, имеющего задолженность по налоговым платежам является злоупотреблением правом (основание – нарушение прав кредиторов общества)³⁶⁰.

Указанные выше примеры наглядно демонстрируют, что запрет злоупотребления правом является пределом осуществления права на участие

³⁵⁷ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 26.03.2008 № Ф08-1390/08 по делу № А20-2178/2006 (поддержано Определением ВАС РФ от 11.07.2008 № 8390/08) // СПС Консультант Плюс.

³⁵⁸ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 27.06.2007 № Ф08-3883/2007 по делу № А53-6703/2006-С4-50 (поддержано Определением ВАС РФ от 24.09.2007 № 11581/07) // СПС Консультант Плюс.

³⁵⁹ Постановление ФАС Поволжского округа от 23.05.2011 по делу № А55-30072/2009; Постановление ФАС Уральского округа от 21.10.2003 № Ф09-2966/2003-ГК по делу № А47-2428/2003; Постановление ФАС Уральского округа от 25.07.2002 № Ф09-171/02-ГК по делу № А50-10978/01; Постановление ФАС Центрального округа от 26.11.2002 № А36-183/8-02; Постановление ФАС Уральского округа от 06.07.2004 № Ф09-2016/04-ГК по делу № Ф07-17728/03 // СПС Консультант Плюс.

³⁶⁰ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 09.08.2004 № Ф08-3412/04-1311А по делу № А22-126/04-13-5 // СПС Консультант Плюс.

в управлении хозяйственным обществом и активно применяется судами. Основания для его применения можно объединить следующим образом: (1) нарушение прав других акционеров (участников) на участие в управлении обществом (в том числе создание юридических препятствий для принятия участия в общем собрании участников, принуждение к выходу из общества, перераспределение корпоративного контроля); (2) создание препятствий для деятельности общества, т.е. действия в противоречие с интересами общества в целом; и (3) нарушение прав и интересов кредиторов общества.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос возможности применения запрета злоупотребления правом к осуществлению участником хозяйственного общества своего права голосования в отношении принадлежащих ему акций (долей). Анализ ст. 10 ГК РФ и соответствующей судебной практики показывает, что при некоторых обстоятельствах недобросовестное осуществление такого права может расцениваться в качестве злоупотребления правом. Дополнительно, в рамках недавно состоявшейся реформы корпоративного законодательства законодатель предусмотрел следующие механизмы, позволяющие принудить участника к голосованию (в том числе голосованию определенным образом):

- (1) законодатель прямо допустил возможность заключения соглашений акционеров / участников, которые могут предусматривать обязанность сторон голосовать определенным образом на общем собрании участников, согласовывать вариант голосования с другими акционерами / участниками (ст. 67.2 ГК РФ, ст. 32.1 ФЗАО, п. 3 ст. 8 ФЗООО, ст. 30 ФЗРЦБ), при этом такое соглашение не может обязывать его участников голосовать в соответствии с указаниями органов общества (ст. 67.2 ГК РФ);
- (2) законодатель ввел обязанность участника участвовать в принятии корпоративных решений, без которых хозяйственное общество не может продолжать свою деятельность, если его участие необходимо для принятия таких решений (п. 4 ст. 65.2 ГК РФ), при этом согласно

разъяснениям ВС РФ к таким решениям, в частности, относятся решения о назначении единоличного исполнительного органа или членов совета директоров, а также о внесении изменений в устав, если они требуются в соответствии с законом и без их внесения корпорация не сможет продолжать свою деятельность³⁶¹.

Обязанность участвовать в принятии корпоративных решений, которая добавилась к праву участвовать в управлении обществом, вызывала много споров и обсуждений в юридической литературе³⁶². В целом, с учетом ограничений, установленной в самой статье, и разъяснений ВС РФ данная норма воспринимается учеными – цивилистами как положительное нововведение, цель которой - устранить возможность «парализовать» деятельность общества³⁶³.

На наш взгляд, введение такой обязанности позволяет предотвратить ситуации, в отношении которых могла не применяться норма ст. 10 ГК РФ³⁶⁴, а именно ситуации бездействия со стороны участника хозяйственного общества в тех случаях, когда такое бездействие противоречит общим

³⁶¹ П. 34 Постановления № 25.

³⁶² Пример отрицательного отношения к превращению права в обязанность см. в статье *Вайнан В.А.* Влияние судебной реформы и изменений в ГК РФ на предпринимательскую деятельность // Вестник арбитражной практики. 2014. № 5. С. 3 - 14. Также настороженно отнеслась к введению этой новой обязанности А. Кучер (см. статью *Михалёвой А.* От ВС ждут разъяснений «корпоративных» новелл ГК. URL: http://pravo.ru/court_report/view/110273/ (дата обращения: 06.08.2019).

³⁶³ *Шиткина И.С.* Реформа российского корпоративного законодательства: анализ новелл, внесенных в главу 4 ГК РФ «О юридических лицах» (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение Право и Бизнес. 2014. № 4. С. 2 – 20; *Микрюков В.А.* Формирование высшего органа управления корпорации // Законодательство и экономика. 2015. № 4. С. 19 – 25.

³⁶⁴ В юридической литературе существуют две противоположные точки зрения относительно того, может ли бездействие быть признано злоупотреблением правом. Ряд ученых придерживаются мнение, что злоупотребление правом в форме бездействия возможно (см. *Волков А.В.* Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом // Юрист. 2013. № 8. С. 3-7; *Волков А.В.* О совершенствовании ст. 10 ГК РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 5. С. 73-80, *Ломакин Д.В.* Корпоративный интерес и осуществление права на участие в управлении хозяйственным обществом. // Хозяйство и право. 2014. № 4. С. 16.). *О.А. Поротикова*, наоборот, полагает, что применение ст. 10 ГК РФ к случаям бездействия невозможно, поскольку «бездействие – не есть осуществление права» (см. *Поротикова О.А.* Указ. соч. С. 10). В настоящей работе поддерживается позиция, высказанная *О.А. Поротиковой*, по той причине, что бездействие является не осуществлением права, а воздержанием управомоченного лица от осуществления своего права - само осуществление права в случае бездействия отсутствует. Злоупотребление же правом может иметь место только при его осуществлении, совершении активных действиях управомоченным лицом. Оценку бездействия критериям добросовестности необходимо проводить либо на основании применения общего принципа добросовестности и ее презумпции либо, в случае наличия соответствующей обязанности (как в обсуждаемой ситуации), на основании исполнения лицом такой обязанности.

интересам общества, и является на этом основании недобросовестным поведением, запрещенным согласно ст. 10 ГК РФ. Следует отметить, что в практике существуют прецеденты, когда суд применял запрет злоупотребления правом в отношении недобросовестного бездействия со стороны участника общества. Например, суд признавал злоупотреблением бездействие участника общества с ограниченной ответственностью, выразившееся в его неявке на очередное общее собрание участников, а также его голосование на годовом общем собрании участников общества «против» по вопросам (а) внесения изменений в учредительный договор и устав общества, и (б) увеличения уставного капитала общества, является злоупотреблением правом³⁶⁵. Также злоупотреблением было признано систематическое уклонение участника общества от принятия решения по вопросам, требующим единогласного решения, в результате которых общество не может привести учредительные документы в соответствие с действующим законодательством³⁶⁶. Данная практика не может быть признано верной, с учетом невозможности признания бездействия способом злоупотребления правом³⁶⁷.

Таким образом, осуществление права на принятие корпоративных решений с нарушением пределов добросовестности должно запрещаться на основании ст. 10 ГК РФ, в то время как неосуществление такого права (что также может быть квалифицировано как недобросовестное бездействие) должно пресекаться на основании п. 4 ст. 65.2 ГК РФ.

По вопросу о соотношении ст. 10 и п. 4 ст. 65.2 ГК РФ в юридической литературе обнаруживается еще одна интересная точка зрения: В.К. Андреев пишет, что *«неисполнение названных обязанностей участника хозяйственного общества (имеются в виду обязанность участвовать в принятии определенных корпоративных решений и обязанность не совершать действий (бездействия), которые противоречат достижению целей, ради которых*

³⁶⁵ Постановление ФАС Московского округа от 27.12.2004 № КГ-А40/12233-04 // СПС Консультант Плюс.

³⁶⁶ Постановление ФАС Поволжского округа от 08.09.2005 № А72-7960/04-23/395 // СПС Консультант Плюс.

³⁶⁷ Подробнее см. сноску 364.

создано хозяйственное общество, предусмотренные п. 4 ст. 65.2 и п. 2 ст. 67 ГК РФ – прим. автора), при сопоставлении с правом его участия в делах общества представляет собой злоупотребление правом по участию в управлении делами общества по аналогии со ст. 10 ГК РФ. ... Несоблюдение названных обязанностей может привести к запрету судом осуществлять подобные действия (бездействие) участником хозяйственного общества»³⁶⁸. На наш взгляд, данное мнение, что ст. 10 ГК РФ должна применяться, в том числе и к исполнению обязанностей, является спорным. В настоящее время в юридической литературе ведется спор относительно того, возможно ли злоупотребить своими обязанностями. Противники идеи злоупотребления обязанностями ссылаются на то, что ст. 10 ГК РФ говорит лишь об осуществлении, употреблении права, но никак не об исполнении обязанности. Так Д.В. Ломакин утверждает, что «употребить право во зло может только управомоченное лицо, но не обязанное»³⁶⁹. Сторонники же подобной идеи предлагают увидеть в каждой обязанности «микрораво» на исполнение этой обязанности соответствующим образом, поэтому в случае исполнения обязанности в противоречии с принципами добросовестности, происходит выход за пределы осуществления такого «микрораво»³⁷⁰. Отметим, что необходимость распространения запрета злоупотребления правом, в том числе и на обязанности, была предусмотрена в Проекте Концепции³⁷¹. Также можно найти судебную практику, согласно которой ст. 10 ГК РФ закрепляет принцип недопустимости (недозволенности) злоупотребления правом и определяет общие границы (пределы) гражданских прав и обязанностей³⁷². На наш взгляд, для расширительного толкования нормы ст. 10 ГК РФ и

³⁶⁸ Андреев В.К. Права, обязанности и ответственность участников хозяйственного общества // Гражданское право. 2016. № 1. С. 3 – 5.

³⁶⁹ Ломакин Д.В. От корпоративного интереса через злоупотребление корпоративным правом к корпоративному спору // Корпоративный юрист. 2006. № 2. С. 31.

³⁷⁰ Подробнее об этом см. Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом // Юрист. 2013. № 8. С. 3-7.

³⁷¹ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4. С. 6.

³⁷² Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 18.08.2011 по делу № А33-18269/2009 // СПС Консультант Плюс.

распространения ее действия на процесс исполнения обязанности в законе, к сожалению, нет никаких оснований. Текст ст. 10 ГК РФ говорит только об осуществлении права и предусматривает последствия в виде отказа в защите права (а не обязанности) и возможности требовать возмещения убытков, в случае нарушения права другого лица (а не по причине недобросовестного исполнения обязанности). Для защиты от недобросовестного исполнения или неисполнения обязанности есть иные механизмы, предусмотренные законодательством: как в случае с правом на участие в управлении – обязанность принимать участие в принятии корпоративных решений, последствием неисполнения или ненадлежащего исполнения которой может быть обязанность возмещения причиненных убытков по общим правилам обязательственного права (ст. 393 ГК РФ).

Рассматривая процедуру осуществления права на участие в управлении хозяйственным обществом, стоит также обратить внимание на некоторые последствия и иные ограничения, предусмотренные действующим законодательством для случаев осуществления права на участие в управлении обществом определенным образом. Речь идет, прежде всего, о следующих нормах:

- (1) п. 3 ст. 53.1 ГК РФ предусматривает, что лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицу, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, а также членам коллегиальных органов такого юридического лица, обязано действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу;
- (2) п. 1 ст. 75 ФЗАО предусматривает выкуп обществом акций у акционеров, не согласных с определенными корпоративными решениями: о реорганизации общества, о совершении крупной сделки или о внесении изменений в устав общества, ограничивающих права

акционеров, о прекращении публичного статуса общества и делистинге акций общества;

- (3) п. 1 ст. 67 ГК РФ предусматривает право любого участника непубличного хозяйственного общества (ст. 10 ФЗОО признает такое право только за участником(-ами), доля которого(-ых) составляет не менее 10% уставного капитала общества) требовать исключения другого участника из такого общества (в судебном порядке с выплатой ему действительной стоимости его доли участия, если такой участник своими действиями (бездействием) причинил существенный вред обществу либо иным образом существенно затрудняет его деятельность и достижение целей, ради которых оно создавалось, в том числе, грубо нарушая свои обязанности, предусмотренные законом или учредительными документами общества).

Норма п. 3 ст. 53.1 ГК РФ устанавливает обязанность, за нарушение которой следует возмещение убытков, причинённых обществу, по иску самого общества, его учредителей (участников), выступающих в интересах общества (косвенные иски). Запрет злоупотребления и последствия его нарушения³⁷³ к случаям нарушения данной обязанности не может применяться в силу отсутствия осуществления права. Подробный анализ указанной нормы см. в пункте 3 § 5 главы II настоящего исследования.

Частным случаем по отношению к норме п. 3 ст. 53.1 ГК РФ являются закрепленные в п. 3 ст. 67.3 ГК РФ положения о праве участников дочернего общества требовать возмещения основным обществом (являющегося лицом, имеющим фактическую возможность определять действия дочернего общества) убытков, причиненных его действиями или бездействием дочернему обществу, со ссылкой на общие нормы о деликтной ответственности (ст. 1064 ГК РФ).

³⁷³ Применение последствий нарушения ст. 10 ГК РФ (отказ в защите права и требование о возмещении убытков) представляется в данном случае излишним. Отказ в защите права не может быть применен, поскольку речь идет об обязанности. Возмещение убытков прямо предусмотрено самой ст. 53.1 ГК РФ.

Последние два последствия направлены на прекращение членского правоотношения в целом путем ликвидации одного из обязательных субъектов таких правоотношений - самого участника (члена) с выплатой ему денежной компенсации за прекращение своего статуса участника хозяйственного общества.

Выкуп акций по ст. 75 ФЗАО предполагает реализацию широко известного «правила Уолл-стрит» (не нравится корпорация - продавай ее акции)³⁷⁴ и реализуется только в случае голосования способом, отличающимся от голосования большинства, и только по инициативе самого акционера продающего акции (без принуждения с чьей-либо стороны).

Особенности исключения участника непубличного хозяйственного общества будут рассмотрены подробнее в п. 3 § 3.

Таким образом, законодательство РФ и сложившаяся судебная практика отрицают возможность абсолютного осуществления участниками хозяйственных обществ права на участие в управлении обществом по своей воле и в своем интересе, активно применяя общий запрет злоупотребления правом в случае недобросовестного осуществления такого права и входящих в него правомочий.

2. Злоупотребления правом на получение информации о деятельности общества

Необходимость разумного осуществления права на получение информации отмечалась еще дореволюционными цивилистами. Так, И.Т. Тарасов полагал: «Определяя границы этого права надо иметь в виду, во-первых, в какой мере управление компанией будет стеснено в своей деятельности и в отправлении своих служебных обязанностей при полном осуществлении акционерами этого права и, во-вторых, в какой мере могут вредить компании те злоупотребления, которые возможны в данном случае со

³⁷⁴ Степанов Д.И. Ответственность акционера перед акционером: возможна ли постановка такой проблемы? Корпоративный юрист. 2008. № 11. С. 15.

стороны единичных акционеров при осуществлении ими этого права»³⁷⁵. Он также отмечал, что «предъявление по требованию каждого пришедшего акционера всех книг и документов компании и выдача из них выписок или дача объяснений по ним могут сделать все управление компанией невозможным, отнимая у всех должностных лиц компании все время на одно только это занятие».

В настоящее время действия участника по запросу и получению информации от общества признаются судами злоупотреблением правом, если обстоятельства судебного дела свидетельствуют о реализации данного права с единственной целью затруднения и дестабилизации деятельности общества³⁷⁶. Однако встречается и противоположная позиция судов. Так ФАС Уральского округа указывал, что «права акционера на получение информации о деятельности общества, на ознакомление с документами, содержащими данную информацию, и получение их копий ... носят обязательный характер для общества, поэтому в данном случае реализация акционером своих законных прав, вне зависимости от количества принадлежащих ему акций, не может рассматриваться как злоупотребление правом»³⁷⁷. Действительно, если право на получение информации осуществляется участником добросовестно, в рамках и в соответствии с порядком, установленными законом, то такое осуществление не может быть признано злоупотреблением, поскольку никакие пределы осуществления не нарушены. В случае же если участник (как правило, миноритарный) осуществляет право на получение информации от общества с нарушением интересов общества, такие действия могут быть квалифицированы судом в качестве злоупотребления правом. Анализ соответствующей судебной практики позволяет выделить следующие типичные ситуации злоупотребления участником правом на получение информации от общества. Во-первых, злоупотреблением могут быть

³⁷⁵ Тарасов И.Т. Указ. соч. С. 444.

³⁷⁶ Постановление ФАС Московского округа от 31.08.2006 по делу № КГ-А40/8171-06 // СПС Консультант Плюс.

³⁷⁷ Постановление ФАС Уральского округа от 09.11.2005 № Ф09-3738/05-С5 по делу № А60-11020/05 // СПС Консультант Плюс.

признаны недобросовестные действия участника по направлению им неоднократных запросов для ознакомления с одними и теми же (или различными) документами общества³⁷⁸. Во-вторых, злоупотребление может иметь место, если участник запрашивает большой объем информации (все документы с момента создания общества, без указания реквизитов и иных деталей документов), либо участник запрашивает документы, которые содержат или могут содержать коммерческую тайну³⁷⁹. Оценку действий участника, запрашивающего информацию, дает само общество и его органы управления, которые «в целях обеспечения баланса прав и законных интересов» участника, направляющего запрос, с одной стороны, и других участников и общества в целом, с другой стороны, могут выдвигать свои возражения против выполнения требований участника, если, по их мнению, «характер и объем запрашиваемой информации свидетельствует о наличии признаков злоупотребления» участником своим правом на доступ к информации общества, в том числе «в связи с отсутствием у него законного интереса в получении соответствующей информации, или если имеют место иные фактические обстоятельства, свидетельствующие о недобросовестности» участника³⁸⁰. Ст. 91 ФЗАО и ст. 50 ФЗОО³⁸¹ предусматривают случаи, когда общество вправе отказать участнику в предоставлении запрошенных им документов (например, если запрошенный документ уже раскрыт в сети Интернет, либо документ относится к прошлым периодам деятельности общества - более 3 лет до момента обращения участника с требованием, за исключением отдельных документов, документ запрашивается повторно в течение 3 лет при условии, что первое требование

³⁷⁸ Постановление ФАС Поволжского округа от 27.12.2013 по делу № А55-5450/2013 // СПС Консультант Плюс.

³⁷⁹ Постановление ФАС Уральского округа от 14.11.2012 № Ф09-10061/12 по делу № А50-2205/2012 // СПС Консультант Плюс.

³⁸⁰ Определение КС РФ от 18.01.2011 № 8-О-П; Постановление ФАС Московского округа от 02.08.2011 № КГ-А40/6870-11 по делу № А40-682/11-83-6 // СПС Консультант Плюс.

³⁸¹ Иные случаи отказа общества в предоставлении информации по запросу участника предусмотрены Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // СПС Консультант Плюс.

о его предоставлении было надлежащим образом исполнено обществом, и др.).

Законодательное регулирование порядка осуществления участниками хозяйственных обществ права на получение информации о деятельности общества в последнее время существенно ужесточилось (см. подробнее пункт 1 § 2 настоящей главы) с целью уменьшения возможностей злоупотребления таким правом со стороны участников хозяйственного общества.

Таким образом, осуществление участником своего права на получение информации о деятельности общества может быть признано злоупотреблением правом, если фактические обстоятельства свидетельствуют об отсутствии у участника интереса в получении запрошенной им информации.

3. Злоупотребления правом в связи с исключением участника непубличного хозяйственного общества из такого общества

Право требовать в судебном порядке исключения участника из непубличного общества по своей природе является корпоративным правом, при осуществлении которого возможны злоупотребления со стороны участника, требующего исключения другого участника. Однако, судебная практика содержит и противоположную позицию, согласно которой право требовать исключения участника из общества рассматривается исключительно как право процессуальное, к порядку осуществления которого общий запрет злоупотребления правом применяться не может³⁸². Мы данную позицию не поддерживаем, основываясь, во-первых, на необходимости широкого применении общего запрета недобросовестных действия, и во-вторых, на корпоративной природе права требовать исключения участника из общества, основанного на праве членства (участия) в таком обществе.

³⁸² Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 09.01.2003 по делу № Ф04/250-1990/А45-2002 // СПС Консультант Плюс.

Исключение участника из общества является способом принудительного прекращения права участия в непубличном обществе, при этом согласно п. 1 ст. 67 ГК РФ и ст. 10 ФЗОО с учетом Федерального закона № 383-ФЗ от 05.12.2017 право требовать исключения имеет любой участник такого общества. Применение данной меры носит исключительный характер, в частности, для целей разрешения длительного корпоративного конфликта между участниками общества. На практике встречаются случаи, когда участники общества, долгое время находящиеся в состоянии конфликта, требуют на основании встречных исков взаимного исключения друг друга³⁸³. В такой ситуации участник общества, обладающий более 50% уставного капитала общества, является более защищенным, если уставом общества с ограниченной ответственностью предусмотрено право свободного выхода из общества, поскольку исключение мажоритарного участника в таком случае невозможно³⁸⁴.

Основаниями для исключения участника из непубличного общества в связи с осуществлением (неосуществлением) им права на участие в управлении таким обществом являются:

- (1) систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании участников, лишаящее общество возможности принимать значимые хозяйственные решения по вопросам повестки дня общего собрания участников, если непринятие таких решений причиняет существенный вред обществу и (или) делает его деятельность невозможной либо существенно ее затрудняет³⁸⁵; и
- (2) голосование участника общества с ограниченной ответственностью по вопросам повестки дня общего собрания участников, если такие действия (бездействие) причиняют значительный вред обществу или делают невозможной деятельность общества либо существенно ее

³⁸³ Определение ВС РФ от 14.08.2015 № 305-ЭС15-9152 по делу № А40-166102/2013 // СПС Консультант Плюс.

³⁸⁴ П. 11 Информационного письма № 151.

³⁸⁵ П. 35 Постановления № 25.

затрудняют³⁸⁶. К сожалению, практики, предусматривающей исключение акционера непубличного акционерного общества за голосование на общем собрании акционеров определенным образом, еще не сложилось (в отличие от общества с ограниченной ответственностью, где норма ст. 10 ФЗОО об исключении участника существует уже давно), но есть все основания применять ее для акционерного общества на основании аналогии закона.

Примером злоупотребления правом требовать исключения участника из общества может являться следующее судебное дело. Участник общества с ограниченной ответственностью (Перевалов С.И.) обратился с иском в суд об исключении другого участника (Бровкина В.Н.) из общества по следующим основаниям: согласно утверждениям истца, Бровкин В.Н. не внес в полном размере свой вклад в уставный капитал общества, систематически уклоняется без уважительных причин от участия на общем собрании участников, что лишает возможности принимать решения, требующие единогласия всех его участников. При рассмотрении дела суд установил, что неоплаченная часть доли Бровкина В.Н. составляет незначительную сумму – 1 000 руб., при этом сам Бровкин В.Н. неоднократно предлагал доплатить указанную сумму. Уклонение Бровкина В.Н. от участия в собраниях по неуважительным причинам подтверждено не было. При данных обстоятельствах суд квалифицировал требование Перевалова С.И. об исключении Бровкина В.Н. из общества как злоупотребление предоставленным ему корпоративным правом, на этом основании в иске было отказано³⁸⁷.

Участник общества, требование об исключении которого было подано в суд, также может допустить злоупотребление, в частности, путем заключения договора дарения своей доли после подачи иска о его исключении из состава участников общества с целью избежать ответственности за намеренное

³⁸⁶ П. 4 Информационного письма № 151.

³⁸⁷ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 08.04.2005 по делу № Ф08-1193/2005 // СПС Консультант Плюс.

причинение вреда обществу³⁸⁸. В данном случае речь идет об ответственности в форме прекращения членских правоотношений с таким лицом, что происходит и в случае дарения доли, но при дарении доли, возможно, участник, несмотря на прекращение у него статуса члена общества, продолжает сохранять косвенный контроль над отчужденной долей, что должно быть обязательно подтверждено судом при рассмотрении соответствующего спора для квалификации действий участника в качестве злоупотребления правом.

Таким образом, злоупотребление правом в связи с исключением участника непубличного хозяйственного общества из такого общества чаще встречается в ситуации корпоративного конфликта между участниками, когда прекращение членства одного из участников воспринимается как единственная возможность для его прекращения. В такой ситуации суду надлежит тщательно и детально разобраться в фактических обстоятельствах дела, поскольку недобросовестные действия могут совершаться всеми сторонами конфликта.

4. Злоупотребления правом на обращение в суд

В соответствии с п. 1 ст. 65.2 ГК РФ участник хозяйственного общества вправе обратиться в суд в случаях, предусмотренных законом, в целях защиты своих нарушенных прав или нарушенных прав общества. Право участника на обращение в суд является, с одной стороны, корпоративным правом, вытекающим из права членства (участия) в обществе, а с другой стороны – правом процессуальным. В контексте рассмотрения данного права как права процессуального, существующая судебная практика неоднозначна в вопросе, может ли запрет злоупотребления правом, являющийся общим ограничением осуществления гражданских прав, применяться к порядку осуществления процессуальных прав. В некоторых судебных актах представлена позиция, согласно которой злоупотребить правом на обращение в суд невозможно,

³⁸⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 10.09.2013 № 3330/13 по делу № А41-41903/10 // СПС Консультант Плюс.

поскольку никто не может быть лишён права на обращение в суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав³⁸⁹. В других случаях, напротив, суды исходят из того, что злоупотребление правом на обращение в суд участником хозяйственного общества возможно³⁹⁰. Мы полагаем, что общий запрет недобросовестных действий необходимо распространять на порядок осуществления участниками хозяйственных обществ принадлежащих им на основании членства корпоративных прав по заявлению исков в суд, направленных на обжалование корпоративных решений, сделок, заключенных обществом, или привлечение к ответственности лиц, имеющих право управления обществом.

Порядок обращения участником хозяйственного общества в суд претерпел существенные изменения в ходе реформы гражданского законодательства. Большинство изменений направлено на уточнение порядка подачи исков участниками общества, и вследствие этого - сокращение количества злоупотреблений такими правами со стороны участников общества.

Рассмотрим далее злоупотребления правом на обращение в суд на примерах: (1) обжалования решений органов управления общества; (2) оспаривания сделок общества; и (3) истребования причиненных обществу убытков (статья 53.1 ГК РФ) по вине единоличного исполнительного органа, членов коллегиальных органов общества или иного лица, уполномоченного выступать от имени общества, а также лица, имеющего фактическую возможность определять действия общества, в том числе возможность давать указания указанным выше лицам.

4.1 Злоупотребление правом на обжалование корпоративных решений

³⁸⁹ Постановление ФАС Московского округа от 21.12.2010 № КГ-А41/16146-10 по делу № А41-43408/09; Постановление ФАС Поволжского округа от 18.05.2011 по делу № А12-3245/2010; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 26.02.2004 № Ф08-536/04 по делу № А32-14400/2003-21/327 // СПС Консультант Плюс.

³⁹⁰ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 29.06.2005 № А43-30803/2004-2-1004; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 08.09.2003 № Ф08-3093/03 по делу № А32-2576/2003-32/78 // СПС Консультант Плюс.

Иск об обжаловании решений органов управления общества может быть подан любым участником, независимо от доли его владения, при условии, что - если иск заявлен в отношении решения общего собрания участников - такой участник не принимал участие в голосовании или голосовал против оспариваемого решения (таким образом, варианты голосования «за» или «воздержался» исключаются), либо - если иск заявлен в отношении решения другого органа управления общества – принятое решение не отвечает требованиям закона и иных нормативно-правовых актов и нарушает права и законные интересы участника и/или общества. Право участника хозяйственного общества обжаловать любое решение органов управления общества прямо предусмотрено ст. 43 ФЗОО, в то время как ФЗАО прямо предусматривает право акционера обжаловать только решения общего собрания акционеров и совета директоров (п. 7 ст. 49, п. 6 ст. 68 ФЗАО), при этом, по нашему мнению, право обжаловать решение исполнительных органов (единоличного и/или коллегиального) акционерного общества должно признаваться по аналогии закона с нормами ФЗОО, что подтверждается сложившейся судебной практикой, в частности п. 27 Постановления № 19.

Участник, обжалующий корпоративное решение, действует от своего имени и в своих интересах, при этом в случае обжалования решения собрания он обязан принять меры по заблаговременному уведомлению других участников и, если применимо, само общество о намерении обратиться в суд, а также предоставить им иную информацию, относящуюся к делу (п. 6 ст. 181.4 ГК РФ). Другие участники вправе присоединиться к поданному иску; если же участники не воспользовались правом присоединения, то в последующем они не вправе обращаться в суд с тождественными требованиями, за исключением случая, когда суд признает причины этого обращения уважительными.

По общему правилу решение органа управления общества может быть признано недействительным, если принятое решение не отвечает требованиям закона и нарушает права и охраняемые законом интересы участника.

Основаниями для обжалования решений собрания являются, в частности, существенное нарушение порядка созыва, подготовки и проведения собрания, в том числе нарушение равенства прав участников, влияющее на их волеизъявление; отсутствие кворума; принятие решения по вопросу, не включенному в повестку дня собрания или не относящемуся к компетенции этого органа; противоречие решения основам правопорядка или нравственности и др.

Суд вправе с учетом всех обстоятельств дела оставить в силе обжалуемое решение, если (а) в случае обжалования решения собрания - голосование участника, обжалующего решение, не могло повлиять на результаты голосования на общем собрании участников; и/или (б) в случае обжалования решений иных органов управления - допущенные нарушения не являются существенными, и решение не повлекло причинение убытков обществу и/или участнику либо возникновение каких-либо иных неблагоприятных последствий для него. Согласно разъяснениям ВС РФ к существенным неблагоприятным последствиям относятся нарушения законных интересов участника и/или общества, которые могут привести, в том числе к возникновению убытков, лишению права на получение выгоды от использования имущества общества, ограничению или лишению участника возможности в будущем принимать управленческие решения или осуществлять контроль за деятельностью общества³⁹¹. Также не может быть признано недействительным решение собрания по основаниям, связанным с нарушением порядка принятия решения, если оно подтверждено решением последующего собрания, принятым в установленном порядке до вынесения решения суда (п. 2 ст. 181.4 ГК РФ).

В соответствии со специальными нормами ФЗОО и ФЗАО срок исковой давности для обжалования решения составляет 2 (два) месяца (для общества с ограниченной ответственностью) или 3 (три) месяца (для акционерного общества) со дня, когда участник общества узнал или должен

³⁹¹ П. 109 Постановления № 25.

был узнать о принятом решении и об обстоятельствах, являющихся основанием для признания его недействительным. И согласно п. 5 ст. 181.4 ГК РФ срок для обжалования решения не может превышать 2 (два) года со дня, когда сведения о принятом решении стали общедоступными для участников хозяйственного общества путем, в том числе, публикации информации о принятом решении в средствах массовой информации, сети «Интернет», на официальном сайте раскрытия информации об обществе.

Важно отметить, что в настоящее время законодательство прямо предусматривает, что признание недействительными решений органов управления общества об одобрении сделок не влечет за собой признания соответствующих сделок недействительными. Аналогично, признание решения совета директоров общества о созыве общего собрания участников не влечет за собой признание недействительным решений общего собрания участников, созванного и проведенного на основании такого решения совета директоров. Ранее, до внесения соответствующих изменений, существовала практика автоматического признания судами сделок, собраний или назначений органов управления недействительными, в случае признания соответствующих корпоративных решений недействительными, и такая практика активно использовалась участниками общества в корпоративных конфликтах.

Злоупотребление участником правом на обжалование решения органа управления общества возможно в случае, если цель участника отличается от цели защиты своих нарушенных прав и законных интересов, а наоборот, заключается в создании затруднений для деятельности общества или неопределенности в отношении правовых последствий по вопросам, одобренным обжалуемым решением. Как правило, преследуя указанную цель, участники обжалуют решения органов управления общества по одобрению сделок общества, одобрению учредительных и других внутренних документов общества, назначению или избранию органов управления общества, выпуску дополнительных долей (акций) и др.

Примером обжалования корпоративного решения с целью дестабилизации деятельности общества является предъявление иска в суд о признании недействительным решения о назначении генерального директора после освобождения лица от этой должности, что было признано судом формой злоупотребления правом в силу ст. 10 ГК РФ, на том основании, что «признание недействительным названного решения может поставить под сомнение все действия общества»³⁹². Также к дестабилизации деятельности общества ведет предъявление иска о признании решения общего собрания участников недействительным по причине нарушения порядка его созыва и проведения (в частности, изменения места и времени его проведения), в случае, когда сам участник ранее согласился с указанными изменениями³⁹³.

Решения органов управления общества об избрании нового состава совета директоров и прекращении полномочий прежнего состава могут быть оспорены участником общества в целях создания условий для недружественного захвата общества, что, по мнению суда, также свидетельствует о злоупотреблении правом со стороны участника. Иск участника в таком случае подлежит отклонению³⁹⁴.

Еще одной целью обжалования корпоративного решения может быть перераспределение корпоративного контроля. Судебная практика содержит следующие примеры:

- (1) по иску миноритарного акционера общества суд признал решение общего собрания акционеров об увеличении уставного капитала недействительным на том основании, что оно направлено на получение корпоративного контроля в обществе одним из акционеров, являющимся единственным приобретателем привилегированных акций,

³⁹² Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 08.09.2003 № Ф08-3093/03 по делу № А32-2576/2003-32/78 // СПС Консультант Плюс.

³⁹³ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 11.10.2004 № Ф08-4470/04 по делу № А32-13089/04-17/239 // СПС Консультант Плюс. В связи с ужесточением законодательного регулирования порядка созыва и проведения общего собрания участников указанная ситуация становится возможной только для общества с ограниченной ответственностью, в случае если в общем собрании участников приняли участие все участники общества (п. 5 ст. 36 ФЗОО).

³⁹⁴ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 10.10.2006 по делу № Ф08-5015/2006 // СПС Консультант Плюс.

по которым не выплачивались дивиденды. При этом цена размещения таких привилегированных акций совпала с их номинальной стоимостью, что свидетельствовало, по мнению суда, о непредставлении их приобретателем должного эквивалента в виде надлежащего имущественного вклада в общество, соответствующего реальному объему корпоративных прав, полученному данным акционером³⁹⁵; и

- (2) злоупотреблением признаны действия участника, обжалующего, среди прочего, решения общего собрания участников о приеме в состав учредителей общества с ограниченной ответственностью нового участника на основании отчуждения в его пользу 35% доли уставного капитала, о внесении соответствующих изменений в устав общества при обстоятельствах, свидетельствующих об отсутствии какого-либо договора между истцом и новым участником в отношении указанной доли и выраженного согласия истца на принятие нового участника в общество путем положительного голосования на общем собрании участников и подписании соответствующего протокола³⁹⁶.

В судебной практике существует и противоположная позиция, согласно которой обращение с иском об обжаловании решения в защиту своих нарушенных прав участника общества не является злоупотреблением правом, поскольку любое заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих нарушенных прав и законных интересов³⁹⁷. На наш взгляд, данная позиция суда может быть поддержана, если признать наличие исключений из нее, примеры которых были приведены выше.

4.2 Злоупотребления правом на оспаривание сделок

Участник общества, заявляющий иск об оспаривании сделок признается действующим от имени общества в качестве его представителя. Это означает,

³⁹⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 06.04.2010 № 17536/09 по делу № А51-11603/200844-328 // СПС Консультант Плюс.

³⁹⁶ Постановление ФАС Уральского округа от 23.11.2010 № Ф09-9824/10-С4 по делу № А60-62102/2008-С4 // СПС Консультант Плюс.

³⁹⁷ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 05.05.2010 по делу № А27-7309/20094; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 06.07.2011 по делу № А70-11492/2010 // СПС Консультант Плюс.

что в случае восстановления нарушенных прав общества на основании судебного решения, все полученные выгоды и преимущества будут распределены между всеми участниками общества пропорционально их долям владения. В связи с этим закон предусматривает обязанность истца по заблаговременному уведомлению других участников и, если применимо, само общество о намерении обратиться в суд, а также предоставить им иную информацию, относящуюся к делу. Другие участники вправе присоединиться к поданному иску; в противном случае они не вправе в последующем обращаться в суд с тождественными требованиями, за исключением случая, когда суд признает причины этого обращения уважительными.

Ст. 65.2 ГК РФ закрепляет право оспаривания сделок за любым участником хозяйственного общества, независимо от принадлежащей ему доли в обществе. ФЗОО и ФЗАО предоставляют это право только участнику (акционеру), владеющему самостоятельно либо в совокупности с другими участниками (акционерами) не менее 1% долей (акций) общества. Полагаем, что суды на практике будут применять более специальные нормы законов о хозяйственных обществах.

В соответствии с ФЗОО и ФЗАО участник вправе оспорить (а) сделки, требующие на основании устава общества предварительного согласия или последующего одобрения совета директоров или общего собрания участников общества (п. 3.1 ст. 40 ФЗОО; п. 2 ст. 69 ФЗАО); (б) крупные сделки (п. 4 ст. 46 ФЗОО; п. 6 ст. 79 ФЗАО); (в) сделки, в совершении которых имеется заинтересованность (п. 6 ст. 45 ФЗОО; ст. 84 ФЗАО).

Сделка, на совершение которой по уставу требуется согласие или последующее одобрение, может быть оспорена при отсутствии такого согласия или последующего одобрения.

Крупная сделка может быть оспорена участником, если она совершена с нарушением порядка получения согласия на ее совершение. Суд отказывает в удовлетворении требований о признании крупной сделки, совершенной в отсутствие надлежащего согласия на ее совершение, недействительной при

наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств: (а) к моменту рассмотрения дела в суде представлены доказательства последующего одобрения данной сделки; (б) при рассмотрении дела в суде не доказано, что другая сторона по данной сделке знала или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для общества крупной сделкой, и/или об отсутствии надлежащего согласия на ее совершение.

Сделка, в совершении которой имеется заинтересованность, может быть оспорена участником, если она совершена в ущерб интересам общества и доказано, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для общества сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, и (или) об отсутствии согласия на ее совершение. При этом отсутствие согласия на совершение такой сделки само по себе не является основанием для признания такой сделки недействительной. Ущерб интересам общества в результате совершения сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, предполагается, если не доказано иное, при наличии совокупности следующих условий: (а) отсутствует согласие на совершение или последующее одобрение сделки; (б) лицу, обратившемуся с иском о признании сделки недействительной, не была по его требованию предоставлена информация в отношении оспариваемой сделки в порядке, предусмотренном законом.

Срок исковой давности по оспариванию сделок участниками общества составляет один год со дня, когда о совершении сделки узнало или должно было узнать лицо, которое самостоятельно или совместно с иными лицами осуществляет полномочия единоличного исполнительного органа общества. Осведомленность участника о совершенной сделке для исчисления срока исковой давности приобретает значение только в случае, если (а) лицо, которое самостоятельно или совместно с иными лицами осуществляет полномочия единоличного исполнительного органа общества, находилось в сговоре с другой стороной сделки, а (б) другое лицо, которое может самостоятельно или совместно с иными лицами осуществлять полномочия

единоличного исполнительного органа общества, отсутствует на момент предъявления участником требования об оспаривании сделки. При этом предполагается, что участник должен был узнать о совершении сделки с нарушением порядка ее одобрения не позднее (а) даты проведения годового общего собрания участников (акционеров) по итогам года (если в представленных на собрании материалах была информация об оспариваемой сделке) либо (б) раскрытия обществом сведений об оспариваемой сделке в соответствии с законодательством о рынке ценных бумаг. Срок считается пропущенным, если участник длительное время (два и более года подряд) не участвовал в общих собраниях и не запрашивал информацию о деятельности общества³⁹⁸. В случае пропуска, срок исковой давности восстановлению не подлежит.

Действия участников по оспариванию сделок общества могут быть признаны злоупотреблением, если они совершаются с целью, отличной от восстановления нарушенных прав и защиты своих интересов и интересов общества. Например, участник действует с целью:

- (1) создания затруднений для деятельности общества (в случае неоднократного или систематического предъявления исков об оспаривании сделок общества); или
- (2) применения против другого участника и/или общества запретительных обеспечительных мер, запрашиваемых в рамках рассмотрения дела об оспаривании сделки общества³⁹⁹; или
- (3) корпоративного шантажа другого участника для последующего выкупа его акций (долей) на его условиях; или
- (4) причинения вреда контрагенту обществу и др.

³⁹⁸ П. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СПС Консультант Плюс.

³⁹⁹ В отношении применения обеспечительных мер судебная практика обращала внимание на то, что «арбитражными судами при рассмотрении споров, возникающих из корпоративных (акционерных) правоотношений, могут приниматься решения о применении мер по обеспечению иска, однако при их принятии суд должен учитывать, что они должны согласовываться с предметом и основанием иска, а лицо, заявляющее ходатайство о принятии подобных мер судом, обязано доказать связь между неприятием мер и затруднением или невозможностью исполнения судебного акта». См. Постановление ФАС Московского округа от 17.11.2003 по делу № КГ-А41/8782-03 // СПС Консультант Плюс.

Нарушение прав контрагентов как основание для признания действий участников по оспариванию сделок общества злоупотреблением правом были выявлены судами в следующих случаях:

- (1) акционер общества, которому принадлежит 50% акций этого общества, обратился с иском о признании недействительным договора поручительства, заключенным таким обществом в обеспечение обязательств должника, в котором истцу также принадлежит 50% долей, на основании отсутствия одобрения такого договора в качестве крупной сделки, при этом суд установил, что единственной целью предъявления такого иска в суд было причинение вреда кредитору, полностью исполнившему договор поставки, но не получившему никакой оплаты от должника⁴⁰⁰;
- (2) действия единственного участника по предъявлению иска о признании договора ипотеки недействительным по ст. 169 ГК РФ на основании того, что такой договор заключен директором общества по подложным документам с нарушением порядка одобрения, были оценены судом как недобросовестные, поскольку они направлены на аннулирование выданного директором общества залога, совершены в ущерб интересам контрагента и свидетельствовали о попытке переложить негативные последствия на третье лицо⁴⁰¹.

Злоупотребления участников общества по оспариванию сделок следует отличать от случаев, когда само общество (через свои органы управления) допускает злоупотребления при заключении сделок⁴⁰². В этом случае суд вправе признать такую сделку недействительной на основании ст. 10 ГК РФ и

⁴⁰⁰ Определение ВС РФ от 15.09.2014 № 305-ЭС14-67 по делу № А40-74217/2013; Определение ВС от 15.09.2014 № 305-ЭС14-68 по делу № А40-33110/2013 // СПС Консультант Плюс.

⁴⁰¹ Определение ВС РФ от 18.04.2016 № 308-ЭС15-18008 по делу № А32-35215/2014 // СПС Консультант Плюс.

⁴⁰² Например, в случае заключения сделок купли-продажи, прикрывающих практически безвозмездную передачу имущества, были применены ст. 10 и ст. 168 ГК РФ, и сделки были признаны недействительными. См. Определение ВАС РФ от 03.06.2011 № ВАС-9579/10 по делу № А65-19351/2009-СГЗ-25; Определение ВАС РФ от 03.06.2011 № ВАС-9530/10 по делу № А65-19357/2009-СГЗ-25 // СПС Консультант Плюс.

пп. 1 и 2 ст. 168 ГК РФ⁴⁰³. Мы не рассматриваем данные примеры, поскольку они не являются злоупотреблениями корпоративными правами, совершаемыми участниками общества.

4.3 Злоупотребления правом требования возмещения убытков, причиненных обществу

В соответствии со ст. 53.1 ГК РФ лица, уполномоченные действовать от имени хозяйственного общества, включая членов коллегиальных органов общества (за исключением случаев, когда они голосовали против или добросовестно не принимали участие в голосовании), а также лица, имеющее фактическую возможность определять действия общества, в том числе возможность давать указания указанным выше лицам, обязано возместить убытки, причиненные обществу по его вине. С требованием о возмещении убытков обществу может обратиться в суд как само общество, так и его участник, действующий от имени и в интересах общества. Участник общества, заявляющий такой иск, обязан уведомить об этом других участников и само общество по правилам, аналогичным для подачи исков об оспаривании сделок. В случае удовлетворения иска участника убытки возмещаются именно обществу, увеличивая его активы. Несмотря на то, что истец-участник ничего не получает, участник может злоупотребить имеющимся у него правом с целью причинить вред директору или иному управляющему лицу, удовлетворить иной личный интерес или «из чувства справедливости с целью наказания бывшего руководителя руководства»⁴⁰⁴.

Таким образом, злоупотребление участником правом на обращение в суд возможно в случае, когда цель такого действия иная, чем защита и восстановление нарушенных прав участника и/или общества. Примерами

⁴⁰³ П. 7 Постановления № 25; Как уже упоминалось выше, в юридической литературе позиция, согласно которой сделка может быть признана недействительной по ст. 168 ГК РФ на основании нарушения ст. 10 ГК РФ, поддерживается не всеми цивилистами. Так, В.В. Витрянский полагает, что ст. 10 ГК РФ предусматривает иные последствия в виде отказа в защите соответствующего права. (см. *Витрянский В.В.* Указ. соч. С. 73).

⁴⁰⁴ Именно такая цель была озвучена участником – истцом в судебном деле, правда, при оспаривании им решения общего собрания акционеров об отчуждении имущества общества и заключении сделок (см. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 02.06.2006 по делу № А82-5494/2004-13 // СПС Консультант Плюс).

иной цели могут быть создание затруднений для деятельности общества, перераспределение корпоративного контроля, создание условий для недружественного захвата, причинение вреда третьему лицу (директору, управляющему или контрагенту).

5. Злоупотребления правом требовать ликвидации хозяйственного общества

Согласно п. 3 ст. 61 ГК РФ участник хозяйственного общества вправе предъявить иск в суд о ликвидации общества в случае невозможности достижения целей, ради которых оно создано, в том числе в случае, если осуществление деятельности общества становится невозможным или существенно затрудняется. Как было неоднократно указано, основной целью деятельности хозяйственного общества, как коммерческой организации, является извлечение прибыли (п. 1 ст. 50 ГК РФ). Участники общества в уставе могут предусмотреть и иные дополнительные цели деятельности хозяйственного общества, но все они должны быть тем или иным образом связаны с извлечением прибыли. На практике оценка достижения обществом цели по извлечению прибыли производится путем оценки размера чистой прибыли по бухгалтерскому балансу общества или отчета о финансовых результатах деятельности общества⁴⁰⁵.

Следуя буквальному толкованию указанного положения закона, одной из причин невозможности достижения целей общества может являться невозможность осуществления деятельности общества или ее существенное затруднение, что может иметь место в случае наличия в таком обществе длительного корпоративного конфликта между участниками такого общества. ВС РФ характеризует корпоративный конфликт как ситуацию в хозяйственном обществе, при которой уровень недоверия между участниками общества, владеющими равными долями, достигает критической, с их точки

⁴⁰⁵ Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 03.10.2017 N 02АП-6092/2017, 02АП-6093/2017, 02АП-6095/2017, 02АП-6096/2017, 02АП-6413/2017 по делу № А17-1457/2017; Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 01.02.2016 № 05АП-11510/2015 по делу № А24-2913/2015 // СПС Консультант Плюс.

зрения, отметки, при этом позиция ни одного из них не является заведомо неправомерной. В случае возникновения корпоративного конфликта целесообразно рассмотреть вопрос о возможности продолжения корпоративных отношений, результатом чего может стать принятие участниками решения о ликвидации общества либо принятие одним из участников решения о выходе из него с соответствующими правовыми последствиями, предусмотренными действующим законодательством и учредительными документами⁴⁰⁶.

Согласно разъяснениям Пленума ВС РФ судом может быть удовлетворено требование участника общества о принудительной ликвидации такого общества, если «иные учредители (участники) юридического лица уклоняются от участия в нем, делая невозможным принятие решений в связи с отсутствием кворума» либо «ввиду длительной невозможности сформировать органы юридического лица». При этом ВС РФ отмечает, что в качестве способа разрешения корпоративного конфликта ликвидация «возможна только в том случае, когда все иные меры для разрешения корпоративного конфликта и устранения препятствий для продолжения деятельности юридического лица (исключение участника юридического лица, добровольный выход участника из состава участников юридического лица, избрание нового лица, осуществляющего полномочия единоличного исполнительного органа и т.д.) исчерпаны или их применение невозможно»⁴⁰⁷.

Необходимо отметить, что указанная норма была введена в ходе реформы гражданского законодательства в 2014 году, до этого времени с 2001 года закон не предусматривал права участника требовать принудительной ликвидации общества. Такое право было предоставлено только государственным органам или органам местного самоуправления. Однако с 1999 года по 2001 год п. 6 ст. 35 ФЗАО в редакции от 24.05.1999 предусматривал право акционера требовать ликвидации акционерного

⁴⁰⁶ Определение ВС РФ от 08.10.2014 по делу № 306-ЭС14-14 // СПС Консультант Плюс.

⁴⁰⁷ П. 29 Постановления № 25.

общества, в случае если по окончании второго и каждого последующего финансового года в соответствии с годовым бухгалтерским балансом или результатами аудиторской проверки стоимость чистых активов общества была меньше величины минимального уставного капитала, и если решение о ликвидации такого общества не было принято. Именно в этот период имело место резонансное дело о ликвидации ЗАО «Московская Независимая Вещательная Корпорация» (телекомпания ТВ-6) (далее – «ЗАО «МНВК»») по требованию своего 15% участника, основанному на том факте, что стоимость чистых активов ЗАО «МНВК» в 1998, 1999, 2000 годах (три года подряд) была отрицательной. Дело дошло до Президиума ВАС⁴⁰⁸, на основании решения которого ЗАО «МНВК» было ликвидировано, несмотря на то, что на момент подачи искового заявления стоимость чистых активов общества значительно превышала требуемую величину. При таких обстоятельствах действия истца, безусловно, являлись злоупотреблением права, так как были совершены с исключительной целью причинить вред другому лицу, с намерением ликвидировать общества, при этом истец, добившись ликвидации, не получил никакой существенной ликвидационной стоимости, т.к. распределение имущества между акционерами происходило только после удовлетворения всех требований кредиторов. Но все доводы ответчика о злоупотреблении истцом своим правом суд не принимал во внимание. Примечательно, что при рассмотрении аналогичного дела ФАС Московского округа признал действия миноритарного акционера, владеющего 0,01% акций по обращению в суд с требованием о ликвидации общества в момент, когда размер чистых активов превышал размер установленного минимума, злоупотреблением правом и в иске отказал⁴⁰⁹.

Новая норма, предоставляющая участнику хозяйственного общества право требовать ликвидации общества, также предоставляет простор для злоупотреблений участников и может использоваться с целью причинения

⁴⁰⁸ Постановление Президиума ВАС РФ № 32/02 от 11.01.2002 // СПС Консультант Плюс.

⁴⁰⁹ Постановление ФАС Московского округа № КГ-А41/195-02 от 11.02.2002 // СПС Консультант Плюс.

вреда интересам других участников, самого общества или его кредиторов. Общие рекомендации ВС РФ, указанные выше, направлены на осторожное применение указанной нормы только в исключительных случаях, когда все иные меры урегулирования конфликта между участниками общества, указанные в разъяснениях ВС РФ, были исчерпаны (в частности, участники вправе подать заявление о добровольном выходе из общества с ограниченной ответственностью, и в этом случае последствия для них будут тождественны иницируемой процедуре принудительной ликвидации, оспорить сделки по отчуждению активов общества, необходимых для осуществления им своей деятельности, договориться об избрании органов управления общества и др.)⁴¹⁰. Изучение имеющейся судебной практики по применению п. 3 ст. 61 ГК РФ показывает, что суды восприняли рекомендации ВС РФ и удовлетворяют иски участников о ликвидации общества только в исключительных случаях, когда в обществе существует длительный корпоративный конфликт участников, имеющих равное количество (по 50%) долей (акций), который не может быть разрешен участниками самостоятельно, что очевидно препятствует осуществлению обществом нормальной хозяйственной деятельности для достижения целей, ради которых оно создано⁴¹¹.

В заключение хотелось бы отметить, что в юридической доктрине, по свидетельству И.Т. Тарасова, предоставление акционеру права требовать при известных условиях ликвидации общества была поддержана большей частью исследователей⁴¹².

⁴¹⁰ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 06.05.2016 по делу № А43-30472/2015 // СПС Консультант Плюс.

⁴¹¹ См., например, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.10.2016 № Ф06-12345/2016 по делу № А57-30921/2015; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.09.2015 № Ф04-20935/2015 по делу № А46-12003/2014; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.06.2017 № Ф07-4235/2017 по делу № А56-46816/2016; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 13.06.2017 № Ф10-2187/2017 по делу № А09-10232/2016 // СПС Консультант Плюс.

⁴¹² Тарасов И.Т. Указ. соч. С. 415.

6. Злоупотребления правом при отчуждении участниками акций (долей) хозяйственного общества

Отчуждение участником акций (долей) хозяйственного общества влечет прекращение отношений членства (участия) между таким участником и обществом. Нередко участники общества прибегают к отчуждению своих акций (долей) и прекращению своего участия в обществе и при этом не преследуют цели получить вознаграждение за свои акции (доли). Их цель может заключаться в нарушении прав и интересов других участников общества либо интересов третьих лиц - контрагентов и кредиторов общества

Примером нарушения прав других участников общества при отчуждении доли является следующий случай. Участники непубличного общества пользуются преимущественным правом приобретения акций (долей), отчуждаемых по возмездным сделкам другим участником общества в пользу третьего лица (пп. 7 п. 3 ст. 66.3 ГК РФ и п. 3 ст. 7 ФЗАО), (п. 4 ст. 21 ФЗОО). Передать долю (акции) непубличного общества в обход действия преимущественного права других участников можно следующим образом: участник, намеренный продать свою долю третьему лицу, вначале заключает с таким лицом договор дарения минимального количества акций (долей); преимущественное право других участников не возникает по причине безвозмездности отчуждения акций (долей) третьему лицу. Впоследствии участник общества продает оставшуюся часть своих акций (долей) новому участнику по цене приобретения всего пакета (включая первую минимальную часть), преимущественное право других участников при такой продаже также не возникает.

Судебная практика оценивает данную схему как обход закона (и, следовательно, как форму злоупотребления правом) и до появления Постановления № 25 признавала договор дарения недействительным на основании ст. 10 и ст. 168 ГК РФ⁴¹³. Последние разъяснения ВС РФ

⁴¹³ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 29.11.2005 № Ф08-5602/2005 по делу № А63-546/2005-С2; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 29.11.2005 № Ф08-5600/2005 по делу № А63-547/2005-С2 // СПС Консультант Плюс.

предписывают квалифицировать договоры дарения и купли-продажи как единый договор купли-продажи, заключенный в обход правил о преимущественном праве других участников на покупку доли и являющийся на этом основании притворной сделкой (п. 2 ст. 170 ГК РФ)⁴¹⁴.

Отчуждение акций (долей) может быть совершено с целью причинения вреда кредиторам общества в случае, когда акции (доли), являющиеся основным активом участника, являющегося должником, отчуждаются им без получения соразмерного встречного удовлетворения (по договору дарения или купли-продажи с условием о длительной рассрочке оплаты), в целях уклонения участника – должника от исполнения своих обязательств перед кредитором и обращения взыскания на имущество. Суд признавал такие действия участника злоупотреблением правом, а заключённые договоры отчуждения акций (долей) недействительным на основании ст. 10 и ст. 168 ГК РФ⁴¹⁵.

Еще один пример злоупотребления правом при отчуждении долей участниками хозяйственных обществ может быть обнаружен в следующем судебном деле⁴¹⁶. В ООО было два участника, доля каждого составляла 50% от уставного капитала общества. Оба участника пользовались равными правами по управлению обществом, следовательно, все решения принимались по взаимному согласию участников. Один из участников решил продать свою долю и направил в общество соответствующую оферту. Второй участник и само общество воспользовались принадлежащим им согласно уставу общества преимущественным правом покупки не всей, а только части доли, отчуждаемой третьему лицу, в общем размере 0,05% от уставного капитала. В результате доля продавца в обществе снизилась до 49,95% и уже не обеспечивала ее владельцу прежний уровень корпоративного контроля. При

⁴¹⁴ П. 88 Постановления № 25.

⁴¹⁵ Постановление ФАС Уральского округа от 11.08.2011 № Ф09-4808/11 по делу № А50-23255/2010; Постановление ФАС Уральского округа от 22.07.2011 № Ф09 -4229/11 по делу № А50-23257/2010 // СПС Консультант Плюс.

⁴¹⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.09.2017 № Ф05-14140/2017 по делу № А41-80557/2016 // СПС Консультант Плюс.

рассмотрении данного дела суд ограничился анализом соответствия процедуры осуществления преимущественного право участником и самим обществом формальным требованиям закона и устава, и правомерно пришел к выводу, что никаких нарушений допущено не было. Намерения второго участника по приобретению незначительной части доли, предложенной к продаже, а также последствия снижения доли продающего участника ниже контрольного пакета в 50% для сделки с третьим лицом судом проанализированы не были. Мы не можем согласиться с таким формальным подходом. На наш взгляд, в действиях второго участника и самого общества явно прослеживаются признаки злоупотребления преимущественным правом покупки части доли с целью снижения корпоративного контроля продающего участника.

Проведенное исследование примеров злоупотреблений отдельными правами участниками хозяйственных обществ позволяет сделать вывод, что участники хозяйственных обществ допускают, в основном, злоупотребления принадлежащими им неимущественными правами (правом участия в управлении, правом на получение информации, правом на обращение в суд и др.), в то время как злоупотребление именно имущественными правами очень редко встречаются в практике. Путем злоупотребления неимущественным правом участник добивается получения иных выгод и преимуществ перед другими участниками, обществом в целом или его кредиторами, имеющих для него вполне имущественную оценку. Например, с помощью корпоративного шантажа участник может понудить другого участника этого общества выкупить свою долю по завышенной цене. Либо участник путем совершения неоднократных злоупотреблений своими правами может добиться приобретения корпоративного контроля над обществом. Такое поведение участника, безусловно, является недобросовестным и должно пресекаться судом.

§ 4. Особенности применения санкции за злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ

Как отмечалось выше, злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ является корпоративным правонарушением, разновидностью общего понятия злоупотребления правом, характеризуются особым субъектом и видом прав, злоупотребления которыми допускаются. Ст. 10 ГК РФ применяется к таким злоупотреблениям напрямую в полном объеме, включая применение санкций.

Теоретическое изучение видов и порядка применения санкций за злоупотребление правом изложено в пункте 5 §2 главы I. Здесь следует кратко напомнить основные последствия злоупотребления правом. В соответствии с п. 2 ст. 10 ГК РФ основная санкция – отказ в защите права полностью или частично. Если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков. Также суд вправе применить иные меры, предусмотренные законом. В случае совершения действий в обход закона применяются либо отказ в защите права, либо иные последствия, установленные законом (в частности, недействительность притворных сделок).

Применение санкции в виде отказа в защите права в случае злоупотребления участником хозяйственного общества принадлежащим ему корпоративным правом не влияет на статус участника хозяйственного общества и его права, не влечет изменения либо прекращения корпоративного правоотношения между участником и обществом. Суд признает злоупотребление правом, оценивая действия участника по окончании осуществления соответствующего права (оценка *post-factum*). При этом осуществление корпоративного права участником ограничивается до границ прав и интересов других участников, самого общества и/или третьих лиц (директоров, управляющих и кредиторов общества), с нарушением которых участник не может осуществлять свое право. Например, злоупотребление правом при оспаривании участником крупной сделки (путем использования

корпоративных правил об одобрении исключительно в целях причинения вреда контрагенту) является основанием для отказа в удовлетворении иска участника о признании такой сделки недействительной⁴¹⁷.

Ст. 10 ГК РФ ставит возмещение убытков в случае злоупотребления правом в зависимость от того, повлекло ли указанное злоупотребление нарушение права другого лица. В случае злоупотребления участником принадлежащим ему корпоративным правом нарушаются, прежде всего, не права других лиц, а их интересы⁴¹⁸. Следовательно, буквальное прочтение данного положения ст. 10 ГК РФ не позволяет взыскать убытки с виновного лица в случае злоупотребления корпоративным правом. Но такой вывод не может быть признан правильным. Как уже отмечалось выше, учитывая основную цель деятельности хозяйственного общества как коммерческой организации, а также имущественный интерес участников хозяйственного общества и самого общества, направленный на извлечение прибыли, злоупотребления корпоративными правами зачастую ущемляют имущественную сферу других участников общества, самого общества и/или третьих лиц. При наличии причинно-следственной связи между злоупотреблением корпоративным правом и негативными имущественными последствиями, правомерно заявление требования о возмещении убытков, причиненных злоупотреблением правом. В этом случае возмещение убытков становится обязательным и самостоятельным последствием злоупотребления правом участником хозяйственного общества. Возмещение убытков в случае злоупотребления корпоративными правами должно регулироваться общими положениями о возмещении убытков, причиненных неправомерными действиями, включая все разъяснения применимой судебной практики⁴¹⁹,

⁴¹⁷ Определение ВС РФ от 15.09.2014 № 305-ЭС14-67 по делу № А40-74217/2013; Определение ВС от 15.09.2014 № 305-ЭС14-68 по делу № А40-33110/2013 // СПС Консультант Плюс.

⁴¹⁸ Действительно, какие субъективные права нарушаются в случае, например, если участник злоупотребляет принадлежащим ему правом на участие в управлении обществом с целью дестабилизации деятельности общества?

⁴¹⁹ Имеются в виду, прежде всего, пп. 11-14 Постановления № 25.

какая-либо специфика у злоупотреблений корпоративными правами в данном случае отсутствует.

Основываясь на оценке злоупотребления правом как правонарушения, суды зачастую выходят за рамки применения только санкции в виде отказа в защите права и применяют дополнительные последствия, несмотря на то, что закон напрямую не связывает такие последствия с злоупотреблением правом. Например, суды признают злоупотребление правом основанием для исключения участника из общества⁴²⁰. Или в других случаях суды признают корпоративные решения недействительными на основании злоупотреблений, допущенных при их принятии⁴²¹. Также суд в качестве санкции за злоупотребление правом участника в ходе корпоративного конфликта может отказать в применении срока исковой давности⁴²². Данная практика не может быть поддержана, во-первых, по причине того, что она противоречит ст. 10 ГК РФ, согласно которой в случае злоупотребления правом суд применяет иные меры, *предусмотренные* законом. Закон не предусматривает исключение участника из общества, признание корпоративного решения недействительным или отказ в применении срока исковой давности как последствия злоупотребления правом. И на это есть свои причины. Исключение участника из общества не должно быть обязательным последствием злоупотребления правом таким участником. Оно может быть основанием для исключения, но только если соблюдены и иные условия для исключения участника, в частности, если согласно ст. 67 ГК РФ участник общества, злоупотребляя своими правами, причинил существенный вред обществу либо иным образом существенно затруднил его деятельность и достижение целей, ради которых оно создавалось. Аналогично, для признания

⁴²⁰ Постановление ФАС Московского округа от 27.12.2004 № КГ-А40/12233-04; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25.08.2008 № Ф08-4984/2008 по делу № А53-20999/2007-С1-36 // СПС Консультант Плюс.

⁴²¹ П. 5 Информационного письма № 127; Постановление ФАС Поволжского округа от 26.01.2007 по делу № А57-10213/06-25 (поддержано Определением ВАС РФ от 21.05.2007 № 3708/07) // СПС Консультант Плюс.

⁴²² Постановление Президиума ВАС РФ от 22.11.2011 N 17912/09 по делу N А54-5153/2008/С16 // СПС Консультант Плюс.

корпоративного решения недействительным необходимо доказать, что оно не отвечает требованиям закона и нарушает права и законные интересы участника и/или общества. Злоупотребления, допущенные при принятии обжалуемого решения, являются возможным, но не исключительным и достаточным основанием для признания такого решения недействительным. Отказ в применении срока исковой давности в отсутствие возможности восстановления пропущенного срока по обстоятельствам, связанным с личностью, является прямым нарушением ст. 199 ГК РФ, согласно которой истечение срока исковой давности является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске. Кроме того, как было указано выше, применение указанных дополнительных последствий не соответствует общему принципу гражданско-правовой ответственности, имеющей в качестве основной восстановительно-компенсационную задачу и выполняющей карательную функцию только в исключительных случаях.

Таким образом, все санкции и последствия, предусмотренные в ст. 10 ГК РФ, могут быть в полной мере напрямую применены к случаям злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ. Применение дополнительных специальных последствий должно быть в силу прямого указания в ст. 10 ГК РФ прямо предусмотрено в соответствующих положениях законов. В отсутствие указанных положений применение дополнительных, не предусмотренных ст. 10 ГК РФ последствий злоупотребления корпоративными правами не допустимо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие злоупотребления правом является одной из самых сложных и дискуссионных правовых категорий. Точного определения его содержания и критериев в законе нет и быть не может, поскольку в основе злоупотребления правом лежат оценочные категории. При квалификации действий в качестве злоупотребления правом, безусловно, основная роль отводится суду.

Несмотря на всю свою теоретическую неоднозначность, на практике злоупотребление правом прошло долгий путь своего развития от полного отрицания до распространения запрета злоупотребления правом на любые неправомерные действия. Признание запрета злоупотребления правом на правовом уровне возможно только в случае если, в соответствующем обществе признается возможность существования общих (надличностных) целей и интересов, определяющих пределы индивидуальной свободы. Для правовых систем, признающих запрет злоупотребления правом, существуют различные пределы осуществления субъективного права (в частности, назначение (функция) права, интерес, нравственные критерии и другие).

В России в настоящее время основным пределом осуществления права признан принцип добросовестного правоосуществления. Следовательно, любое недобросовестное осуществление права является злоупотреблением таким правом и запрещено законом. Злоупотребление правом может быть совершено в форме: (1) осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана); (2) действий в обход закона с противоправной целью; и (3) иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав. Основная санкция за злоупотребление правом - отказ в защите принадлежащего субъекту права полностью или частично. Если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков. Также суд вправе применить иные меры, предусмотренные законом. В случае совершения действий в обход закона применяются либо отказ в защите права,

либо иные последствия, установленные законом (в частности, недействительность притворных сделок).

Реформа гражданского законодательства, имевшая место в России в последние несколько лет, кроме введения принципа добросовестности в качестве одного из основных начал и принципов гражданского законодательства, также признала особый характер корпоративных правоотношений, выделив их в отдельную разновидность гражданских правоотношений. Корпоративные права наряду с корпоративными обязанностями составляют содержание корпоративных правоотношений. Проанализировав природу корпоративных прав, их классификации был сделан вывод относительно определяющего характера имущественных корпоративных прав, опосредующих имущественное участие в деятельности хозяйственного общества.

Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ представляют собой разновидность общего злоупотребления субъективным правом. Злоупотребление правом является особым гражданским правонарушением, отличающимся от общегражданского деликта (неделиктным правонарушением). Злоупотребление корпоративным правом участником хозяйственного общества также имеет природу особого гражданско-правового нарушения, особенности которого связаны, во-первых, с субъектом, их допускающим (участником хозяйственного общества), и, во-вторых, с видом прав, злоупотребление которыми допускается (корпоративными правами). По этой причине злоупотребление корпоративным правом участником хозяйственного общества можно определить как корпоративное правонарушение, поскольку его совершение возможно только в результате осуществления участником хозяйственного общества принадлежащего ему корпоративного права. Ответственность участника хозяйственного общества наступает за причинение вреда интересам (имущественной сфере) других участников общества, самого общества или третьих лиц (контрагентов, кредиторов или членов органа управления

общества). При этом интересом хозяйственного общества, как отдельного и самостоятельного субъекта права, является вмененный интерес, предусмотренный законом или судебной практикой, основанный на цели деятельности общества (извлечение прибыли и максимальная капитализация вложений всех участников), либо отождествленный с интересами тех или иных участников общества, требующих правовой защиты.

Наряду с запретом злоупотребления корпоративным правом проанализированы фидуциарные обязанности участников хозяйственного общества, порядок их регулирования в иностранных правовых порядках (на примере стран Англии, США и Германии), и текущее регулирование корпоративных обязанностей участников в российском праве. Указанные правовые институты представляют собой правовые способы воздействия на недобросовестное поведение участников хозяйственных обществ. Но между ними есть существенное различие: фидуциарные обязанности направлены, прежде всего, на исключение недобросовестного бездействия со стороны участника хозяйственного общества, в то время как запрет злоупотребления правом применяется в случае недобросовестного осуществления корпоративного права.

Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ могут быть классифицированы по двум основным критериям: (а) в зависимости от субъекта; и (б) в зависимости от осуществляемых корпоративных прав. По субъекту различаются злоупотребления миноритарными и мажоритарными участниками хозяйственного общества. Все участники хозяйственного общества имеют имущественный интерес, направленный на монетизацию своего участия в уставном капитале хозяйственного общества. Если указанная цель достигается участником не за счет роста прибыли общества и/или стоимости всех акций (долей) общества, но за счет получения необоснованных преимуществ или выгод перед другими участниками общества в ущерб их интересам и интересам общества в целом, имеет место злоупотребление корпоративными

правами со стороны такого участника. По виду корпоративных прав могут быть выделены: (а) злоупотребление правом на участие в управлении общества; (б) злоупотребление правом на получение информации о деятельности общества; (в) злоупотребление правом в связи с исключением участника непубличного общества; (г) злоупотребление правом на обращение в суд (в рамках которого выделяются злоупотребления правом на обжалование корпоративных решений, правом на оспаривание сделок, правом требования возмещения убытков, причиненных обществу); (д) злоупотребление правом требовать ликвидации хозяйственного общества; и (е) злоупотребление правом при отчуждении участниками принадлежащих им акций (долей) хозяйственного общества.

Изучение практических примеров злоупотребления правом позволило сделать вывод, что участники хозяйственных обществ допускают, в основном, злоупотребления неимущественными правами для целей получения выгод и преимуществ перед другими участниками или обществом в целом, имеющих для него вполне имущественную оценку.

Злоупотребление корпоративным правом со стороны участника хозяйственного общества карается по общему правилу отказом в защите такого права. Применение указанной санкции не влияет на статус участника хозяйственного общества и его права, не влечет изменения либо прекращения корпоративного правоотношения между участником и обществом. Учитывая имущественный интерес участников хозяйственного общества и самого общества, как коммерческой организации, направленный на извлечение прибыли из своего участия и деятельности, злоупотребления корпоративными правами зачастую ущемляют имущественную сферу других участников общества, самого общества и/или третьих лиц. Если удастся установить причинно-следственную связь между злоупотреблением корпоративным правом и негативными имущественными последствиями, то правомерно заявление требования о возмещении убытков, причиненных злоупотреблением правом. По этой причине последствия в виде возмещения

убытков вместе с отказом в защите права являются основными последствиями в случае злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ. На практике суды также применяют и иные дополнительные последствия, несмотря на то, что закон напрямую не связывает такие последствия с злоупотреблением правом. Данная практика не может быть признана верной с учетом требований ст. 10 ГК РФ, согласно которой иные последствия злоупотребления правом должны быть прямо предусмотрены законом. До внесения соответствующих изменений в специальные законы о хозяйственных обществах применение дополнительных, не предусмотренных ст. 10 ГК РФ последствий в случае злоупотребления корпоративными правами невозможно.

Тенденции российской судебной практики и изменения в гражданском законодательстве говорят, что мы находимся на правильном пути, выражающемся в применении требований добросовестности к порядку осуществления корпоративных прав участниками хозяйственных обществ, квалификации недобросовестных действий участников хозяйственных обществ в качестве злоупотреблений, а также в признании злоупотребления корпоративными правами правонарушением, влекущим негативные последствия для участника, допустившего такое нарушение. Но такие правильные начинания требуют дальнейшего поддержки как на теоретическом и законодательном уровнях, так и на уровне их практического применения.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ:

АПК РФ - Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации № 95-ФЗ от 24.07.2002;

ГГУ - Германское Гражданское Уложение 1896 года;

ГК РФ - Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, вторая, третья и четвертая);

ГК 1922 года - Гражданский Кодекс РСФСР 1922 года, утвержденный Постановлением ВЦИК от 11.11.1922;

ГК 1964 года - Гражданский Кодекс РСФСР 1964 года, утвержденный ВС РСФСР 11.06.1964;

Изменения 2013 года - Федеральный закон № 302-ФЗ от 30.12.2012 «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»;

Конституция РФ 1993 года - Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993);

Концепция - Концепция развития гражданского законодательства РФ, одобренная решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009;

Основы 1961 года - Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, утверждённые Законом СССР от 08.12.1961;

Постановление № 19 - Постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об акционерных обществах» (ред. от 16.05.2014);

Постановление № 25 - Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 25 от 23.06.2015 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»;

Информационное письмо № 127 - Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ № 127 от 25.11.2008 «Обзор практики применения арбитражными судами ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации»;

Информационное письмо № 151 - Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 151 от 24.05.2012 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью»;

Проект Концепции - Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник ВАС РФ, 2009. № 4;

ФГК - Французский Гражданский Кодекс 1804 года;

ФЗАО - Федеральный закон «Об акционерных обществах» № 208-ФЗ от 26.12.1995;

ФЗООО – Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» № 14-ФЗ от 08.02.1998;

ФЗРЦБ - Федеральный закон № 39-ФЗ от 22.04.1996 «О рынке ценных бумаг».

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ:

ВАС РФ – Высший Арбитражный Суд РФ;

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации;

ЗАО «МНБК» - ЗАО «Московская Независимая Вещательная Корпорация» (телекомпания ТВ-6);

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации;

НЭП - новая экономическая политика, проводившаяся в 1920-е годы в Советской России;

ФАС – Федеральный арбитражный суд.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

МОНОГРАФИИ, КОММЕНТАРИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, УЧЕБНИКИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ:

1. Абрамов С., Кокорев Р., Цыганков С. О дискуссиях по ключевым направлениям развития корпоративного права в России. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/finance/russian/reportsandopinions/%D0%9E%20%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F%D1%85_%D0%90%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B2.pdf (дата обращения: 06.08.2019);
2. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды. ВИЮН НКЮ СССР. М. Изд-во НКЮ СССР, 1940. Вып. III;
3. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР, отделение экономики и права, 1946. № 6;
4. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940;
5. Агарков М.М. Учение о ценных бумагах. М. Финансовое издательство НКФ СССР, 1927;
6. Адамович Г. Проблемы применения института злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях // Хозяйство и право. 2005. № 5. С. 60;
7. Андреев В.К. Права, обязанности и ответственность участников хозяйственного общества // Гражданское право. 2016. № 1;
8. Андреев В.К. По поводу одной статьи, претендующей на правильное восприятие новых положений ГК РФ о корпоративных отношениях // Юрист. 2016. № 9;

9. Афанасьева Е.Г., Бакшинская В.Ю., Губин Е.П. Корпоративное право: учебник. Отв. ред. И.С. Шиткина. М. Кнорус, 2015;
10. Бабаев А.Б. Проблема корпоративных правоотношений. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. Под общ. ред. Белова В.А. М., 2007;
11. Бабаев А.Б. Проблема секундарных прав в российской цивилистике. Автореферат дисс. к.ю.н. М., 2006;
12. Бабаев А.Б. Секундарные права. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. Под общ. ред. В.А. Белова. М. Юрайт-Издат, 2007;
13. Базедов Ю., Курцински-Сингер Е. Заключение Института зарубежного и международного частного права имени Макса Планка от 02.02.2011 (MAX-PLANK-INSTITUT FUR AUSLANDISCHES UND INTERNATIONALES PRIVATRECHT. Prof. Dr. Dr.h.c. Jurgen Basedow, Dr. Eugenia Kurzynsky-Singer Gutachten (Den Gegenstand der Begutachtung bildet der Vjrschlag zur Anderung des Art. 10 des russischen Zivilgesetsbuchs (ZGB RF). Hamburg, den 02.02.2011) // Вестник гражданского права. 2011. № 2. С. 271-285;
14. Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып. 3. Кн. 4. Обязательственное право. С-Пб. Тип. Эрлих Ю.Н., 1899;
15. Бару М.И. О ст. 1 Гражданского Кодекса // Советское государство и право. 1958. № 12;
16. Белов В.А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или ... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11.
17. Белов В.А. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики. М. Издательство Юрайт, 2015;
18. Бержель Ж.-Л. Общая теория права. Под. общ. ред. В.И. Даниленко. Пер. с фр. М. Издательский дом NOTA BENE, 2000;

19. Богатырев Ф.О. Секундарное право на примере Постановления Президиума Верховного Суда России // Журнал российского права. 2005. № 2;
20. Бойко Т.С. Ответственность участника хозяйственного общества перед другим участником. // Закон. 2017. № 3;
21. Большой немецко-русский словарь. М. Русский язык, 2000;
22. Боннер А.Т. Применение закона и судебное усмотрение // Советское государство и право, 1979. № 6;
23. Братусь С.Н. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. 1967. № 3;
24. Вайпан В.А. Влияние судебной реформы и изменений в ГК РФ на предпринимательскую деятельность // Вестник арбитражной практики. 2014. № 5;
25. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М. Новый Юрист, 1998;
26. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М. Статут, 2016;
27. Волков А.В. Возникновение проблемы злоупотребления правом в древнеримской цивилистике // История государства и права, 2010. № 4;
28. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. М. Волтерс Клувер, 2009;
29. Волков А.В. О совершенствовании ст. 10 ГК РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 5;
30. Волков А.В. Теория концепции «злоупотребление гражданскими правами». Волгоград. Станица-2, 2007;
31. Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом // Юрист. 2013. № 8;
32. Вольф В.Ю. Основы учения о товариществах и акционерных обществах. М., 1927;
33. Вольфсон В.Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. М. Проспект, 2014;

34. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право, 2002. № 7;
35. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. С-Пб. Тип. Стасюлевича М.М., 1911;
36. Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице. Журнал гражданского и уголовного права. Декабрь. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. С.-Пб. Тип. Правительствующего Сената, 1888. Кн. 10;
37. Гойхбарг А.Г. Очередные вопросы в литературе гражданского права (литературное обозрение). Права общего собрания акционеров. // Вестник гражданского права. № 2. 1917;
38. Гололобов Д.В. Акционерное общество против акционера: противодействие корпоративному шантажу. М. Юстицинформ, 2004;
39. Гонгало Б.М. Предмет гражданского права. Проблемы теории гражданского права. ИЧП / Б.М. Гонгало. М. 2003;
40. Горбунов Е.Ю. О договорах «продажи голосов» третьим лицам. // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9;
41. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права». Под. ред. Санниковой Л.В. М. Статут, 2016;
42. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. Статут, 2000;
43. Гуссаковский П.Н. Вопросы акционерного права // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 10;
44. Гутников О.В. Государственные организации как субъекты корпоративных отношений: о допустимости участия в корпоративных отношениях унитарных юридических лиц. // Журнал российского права. 2016. № 7;

45. Гутников О.В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права. // Журнал российского права, 2017. № 3;
46. Гутников О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами. Дисс. на соискание ученой степени д.ю.н. М., 2018,
47. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве. Учебное пособие. отв. ред. Егорова М.А. М. Юстицинформ, 2017;
48. Дернбург Г. Пандекты, Т. 1. Общая часть. М. Унив. тип., 1906;
49. Дигесты Юстиниана. Пер. с лат. Т. VII. Полутом 2. М. Статут, 2005;
50. Дигесты Юстиниана. Пер. с лат. Т. IV. М. Статут, 2004;
51. Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. Монография. М. Волтерс Клувер, 2006;
52. Доманжо В. Вопрос об ответственности за вред, причиненный при осуществлении права, в проекте нашего Гражданского уложения // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Шершеневича Г.Ф. М. Статут, 2005;
53. Доманжо В. Ответственность за вред, причиненный путем злоупотребления правом // Ученые записки Казанского Императорского университета, Кн. V. Казань, 1913;
54. Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона. Пер. с фр. Сиверс М.М. Под ред. Гойхбарга А.Г. М., 1919;
55. Егоров А.В. Обход закона: использование дозволенной правом формы ради запрещенной правом цели // Вестник международного коммерческого арбитража № 2, 2011;
56. Егоров А.В. Бевзенко Р.С. Заключение Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации от 07.07.2017 по судебному делу ПАО «НК Роснефть» и ПАО АНК «Башнефть» против ПАО АФК «Система». URL:

- http://www.sistema.ru/fileadmin/user_upload/securities_info/zakljuchenie_egorova.pdf (дата обращения: 06.08.2019);
57. Егорова М.А. К вопросу о содержании корпоративных правомочий. // Гражданское право. 2014. № 4;
 58. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М. Лекс - Книга, 2002;
 59. Ерошенко А.А. Осуществление субъективных гражданских прав в противоречии с их назначением // Правоведение, 1972. № 4;
 60. Зайцева С.Г. Злоупотребление правом. К вопросу о пределах осуществления права // Юрист, 2002, № 7;
 61. Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2;
 62. Зурабян А.А. Корпоративные правоотношения как вид гражданских правоотношений. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2008;
 63. Иеринг Р. Интерес и право. Пер. А. Борзенко. Яр. Тип. Правительствующего Сената, 1880;
 64. Иоффе О.С. Юридические нормы и человеческие поступки, в сб.: Актуальные вопросы советского гражданского права. М. Юридическая литература, 1964;
 65. Каминка А.И. Очерки торгового права. Выпуск 1. Издание 2. С-Пб. Издание юридического книжного склада «Право», 1912;
 66. Каминка А.И. Очерки торгового права. М. 2002;
 67. Карапетов А.Г. Исключение акционера или участника из общества: выбирая модель регулирования. URL: https://m-logos.ru/img/Tezis_Karapetov_Iskluchenie_uchastnikov_16032015.pdf (дата обращения: 09.08.2019);
 68. Кашанина Т.В. Корпоративное право (Право хозяйственных товариществ и обществ). Учебник для ВУЗов. М. НОРМА-ИНФРА-М, 1999;

69. Козлова Н.В. Гражданско-правовая природа отношений между юридическим лицом и его учредителями. Законодательство № 7. Июль 2004;
70. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица: Очерки истории и теории. Учебное пособие. М., 2003;
71. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005;
72. Корпоративное право: учебный курс. 4 издание. Отв. ред. И.С. Шиткина. Кнорус М. М., 2016;
73. Корпоративное право: учебник. Габов А.В., Губин Е.П., Карелина С.А. и др. Отв. ред. Шиткина И.С. М. Статут, 2019;
74. Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения. Сов. государство и право. 1966. № 10;
75. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. Категории науки гражданского права. Избранные труды. М. 2005. Т. 2.;
76. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Право членства. // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12;
77. Кузнецов А.А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации № 10. 2004;
78. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М. Статут, 2017;
79. Кулагин М.И. Избранные труды. М., 1997;
80. Лазарев В.В. Общая теория прав и государства. М. Юрист, 1994;
81. Основы права. Учебник под ред. Лазарева В.В. М., Юристъ, 2002;
82. Лапач В. Доля в уставном капитале как имущество // ЭЖ-Юрист, 2005. № 28;
83. Лаптев В.В. Акционерное право. М. 1999;
84. Ломакин Д.В. Акционерное правоотношение. М. Спарк, 1997;

85. Ломакин Д.В. От корпоративного интереса через злоупотребление корпоративным правом к корпоративному спору // Корпоративный юрист. 2006. № 2;
86. Ломакин Д.В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства. // Вестник ВАС РФ. 2009. № 8;
87. Ломакин Д.В. Корпоративное право: «новые» способы нерешения старых проблем. // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11;
88. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: Общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. Статут, 2008;
89. Ломакин Д.В. Корпоративный интерес и осуществление права на участие в управлении хозяйственным обществом. // Хозяйство и право. 2014. № 4;
90. Ломакин Д.В. Еще раз о фидуциарности в гражданском праве. // Хозяйство и право. 2019. № 1;
91. Ломидзе О. Переход обязательственных прав участников юридических лиц. Российская юстиция, 1999. № 10;
92. Макарова О. А. Корпоративное право. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М. Издательство Юрайт, 2015;
93. Макин Р.В. Некоторые аспекты фидуциарных обязанностей в корпоративном праве. // Акционерное общество. 2018. № 6;
94. Малейн Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. М. Юридическая литература, 1981;
95. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление и защита. М. МЗПресс, 2001;
96. Малиновский А.А. Злоупотребление правом как юридическая категория // Черные дыры в российском законодательстве, 2005. № 4;
97. Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях // Избранные произведения по гражданскому праву. М. Центр ЮрИнфоР, 2003);

98. Микрюков В.А. Формирование высшего органа управления корпорации // Законодательство и экономика. 2015. № 4;
99. Михалёва А. От ВС ждут разъяснений «корпоративных» новелл ГК. URL: http://pravo.ru/court_report/view/110273/ (дата обращения: 06.08.2019);
100. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М. Статут, 2005;
101. Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М. Статут, 2010;
102. Могилевский С.Д., Самойлов И.А. Корпорации в России: Правовой статус и основы деятельности: Учебное пособие. М. Дело, 2006;
103. Муранов А.И. Проблема «обхода закона» в материальном и коллизионном праве. М. 1999;
104. Мусин В.А. Одночленные корпорации в буржуазном праве. Правоведение. 1981. № 4;
105. Никологорская Е.И. Гражданско-правовая характеристика интересов акционеров и акционерного общества и их баланса // Дисс. на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2008;
106. Новак Д.В. Добросовестность в корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2017. № 2;
107. Новицкий И.Б. Курс советского гражданского права. Сделки. Исковая давность. М., 1954;
108. Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Римское частное право. М. Юриспруденция, 2001;
109. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник Гражданского права. Петроград, 1916. № 6 (Октябрь);
110. Оршанский И.Г. О значении и пределах свободы воли в праве // Журнал Гражданского и Уголовного Права. СПб., 1873. Книга 5 (Сентябрь);
111. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М. Зерцало, 1997;

112. Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории становления и общая характеристика. М. Госюриздат, 1956;
113. Петражицкий Л.И. Акционерная компания. С.-Петербург. Тип. Министерства финансов (В. Киршбаума), 1898;
114. Петражицкий Л.И. Права добросовестного приобретателя на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. М. Статут. 2002;
115. Писемский П.А. Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М. Тип. Грачева и Ко., 1876;
116. Пискунов Я. Хочется, чтобы юристы больше уважали тех, для кого в первую очередь создан Гражданский кодекс, - граждан. Интервью с Н.Ю. Рассказовой // Закон, 2015. № 9. С. 6 – 17;
117. Планиоль М. Курс французского гражданского права. Часть первая. Теория об обязательствах. Перевод с французского В.Ю. Гартман. Выпуск второй. Издание типографии С. Пансаго. Петроков, 1911;
118. Покровский И.А. История римского права. С-Пб. Летний сад, 1999;
119. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права, М. Статут, 1998;
120. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М. Волтерс Клувер, 2007;
121. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960;
122. Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М. Волтерс Клувер, 2010;
123. Радченко С.Д. Понятие и сущность злоупотребления субъективным гражданским правом // Журнал российского права, 2005. № 11;
124. Руднев П.А. Анализ прав и обязанностей акционеров. М. Изд-во НКЮ РСФСР, 1927;
125. Рясенцев В.А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // Советская юстиция, 1962. № 9;

126. Сеницын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах. Дисс. на соискание ученой степени д.ю.н. М., 2017;
127. Сеницын С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита // Вестник гражданского права. 2018. № 4;
128. Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. М. Статут, 2004;
129. Скловский К.И. Повседневная цивилистика. М. Статут, 2017;
130. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Учебное пособие. Л. ЛГУ, 1983;
131. Сорель А. Историко-культурное значение французского гражданского кодекса // Журнал Министерства Юстиции. СПб. Сенатская Тип., 1905;
132. Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1;
133. Степанов П.В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права. Дисс. на соискание ученой степени к.ю.н. 1999;
134. Степанов Д.И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах // Закон. 2014. № 7;
135. Степанов Д.И. Ответственность акционера перед акционером: возможна ли постановка такой проблемы? Корпоративный юрист. 2008. № 11;
136. Суворов Е.Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. М. ИД В. Ема, 2008;
137. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М. Статут. 2014;
138. Гражданское право под ред. Суханова Е.А. Т. 1. М., Издательство БЕК. 1998;
139. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Тип. К. Маттисена. Юрьев, 1917;
140. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М. Статут, 2000;

141. Тархов В.А. Осуществление гражданских прав // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического развития. Саратов, 1962;
142. Тексты важнейших основных законов иностранных государств. Ч. I. Пер. Ф.Ф. Кокошкина, Издание М. и С. Сабашниковых. М, 1905;
143. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л. Изд-во ЛГУ, 1959;
144. Третьяков С.В. Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине // Вестник гражданского права. 2007. № 2;
145. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. Т-во Типографии А.И. Мамонтова. М., 1917;
146. Ушницкий Р.Р. Гражданско-правовая форма корпоративного правоотношения. Автореф. дис... канд-та юрид. наук. СПб, 2013;
147. Ушницкий Р.Р. К вопросу о корпорации как элементе корпоративного правоотношения. Безопасность бизнеса. 2012. № 1. С. 31 – 33;
148. Хвостов В.М. Система римского права, М. Спарк, 1996;
149. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М. Статут, 2015;
150. Чукреев А.А. Добросовестность в системе принципов гражданского права // Журнал российского права, 2002. № 11;
151. Шабуров А.С. Теория государства и права. Учебник. Под ред. Корельского В.М. и Перевалова В.Д. М., 1998;
152. Шерстобитов А.Е. Злоупотребление правом (доктрина и практика) // Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею Ема В.С. Отв. ред. Суханов Е.А., Козлова Н.В. М. Статут, 2011;
153. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 1: Введение. Торговые деятели. М. Статут, 2003;
154. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. Московское научное издательство, 1919;

155. Шиткина И.С. Парадигма и парадоксы корпоративного права. Предпринимательское право. 2010. № 1;
156. Шиткина И.С. Реформа российского корпоративного законодательства: анализ новелл, внесенных в главу 4 ГК РФ «О юридических лицах» (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение Право и Бизнес. 2014. № 4;
157. Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. С-Пб. Изд-во Ленинградского университета, 1984;
158. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1. полутом 2. М. Иностранная литература, 1950;
159. Энциклопедия государства и права. П. Стучка (отв. ред.). М. Изд-во Коммунистической Академии, 1925-1926. Т. 2.;
160. Юридические лица в российском гражданском праве: Монография. В 3 т. Общие положения о юридических лицах. Т. 1. Отв. ред. Габов А.В., Гутников О.В., Сеницын С.А., глава 4 (автор главы - Гутников О.В.). М. ИНФРА-М, 2015;
161. Янев Янко Г. Правила социалистического общежития. М. Прогресс, 1980;
162. Яценко Т.С. Категория шиканы в гражданском праве: история и современность. М. Статут, 2003.

ИЗДАНИЯ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

163. Anabtawi I., Stout L. Fiduciary Duties for Activist Shareholders, 60 Stan. L. Rev. 1255, 1267 n. 32 (2008)
URL: <http://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1825&context=facpub> (дата обращения: 06.08.2019);
164. AO Hall Shadow directors – power and influence bring responsibility
URL: <http://documents.lexology.com/94e5b00f-3541-43eb-890e-855c18b28f38.pdf> (дата обращения: 06.08.2019);
165. Cohen Z. Fiduciary Duties of Controlling Shareholders: a comparative view.
URL:

- [https://www.law.upenn.edu/journals/jil/articles/volume12/issue3/Cohen12U.Pa.J.Int'lBus.L.379\(1991\).pdf](https://www.law.upenn.edu/journals/jil/articles/volume12/issue3/Cohen12U.Pa.J.Int'lBus.L.379(1991).pdf) (дата обращения: 06.08.2019);
166. Cueto-Rua J. Abuse of Rights, 35 La. L. Rev. (1975). URL: <http://digitalcommons.law.lsu.edu/lalrev/vol35/iss5/3> (дата обращения: 06.08.2019);
167. Eisenberg M.A. The Structure of Corporation Law. 89 Colum. L. Rev. 1461 (1989). URL: <http://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3007&context=facrpubs> (дата обращения: 06.08.2019);
168. Gullickson R.G. Do Minority Shareholders Owe A Fiduciary Duty? It Depends. URL: https://www.anthonystlund.com/uploads/1288/doc/AAL-2014May-Do_Minority_Shareholders_Owe_A_Fiduciary_Duty__It_Depends-Gullickson.pdf (дата обращения: 06.08.2019);
169. Helix Law Court says 'shadow' directors can be subject to directors' fiduciary duties. URL: <http://www.helix-law.co.uk/blog/78-court-says-shadow-directors-can-be-subject-to-directors-fiduciary-duties> (дата обращения: 06.08.2019);
170. Herman Sh. Classical Social Theories and the Doctrine of 'Abuse of Right', 37 La. L. Rev. (1977). URL: <http://digitalcommons.law.lsu.edu/lalrev/vol37/iss3/6> (дата обращения: 06.08.2019);
171. Hetherington J.A.C. The minority's duty of loyalty in close corporations, Duke Law Journal. URL: <http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2410&context=dlj> (дата обращения: 06.08.2019);
172. Hill J.G., Thomas R.S. Research Handbook on Shareholder Power. Edward Elgar Publishing. Northampton. Massachusetts. USA, 2015;
173. Jendrzajek D.P. Moss & Barnett A Professional Association What Exactly Are the Duties of a Fiduciary? URL:

- https://www.lawmoss.com/media/publication/724_DPJDutiesofFiduciary.pdf (дата обращения: 06.08.2019);
174. Laurent F. Principes de droit civil. Bruxelles: Bruylant-Christophe. Paris: A. Durand et Pedone-Lauriel. 1869-1878. Tome 6. § 101;
175. Mäntysaari P. Comparative Corporate Governance: Shareholders as a Rule-maker. Springer Science & Business Media. Springer Berlin - Heidelberg, 2005;
176. Pistor K. Columbia Law School and Chenggang Xu London School of Economics Fiduciary Duty in Transitional Civil Law Jurisdictions Lessons from the Incomplete Law. March 2002. URL: http://www.ckgsb.edu.cn/uploads/professor/201607/15/PX_Fiduciary-Duty_02.pdf (дата обращения: 06.08.2019);
177. *Quinlan v Essex Hinge Co Ltd [1997]* // British Company Cases, 1997;
178. *Re A Company (No.00370 of 1987), Ex p. Glossop [1988]* // The Weekly Law Reports 7 October 1988;
179. Steiner E. French Law. A Comparative Approach. Oxford. Oxford University Press. 2010;
180. Szentkuti D. Minority shareholder protection rules in Germany, France and United Kingdom. L.L.M. short thesis. Central European University. Budapest. Hungary. March 2007. URL: www.etd.ceu.hu/2007/szentkuti_daniel.pdf (дата обращения: 06.08.2019);
181. White & Case LLP Duties of Shadow Director of Company in Financial Difficulty. URL: <http://events.whitecase.com/pdfs/london/Duties-of-shadow-director-of-company-in-financial-difficulty.pdf> (дата обращения: 06.08.2019);
182. Your Liberty To Swing Your Fist Ends Just Where My Nose Begins. URL: <https://quoteinvestigator.com/2011/10/15/liberty-fist-nose/> (дата обращения: 13.08.2019).

НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ И ИНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

183. The Companies Act 2006. URL:
<http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/251>;
184. Французский гражданский кодекс (Code civil français (1804) // Legifrance. URL:
<https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721>) (дата обращения: 06.08.2019);
185. Германское Гражданское Уложение 1896 года;
186. Швейцарское Гражданское Уложение 10.12.1907. Пер. Варшавского К.М., Пг., Тип. Двигатель, 1915;
187. Гражданский Кодекс РСФСР 1922 года, утвержденный Постановлением ВЦИК от 11.11.1922;
188. Гражданский Кодекс РСФСР 1964 года, утвержденный ВС РСФСР 11.06.1964;
189. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, утверждённые Законом СССР от 08.12.1961;
190. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977);
191. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993);
192. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, вторая, третья и четвертая);
193. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) № 117-ФЗ от 05.08.2000;
194. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации № 95-ФЗ от 24.07.2002;
195. Концепция развития гражданского законодательства РФ, одобренная решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009;

196. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник ВАС РФ, 2009. № 4;
197. Федеральный закон «Об акционерных обществах» № 208-ФЗ от 26.12.1995;
198. Федеральный закон № 39-ФЗ от 22.04.1996 «О рынке ценных бумаг»;
199. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» № 14-ФЗ от 08.02.1998;
200. Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)»;
201. Федеральный закон № 302-ФЗ от 30.12.2012 «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»;
202. Федеральный закон № 266-ФЗ от 29.07.2017 «О внесении изменений в Федеральный Закон о несостоятельности (банкротстве) и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»;

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

203. Постановление Пленума ВС Российской Федерации и Пленума ВАС Российской Федерации от 01.07.1996 № 6/8;
204. Постановление Пленума ВС РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения ФЗОО»;
205. Постановление Президиума ВАС РФ № 32/02 от 11.01.2002;
206. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.07.2003 № 72 «Обзор практики принятия арбитражными судами мер по обеспечению исков по спорам, связанным с обращением ценных бумаг»;
207. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 (ред. от 16.05.2014) № 19 «О некоторых вопросах применения ФЗАО»;
208. Постановление КС РФ от 24.02.2004 № 3-П;
209. Определение ВС РФ от 05.03.2004 по делу № 36-В04-7;
210. Определение ВАС РФ от 26.02.2007 № 1716/07;
211. Определение ВАС РФ от 21.05.2007 № 3708/07;

212. Определение КС РФ от 03.07.2007 № 681-О-П;
213. Определение ВАС РФ от 24.09.2007 № 11581/07;
214. Определение ВАС РФ от 11.07.2008 № 8390/08;
215. Информационное письмо ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации»;
216. Постановление КС РФ от 27.11.2008 № 11-П;
217. Определение ВАС РФ от 02.03.2009 № 1607/09 по делу № А31-2840/2008-17;
218. Определение ВАС РФ от 21.01.2010 № ВАС-18003/09;
219. Постановление Президиума ВАС РФ от 06.04.2010 № 17536/09 по делу № А51-11603/200844-328;
220. Определение КС РФ от 16.12.2010 № 1580-О-О;
221. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ»;
222. Определение КС РФ от 18.01.2011 № 8-О-П;
223. Определение ВАС РФ от 07.04.2011 № ВАС-17500/10 по делу № А41-19368/08;
224. Определение ВАС РФ от 03.06.2011 № ВАС-9579/10 по делу № А65-19351/2009-СГЗ-25;
225. Определение ВАС РФ от 03.06.2011 № ВАС-9530/10 по делу № А65-19357/2009-СГЗ-25;
226. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.11.2011 N 17912/09 по делу № А54-5153/2008/С16;
227. Определение ВС РФ от 06.12.2011 № 14-В11-11;
228. Постановление Президиума ВАС РФ от 06.03.2012 № 13567/11 по делу № А71-10080/2010-Г33;

229. Информационное письмо Президиума ВАС Российской Федерации № 151 от 24.05.2012 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью»;
230. Определение ВАС РФ № ВАС-10345/12 по делу № А35-843/2011 от 08.08.2012;
231. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.05.2013 № 17388/12 по делу № А60-49183/2011;
232. Определение ВАС РФ от 30.05.2013 № ВАС-6178/13 по делу № А41-20269/12;
233. Постановление Пленума ВАС РФ от 09.07.2013 № 11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров»;
234. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62;
235. Постановление ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»;
236. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.09.2013 № 3330/13 по делу № А41-41903/10;
237. Определение ВАС РФ от 28.10.2013 № ВА-14817/13;
238. Определение ВС РФ от 15.09.2014 № 305-ЭС14-67 по делу № А40-74217/2013;
239. Определение ВС от 15.09.2014 № 305-ЭС14-68 по делу № А40-33110/2013;
240. Определение ВС РФ от 08.10.2014 по делу № 306-ЭС14-14;
241. Определение ВС РФ от 09.12.2014 по делу № 305-ЭС14-3435, А40-116560/2012;
242. Определение ВС РФ от 15.12.2014 по делу № 309-ЭС14-923, А07-12937/2012;

243. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ»;
244. Обзор судебной практики ВС РФ № 2 (2015), утвержденный Президиумом ВС РФ 26.06.2015;
245. Определение ВС РФ от 07.07.2015 по делу № 78-КГ15-7;
246. Определение ВС РФ от 20.07.2015 № 303-ЭС15-8878 по делу № А51-12747/2014;
247. Определение ВС РФ от 14.08.2015 № 305-ЭС15-9152 по делу № А40-166102/2013;
248. Определение ВС РФ от 01.09.2015 № 5-КГ15-92;
249. Определение ВС РФ от 15.09.2015 № 304-ЭС15-4914 по делу № А45-2250/2014;
250. Определение ВС РФ от 25.09.2015 № 306-ЭС15-5083 по делу № А55-7712/2014;
251. Определение ВС РФ от 26.10.2015 № 304-ЭС15-5139 по делу № А27-18141/2013;
252. Постановление КС РФ от 27.10.2015 № 28-П;
253. Определение ВС РФ от 01.12.2015 № 4-КГ15-54;
254. Определение ВС РФ от 08.12.2015 № 5-КГ15-179;
255. Определение ВС РФ от 08.12.2015 № 34-КГ15-16;
256. Определение ВС РФ от 28.12.2015 № 306-ЭС14-3497 по делу № А12-8206/2009;
257. Определение ВС РФ от 28.12.2015 № 308-ЭС15-1607 по делу № А63-4164/2014;
258. Определение ВС РФ от 19.01.2016 по делу № 305-ЭС15-8581, А40-138789/2010;
259. Определение ВС РФ от 19.01.2016 по делу № 305-ЭС14-6072, А40-138793/2010;

260. Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»;
261. Определение ВС РФ от 29.03.2016 № 5-КГ16-28;
262. Определение ВС РФ от 12.04.2016 № 19-КГ16-5;
263. Определение ВС РФ от 18.04.2016 № 308-ЭС15-18008 по делу № А32-35215/2014;
264. Определение ВС РФ от 19.04.2016 № 5-КГ16-51;
265. Определение ВС РФ от 19.04.2016 № 9-КГ16-3;
266. Определение ВС РФ от 19.04.2016 № 83-КГ16-4;
267. Определение ВС РФ от 26.04.2016 № 45-КГ16-2;
268. Определение ВС РФ от 14.06.2016 № 52-КГ16-4;
269. Определение ВС РФ от 21.06.2016 № 78-КГ16-24;
270. Определение ВС РФ от 28.06.2016 № 18-КГ16-36;
271. Определение ВС РФ от 19.07.2016 № 18-КГ16-61;
272. Определение ВС РФ от 09.08.2016 № 21-КГ16-6;
273. Определение ВС РФ от 09.08.2016 № 21-КГ16-7;
274. Определение ВС РФ от 30.08.2016 № 78-КГ16-36;
275. Определение ВС РФ от 20.09.2016 № 49-КГ16-18;
276. Определение КС РФ от 17.01.2017 № 1-О;
277. Постановление Постановления Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»;
278. Определение ВС РФ от 07.11.2018 № 305-ЭС18-12143 по делу № А40-113011/2017;
279. Постановление ФАС Московского округа № КГ-А41/195-02 от 11.02.2002;
280. Постановление ФАС Уральского округа от 25.07.2002 № Ф09-171/02-ГК по делу № А50-10978/01;

281. Постановление ФАС Центрального округа от 26.11.2002 № А36-183/8-02;
282. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 09.01.2003 по делу № Ф04/250-1990/А45-2002;
283. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 23.01.2003 по делу № Ф08-5075/2002;
284. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 31.03.2003 № А44-1423/02-С12;
285. Постановление ФАС Московского округа от 16.04.2003 № КГ-А40/1855-03;
286. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 24.06.2003 по делу № А05-12464/02-590/17;
287. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 08.09.2003 № Ф08-3093/03 по делу № А32-2576/2003-32/78;
288. Постановление ФАС Уральского округа от 21.10.2003 № Ф09-2966/2003-ГК по делу № А47-2428/2003;
289. Постановление ФАС Московского округа от 10.11.2003 года по делу № КГ-А40/8806-03;
290. Постановление ФАС Московского округа от 17.11.2003 по делу № КГ-А41/8782-03;
291. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 26.02.2004 № Ф08-536/04 по делу № А32-14400/2003-21/327;
292. Постановление ФАС Уральского округа от 06.07.2004 № Ф09-2016/04-ГК по делу № Ф07-17728/03;
293. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 09.08.2004 № Ф08-3412/04-1311А по делу № А22-126/04-13-5;
294. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 11.10.2004 № Ф08-4470/04 по делу № А32-13089/04-17/239;
295. Постановление ФАС Московского округа от 27.12.2004 № КГ-А40/12233-04;

296. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 08.04.2005 по делу № Ф08-1193/2005;
297. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 29.06.2005 № А43-30803/2004-2-1004;
298. Постановление ФАС Поволжского округа от 08.09.2005 № А72-7960/04-23/395;
299. Постановление ФАС Уральского округа от 09.11.2005 № Ф09-3738/05-С5 по делу № А60-11020/05;
300. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 29.11.2005 № Ф08-5602/2005 по делу № А63-546/2005-С2;
301. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 29.11.2005 № Ф08-5600/2005 по делу № А63-547/2005-С2;
302. Постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 31.03.2006 № Ф04-2109/2005(14105-А75-11), Ф04-2109/2005(15210-А75-11), Ф04-2109/2005(15015-А75-11), Ф04-2109/2005(14744-А75-11), Ф04-2109/2005(14785-А75-11) по делу № А75-3725-Г/04-860/2005;
303. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 02.06.2006 по делу № А82-5494/2004-13;
304. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25.07.2006 № Ф08-3160/06 по делу № А22-1236/05/1-158;
305. Постановление ФАС Московского округа от 31.08.2006 по делу № КГ-А40/8171-06;
306. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 10.10.2006 по делу № Ф08-5015/2006;
307. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 31.10.2006 № Ф08-5490/06 по делу № А53-3154/2006-С4-11;
308. Постановление ФАС Поволжского округа от 26.01.2007 по делу № А57-10213/06-25;
309. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 06.03.2007 № Ф08-917/2007 по делу № А53-8797/2006-С4-28;

310. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 05.04.2007 № Ф08-1716/2007 по делу № А32-66585/2006-45/54;
311. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 27.06.2007 № Ф08-3883/2007 по делу № А53-6703/2006-С4-50;
312. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 26.03.2008 № Ф08-1390/08 по делу № А20-2178/2006;
313. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25.08.2008 № Ф08-4984/2008 по делу № А53-20999/2007-С1-36;
314. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 05.10.2009 по делу № А28-13712/2008-393/32;
315. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.10.2009 по делу № А45-2039/2009;
316. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 05.05.2010 по делу № А27-7309/20094;
317. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 10.09.2010 по делу № А63-18705/2009;
318. Постановление ФАС Уральского округа от 23.11.2010 № Ф09-9824/10-С4 по делу № А60-62102/2008-С4;
319. Постановление ФАС Московского округа от 21.12.2010 № КГ-А41/16146-10 по делу № А41-43408/09;
320. Постановление ФАС Поволжского округа от 18.05.2011 по делу № А12-3245/2010;
321. Постановление ФАС Поволжского округа от 23.05.2011 по делу № А55-30072/2009;
322. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 02.06.2011 по делу №А19-12374/10;
323. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 06.07.2011 по делу № А70-11492/2010;
324. Постановление ФАС Уральского округа от 22.07.2011 № Ф09 -4229/11 по делу № А50-23257/2010;

325. Постановление ФАС Московского округа от 02.08.2011 № КГ-А40/6870-11 по делу № А40-682/11-83-6;
326. Постановление ФАС Уральского округа от 11.08.2011 № Ф09-4808/11 по делу № А50-23255/2010;
327. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 18.08.2011 по делу № А33-18269/2009;
328. Постановление ФАС Уральского округа от 14.11.2012 № Ф09-10061/12 по делу № А50-2205/2012;
329. Постановление ФАС Московского округа от 14.02.2013 по делу № А41-20269/12;
330. Постановление ФАС Московского округа от 25.03.2013 по делу № А40-59362/09-70-230Б;
331. Постановление ФАС Центрального округа от 17.07.2013 по делу № А23-1803/12;
332. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 01.10.2013 по делу № А53-3054/2013;
333. Постановление ФАС Поволжского округа от 27.12.2013 по делу № А55-5450/2013;
334. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14.10.2014 по делу № А48-2339/2013;
335. Постановление Седьмого Арбитражного Апелляционного суда от 23.03.2015 по делу № А27-6382/2014;
336. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 01.07.2015 № Ф06-24491/2015 по делу № А55-26417/2014;
337. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.09.2015 № Ф04-20935/2015 по делу № А46-12003/2014;
338. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.10.2015 по делу № А40-75714/13-134-707;
339. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 01.02.2016 № 05АП-11510/2015 по делу № А24-2913/2015;

340. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 06.05.2016 по делу № А43-30472/2015;
341. Решение Арбитражного Суда г. Москвы от 11.07.2016 по делу № А40-56167/2016;
342. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.10.2016 № Ф06-12345/2016 по делу № А57-30921/2015;
343. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.03.2017 № Ф08-811/2017 по делу № А32-31036/2015;
344. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 13.06.2017 № Ф10-2187/2017 по делу № А09-10232/2016;
345. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.06.2017 № Ф07-4235/2017 по делу № А56-46816/2016;
346. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.09.2017 № Ф05-14140/2017 по делу № А41-80557/2016;
347. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28.09.2017 № 08АП-11121/2017 по делу № А70-826/2015;
348. Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан Республики Башкортостан от 30.08.2017 № А07-14085/17;
349. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 03.10.2017 № 02АП-6092/2017, 02АП-6093/2017, 02АП-6095/2017, 02АП-6096/2017, 02АП-6413/2017 по делу № А17-1457/2017;
350. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.02.2019 № Ф09-221/19 по делу № А07-12633/2018.